

Владимир Шкаликов

СКАЗОЧНО ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

для всей семьи

О том, как всё получилось.

Давным-давно, много лет тому вперёд и немного в сторону, жил Великий Человек. Он ничего не изобрёл, книг не написал, новых земель и вод не открыл, но среди всех великих был Действительно Великим - вот именно так, с больших букв.

Чтобы понять, надо ответить на вопрос: "Какая беда страшнее всех?" Для тех счастливцев, кто не знает, отвечаю сам:

ВОЙНА.

Люди убивают друг друга и ломают то, что сами построили. Рвут и жгут то, что сами сшили. Топчут то, что сами посадили. Становятся убийцами, но получают за это награды. Самые главные и жуткие из этих убийц - те, кто войну начинает и всех других заставляет воевать. Вот и ясно тогда, кто есть Действительно Великий человек. Конечно, тот, кто может остановить начатую войну, а ещё лучше - не дать ей начаться.

Таким человеком и был один мой родственник. Да почему был? Он и сейчас есть, только очень и очень, крайне, почти бесконечно далеко. Останавливает войны за пределами видимого Космоса. Ему очень трудно везде успеть, он очень от этого страдает и утешается лишь тем, что всё же работает не зря. Без него убили бы и разрушили гораздо больше. Вот он и мечется из космоса в космос, из времени во время, гасит военные пожары и терпеливо ждёт, когда же люди везде поумнеют и бросят воевать.

Между прочим, во многих местах уже бросили. Но других ещё больше.

Рассказывать об этом человеке я здесь больше не буду, потому что в специальной повести "Ангел-хранитель" уже описано, как он из простого Малыни стал Стратегом. Рассказано там и о пушистом прозрачном существе по имени Кунг, помогавшем сначала мальчику, потом - немного - Стратегу, потом - его сыну. Было упомянуто и о том, что Кунг постоянно нашёптывал детям в своём роду сказки во сне. Но на сами эти сказки тогда места не нашлось.

Теперь же есть и место, и сказки. И сам Кунг несколько раз помогал мне кое-что вспоминать. Мы собрали в эту книгу некоторые его нашёптывания.

Какого возраста детям подходят эти истории? По-моему, всякого. Кунг рассказывал их мне по несколько раз и в самом разном возрасте. Каждый такой раз я

открывал, было, рот, чтобы спросить: "Зачем? Я это уже знаю". Но он останавливал меня хитрым блестящим взглядом, поднимал палец, приглашая потерпеть, и к концу концов знакомая история снова оказывалась для моего возраста.

Историй в этой книге не очень много: только те, которые слышал я сам. А рассказывать мне новые Кунг не успевает - он ведь должен по ночам заниматься моими внуками. Когда внуки подрастут, и у них найдётся свободное время, попрошу их вспомнить СВОИ сказки - может быть, получится ещё книга.

Между прочим, у каждой семьи на Земле - свой кунг. Задумайтесь об этом, когда будете читать первую историю.

ВОЙНА КУНГОВ

Надобно вам знать, что кунги - это духи рода, то есть одной семьи за много-много лет. А поскольку любой человеческий род состоит из мужского и женского, то и кунгов на каждый род приходится по двое. Каждый умирающий в семье мужчина отдаёт душу своему мужскому кунгу, а каждая умирающая женщина - своему женскому. С виду кунги так похожи меж собой, что на взгляд и не отличишь, который из них женский, который мужской. Прозрачные, пушистые, ростом с детскую ладошку, лицом похожи сразу на всю свою семью, живут в стенах того жилища, где обитает их семья - хоть в доме, хоть в шалаше, хоть в палатке, хоть в пещере. При переезде могут поместиться и в сумке, и в книге, и даже в рубахе - в любом предмете, которым пользуется их семья.

Кунги для семьи полезны чрезвычайно. Детям рассказывают на ночь сказки (это они выдумали и домового, и лешего, и Бабу Ягу, и прочую нечисть), а взрослым подсказывают во сне добрые мысли. Злодеев, проникающих в дом, могут перепугать до полусмерти.

Конечно, в каждом роду кунги имеют разную силу. Это зависит от многих причин, о которых ещё будет сказано. А пока - вот вам история, которая сделала кунгов такими, каковы они сейчас.

Человечеству много тысяч лет, и все эти тысячи лет люди вели себя очень воинственно. Любой кунг вам расскажет, из-за каких пустяков порой случались войны. Например, если я тебя толкнул и не извинился - драка. Тот, кого в этой драке побили, завтра собирает родных и друзей, чтобы отомстить. А другой в ответ делает то же самое. Семья на семью, род на род, село на село, народ на народ - и всё из-за того, что я тебя толкнул и не извинился. А если я тебя обманул? А если ты меня - убил?.. Вот и воевали почти без передышек, сеяли и множили злодейства, придумывали, чем бы ещё друг другу навредить, и жили из-за этого в вечном разоре и бедности.

А что же кунги?

Первые кунги произошли от первых же людей и потому были весьма на них похожи нравом. Нашёптывали им во сне злодейства, а детям сказок не рассказывали, потому что сказок попервости просто не было - до рождения первого доброго человека.

Однако разница между людьми и кунгами - известна. Когда умирает кто-то в роду, его душа достается кунгу. И кунг с каждой душой становится умнее. А каждый новый человек рождается глупеньким и должен всему учиться с самого начала. Кунги помнят и знают всё, что знали умершие люди в их роду. Поэтому люди для них - всегда несмышлёныши, даже самые умные. И эта разница в уме всё время увеличивается.

Из-за этой разницы кунгам бывает очень трудно, когда они пытаются помочь своему живому родственнику. Ведь когда человек не спит, ему просто некогда обратить внимание на тихий голос кунга, подобный лёгкому дыханию. А сон - он и есть сон. Кто же из НОРМАЛЬНЫХ людей всерьёз поверит сну?! Иногда бывает, что верят. И тогда происходят вещи необыкновенные: открытия, изобретения, новые сказки... Но люди не знают о кунгах и думают, что это они САМИ дошли до всего, только во сне.

Однако не будем сильно отвлекаться от нашей истории.

Первую тысячу лет кунги накапливали человеческий опыт без всякого разбора. Всё было впервые, поэтому всё было интересно: и хорошее, и дурное.

Но жизнь каждого человека складывается по-своему. Да и рождаются люди разными: кто красавец, кто урод, кто умён, кто глуп, кто добр, а кто и с детства негодяй. И накопилось в кунгах всего помногу. Притом, были среди них такие, в которых больше добра и доброты, а другие - из-за своей родни, конечно, вместе с большим умом накопили, и большое негодяйство. И поскольку всякий кунг старался только для своего рода, то и помощь людям одни кунги оказывали в добрых делах, другие - в злодеяниях. И пошла между кунгами вражда, как между людьми.

Но что один кунг может сделать другому в бою? Оба бессмертны да к тому же и бестелесны. Дерись, не дерись, а конец один - кунги целёхоньки, а людей в каждом роду с каждым разом меньше: они-то друг друга убивают!..

И вот однажды побросали кунги свои семьи, да и собрались внутри самой большой горы, чтобы всем поместиться просторно.

И хотя умели разговаривать между собой без слов, поднялся такой шум и крик, что вокруг горы произошло даже небольшое землетрясение. Откуда только взялись такие голоса!

Одни, помоложе, кричали, что не позволят всякому там и каждому обижать свои семьи. Другие, совсем молодые, лет до ста, вопили, что человечество обижает своих кунгов и поэтому всех неблагодарных людишек, всё это слабоумное человечество пора целиком

погубить и зажить без него на Земле припеваючи, в мире и согласии между великолепно умными кунгами. Самые же старые, повидавшие больше всех, выступать не торопились, а просто открыли рты пошире и гудели изо всех сил, чтобы шум поскорее всем надоел.

Когда все устали, и затихли, один из самых старых кунгов заявил:

-Покричали, душу отвели, а теперь слушайте, духи человеческих родов, куда дело клонится. Сейчас люди воюют все: и кому есть до драки дело, и кому его нет. Даже мы ввязались. Позор!

-Позор! - подтвердили хором все старейшие кунги.

-Так вот, - продолжал самый старый, - дело клонится к тому, что люди и в самом деле перебьют друг друга, и мы останемся на Земле одни. Среди нас уже есть такие духи, которые потеряли в боях всю свою родню. Кто из вас спрашивал, хорошо ли им?

Молчание было ему ответом. Было ли время у кунгов интересоваться жизнью друг друга, если все занимались войной?

-Тогда я вам расскажу, - продолжал старейший. - Полная свобода, которой многие из вас завидуют, оказывается, скучнейшая вещь. Что хорошего, если ты никому не нужен? Забот никаких - это тоже, оказывается, вовсе не интересно. Но самое страшное, что без людей, без своих родственников кунг просто НЕ МОЖЕТ ДОЛГО СУЩЕСТВОВАТЬ. Он слабеет, тает, глупеет и постепенно рассеивается, как дым, как белое летнее облачко. О кунги! Люди нужны нам. Погибнем вместе с ними или вместе будем жить - выбирайте!

Все молчали недолго, потому что глупцов среди них не бывает. Затем выступил самый молодой и потребовал:

-Всё военное для кунгов запретить, никакому злодейству людей больше не учить, все драки между людьми прекратить и никогда больше не позволять.

На том и согласились, хотя кое-кто из самых старых незаметно усмехнулся. Уж самые-то старые хорошо знали, что не было случая, когда кунг ЗАСТАВИЛ бы человека что-нибудь делать или ЗАПРЕТИЛ бы ему хоть самую мелочь. Увы, кунг может только советовать, да и то НЕЯВНО, незаметно: во сне или как бы случайной мыслью среди дневного шума.

Очень мало людей, которые слышат и слушаются своих добрых духов. Но поистине счастливы эти люда. Ибо кунг дурного не посоветует.

Допустим, после ссоры с другом ты ложишься спать. Настроение скверное. Ты вспоминаешь обидные слова, которые сказаны. Придумываешь новые, ещё обиднее: "Он скажет мне завтра так, а я ему отвечу этак, он мне - так, а я ему - аж вот как!" Потом ты засыпаешь, и снится тебе драка с другом, которая может быть завтра. Это пока не кунг, это ещё ты сам. Но за первым сном приходит второй, за вторым - третий, иногда четвёртый.

Может быть, ты их и не запомнишь, и не вспомнишь, когда проснёшься. Но если встанешь утром в добродушном настроении, если вчерашняя ссора покажется тебе глупостью, - можешь не сомневаться: это постарался добрый дух твоего рода. Он почистил твою душу, внушил тебе, что потерять друга - проще простого, а вот спасти дружбу - дело тонкое, в нём потребна вся твоя душа. Прости другу его ошибки, признай свои, и он простит тебя и повинится тоже, потому что и у него - свой кунг, и оба ваших кунга хотят уберечь вас от зла.

Бывает; что кунгам удаётся и врагов помирить: доказать каждому, что враг его - такой же человек, и ладить с ним можно, и лад полезнее разлада. Если же драка или война всё-таки произошла, будьте уверены, что с обеих враждебных сторон горюют бедные добрые кунги: не удалось им достучаться в закрытые двери человеческих умов, не удалось остановить безумие, вырвались на волю злорадия и глупость.

А иметь дело со злыми дураками кунгу всегда обидно, особенно если это его родственники.

Вот и всё, что мне известно про кунгов. Большие о них ничего сказано не будет. Они есть, они живут себе вечно, чего и нам желают. Дальше пойдут истории, которые рассказал мне мой семейный дух.

С которой бы начать?

Раз уж начал про войну, надо про неё закончить. Есть же люди, которым нравится воевать.

СОЛДАТСКАЯ МЕЧТА

Как-то на ученьях молодой солдат сильно отличился в преодолении преград и был вызван к генералу.

До штаба, конечно, бегом, последние десять шагов - строевым, а генерал, весь в броне и орденах, ждёт-улыбается.

Доложил солдат по форме, что явился по приказу, и слышит ласковые слова:

-Браво, молодец! Говори, о чём мечтаешь.

Молодец находчиво отвечает поговоркой:

-Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!

Генерал перестал улыбаться и спрашивает:

-А ты хорошо подумал?

-И думать нечего, - солдат в ответ. - Жизни краше не знаю, и знать не желаю.

-Добро, - говорит генерал. - Иди, сержант, командуй боевым расчётом.

Прошёл после этого год. Отличился сержант в учебном бою. Прибегает по вызову к генералу, последние десять шагов - строевым, а генерал его помнит.

-Ну что, сержант, не раздумал стать генералом?

-Даже в мыслях не было, - отвечает сержант. - Стану непременно .

-Добро, старшина, принимай взвод.

Проходит ещё один год, отличается на параде этот взвод. Опять старшина пред генералом и опять слышит вопрос:

-Не забросил ли мечту о генеральстве?

-Да как можно?! - отвечает старшина. - И служба идёт, и генеральство не за горами. Могу роту принять.

Усмехнулся генерал и отправил его учиться на офицера.

Долго ли, коротко, прибывает в генераловы войска пополнение из офицерской школы. Смотрит генерал аттестаты - лучший, конечно, у старого знакомого. Что ж, если в старшинах брался командовать ротой, не доверит ли ему теперь батальон?

Проходит год, командира лучшего батальона пора из младших офицеров производить в средние: солдаты у него умелые, порядок в строю образцовый, оружие всегда наготове, жалоб нет, все мечтают стать генералами.

В средних офицерах прослужил молодец недолго: кончилось мирное время, а на войне, кому везёт, те скоро старшими становятся.

Боевые действия в разгаре, враг наступает, народу гибнет великое множество.

Собрал генерал старших офицеров на совет.

-Что будем делать, командиры? Людей теряем много, а враг не сдаётся.

Командиры задумались, только у одного полковника, бравого молодца, ответ наготове:

-Не сдаётся - уничтожим! В тыл ему десант забросим, а сами навалимся с флангов - тут ему и конец.

-Враг - не дурак, - предупреждает генерал. - И его солдаты - тоже люди.

-Враг - не человек! - возражает полковник. - Вражий солдат - мишень!

-Добро, - отвечает генерал. - Действуйте.

Загудели самолеты - повезли десант во вражий тыл. Заревели танки - ударили врагу во фланги. Загремели пушки - накрыть врага из-за бугра. Смяли вражьи заслоны, прорвались, чуть друг друга не извели во встречном бою... А врага не застали.

Враг ведь тоже не стоял, как мишень. Пока его обходили да в тыл заходили, он взял да ударил в центре. Смял, прорвался, ушел вперед, всех разогнал, пожёг, подавил. Один штаб ещё сражается в окружении.

Сидят в укрытии генерал с полковником, сыплется им на забинтованные головы песок, чувствуют, что скоро кровля не выдержит .

-Ну что, молодец, - говорит генерал, - всё ещё хочешь стать генералом или думать начал?

-А вы, мой генерал, давно думаете?

-Давно.

-И до чего же додумались?

-Ага, вот теперь вижу: начинаешь думать. Ладно, слушай. Может, и хорош тот солдат, который мечтает стать генералом, да глуп тот, который старается, и несчастен, который становится.

-Значит, я ещё только глуп?! - обрадовался полковник.

-Да нет, дружок. Уже подписан приказ о твоём производстве в генералы. Выходит, не о том ты мечтал...

Стали двое несчастных готовиться к смерти или в плен, но тут те войска, которые брали противника в окружение, разобрались, в чём дело, ударили врагу вослед и освободили своё начальство от угрозы.

И стали два генерала служить дальше, а про испуганный свой разговор забыли решительно.

Выходит, не так уж здорово быть военным? Можно попасть и в злодеи, и в дураки.

Самое время рассказать о первом добром человеке, которого вспоминал в первой истории. Буду рассказывать теми же словами, какими рассказывал Кунг. Ничего не добавлю, не убавлю и не исправлю. Пусть за правдивость отвечает мой семейный дух - ему всё можно.

ПРО ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

Жил-был в одной деревне добрый человек.

А все кругом были злые. Сейчас такого не случается, а раньше иногда кое-где бывало.

Этот добрый человек был очень сильным. У людей так всегда: чем сильнее, тем добрее. У зверей немного иначе, но о них - когда-нибудь потом.

И вот этот добрый силач, этот сильный добряк жил среди злых и слабых людишек и всем старался помочь. Кому дом построить, кому печку сложить, кому корову из болота вытащить, а где и драку разнять, чтоб не покалечили друг друга. Для всех был хорош, но

никто ему за помощь спасибо не говорил, а каждый норовил за что-нибудь придраться. Судачили: ишь, сколько дров наколол, вон какое поле вспахал, ох, сколько рыбы поймал. Хорошо, что хоть семьи у него нет -совсем бы от зависти извелись.

А не было у него семьи, потому что ведь и девицы все кругом жили злые - ни одна за такого простого не хотела: ни поругаться с ним, ни подраться, ни соседям через забор дохлую кошку забросить - на что такой муж...

А добряк очень любил детей. И хотел бы завести своих. Но раз своих не было, он всё с чужими пытался дружить: придумывал для них игры, делал подарки. Но они подарки брали, а играть с ним не хотели, потому что были приучены только к злым играм: кошку повесить, хвост собаке отрубить, гнездо птичье разорить. Сейчас таких детей почти не встретишь, а тогда вот так уж случилось.

Доброму человеку одиночество - хуже острого ножа: ни поговорить, ни приласкать, ни песенку спеть. И решил он из тех мест уходить. Погрузил на телегу самое нужное имущество, привязал сзади корову, свистнул собачонку, оставил дом незапертым и уехал.

У леса оглянулся, а дом его уже грабят, доски от крыши отрывают, стёкла из окон вынимают, дрова из поленницы тащат. Пожал плечами добрый человек, чуть не заплакал: ну что за люди, хуже волков.

А волки тут как тут: отдавай корову и лошадь, а то и тебя с собачонкой разорвём.

Ну, с волками разговор короткий: схватил запасную оглоблю, отмахался, поехал дальше.

Всё глуше и страшнее лес, и вот выскакивает из чащи медведь: корову или лошадку отдашь, хозяин? Пришлось, и медведю отведать оглобли. Убежал.

Дальше едет добрый человек. Задремал и не заметил на ветке россомаху. Прыгнула на лошадь, мигом загрызла и в чащу отскочила. А сзади - медведь с волками: близко не подходят, но своей очереди дожидаются.

Что будешь делать? Забрал с телеги топор, оставил бедную лошадь дикому зверью, взял корову за верёвку и двинулся дальше пешком. Собачонка к ногам жмётся.

Шёл так, шёл и пришёл в совсем незнакомые места. Травы - выше головы, деревья толстенные - десятью шагами не обойдёшь, птицы кричат незнакомые, звери где-то рычат очень грозно. И жара.

Привязал на поляне корову, чтоб далеко не отходила, а сам прилёг под дерево - отдохнуть. Собачка погналась за какой-то мелкой зверушкой да и пропала в траве.

Задремал добряк, и стало ему чудиться, будто из дерева кто-то с ним разговаривает.

-Куда идёшь, добрый человек?

-Не знаю.

-А откуда?

-Из родного дома. От злых людей спасаюсь.

-Дурное ты затеял. Вернись.

-Да почему? Кому я нужен с моей добротой?

-Людам.

-Не верю!

-А ты поверь.

-Не могу!

-Ну, тогда, попробуй свою доброту на диких зверях.

И так что-то его толкнуло, что проснулся. Видит, вышел на поляну слон, начал обрывать с веток хоботом листья и отправлять в рот. Выскочил из леса лев и бросился на слона. Слон пугнул его бивнями, лев и отскочил. Но тут увидел лев корову, убил её одним ударом и уволок.

Да, подумал добрый человек, трудно быть добрым среди людей, а среди зверья - и подавно. Вернусь домой, поселюсь между лесом и деревней - проживу как-нибудь.

Свистнул свою собачонку, а она не идёт. Съели, наверно.

Взял тогда добряк покрепче свой топор и пустился в обратный путь. Шёл опять долго, но зверей больше не встречал: вооружённого человека звери боятся.

Была уже осень, когда вышел он к своей деревне.

Увидели его издали ребятишки и с криком бросились по улице. Пока дошёл до своего дома, вся деревня там собралась. Кто тащит доски, оторванные от крыши, кто стекло вставляет, кто везёт мешок картошки, кто несёт хлеба свежего, кто мёду, кто охапку дров.

Добряк удивился:

-Что это с вами?

А они в ответ:

-Всё поняли. Спасибо, что вернулся.

-Да что же вы такое поняли?

-А то, что без тебя мы друг друга чуть не загрызли, не лучше диких зверей. Оказывается, людям без доброты никак нельзя. Только людям она дана, и терять её все равно, что к зверью переселяться.

Подумал он, подумал да и говорит: .

-Ну, раз вы теперь сами добрые да всё понимаете, зачем же вам я?

Тут и они задумались: а в самом деле - зачем? Подумали, потолковали, посмеялись над собой и решили:

-Знаешь, что? Мы добрыми стали из-за тебя, а ты - таким родился. Оставайся на всякий случай. Так вернее.

И всей деревней стали чинить ему дом.

У кунгов нет для их историй ни программы, ни оглавления. Рассказывают всегда первое, что приходит на ум. Буду так и я. Расскажу теперь, за первым добрым человеком, о первой ручной собаке. Быть ручной собакой, наверно, ничем не хуже, чем быть добрым человеком.

ПРО СОБАКУ.

Сидит собака у реки и зовет:

-Эй! Кто в воде живет?

Звала-звала, выглянула рыба:

-Чего шумишь?

Собака говорит:

-Есть хочу.

-Копай червяков да и ешь. Справная пища.

Собака роет, рыба смотрит. Попался червяк. Собака прикусила да и выплюнула. Рыбе это смешно.

-Ах, так? -говорит собака. -Тебя съем!

Собака - в воду, рыба - прочь.

Вылезла голодная на берег, сушится и скулит. А мимо скачет заяц:

-Ты чего, мокрая, скулишь?

-Есть хочу.

-Так ты глодай кору осинову - сила в ней. Собака укусила кору - горько. А зайцу смешно.

-Ах, так? - говорит собака. - Тебя съем!

Бросилась на зайца, а он ускакал. Сидит собака, язык до земли, дышать нечем, слезы текут. А на колючий куст прилетела птичка:

-О чем, собака, плачешь?

-Есть хочу.

-Так лови мух. Они жирные.

Собака зубами щелк - и жуёт муху. Пожевала, выплюнула, осерчала и - на птичку:

-Тоже смеешься? Тебя съем!

Птичка улетела, собака вылезла из куста, плачет, колючки из боков выкусывает. Тут как раз человек - идет, не торопится, палкой себе помогает, на плече - мешок. Остановился и говорит:

-Красивая собака, поешь моего хлеба.

-Обманешь, - говорит собака. - Лучше сразу тебя съем.

-Не ешь меня, а то ударю.

Но собака бросилась. Человек ударил ее палкой и говорит:

-Храбрая собака, поешь моего хлеба.

-Ладно, - говорит собака, - давай попробую.

Съела хлеб и вильнула хвостом - один раз.

-Хорошо, - сказал человек. - Приходи в гости.

И пошел без оглядки.

Собака посидела, подумала и тайно пошла за ним.

Так дошли до его дома. Человек обернулся у ворот и говорит:

-Заходи, любознательная собака.

Собака не ответила и пошла прочь. Тогда человек улыбнулся и закрыл за собой ворота и дверь. Едва он скрылся в доме, собака забралась к нему в огород и легла между грядок. Человек это видел в окно, однако не вышел.

Скоро явился заяц и хотел выкопать из грядки морковку.

-Р-р-р, - сказала собака. - Пр-р-рочь, вор-р-р!

Заяц убежал. Человек это видел в окно, однако не вышел,

Прилетела птичка, стала клевать ягоды с куста в огороде.

-Пр-р-рочь! - сказала собака. -Р-р-разор-р-рву!

Но птичка засмеялась и села повыше - там ягоды еще вкуснее.

Собака залаяла.

Тогда из дома вышел человек и прогнал птичку. А собаке он сказал:

-Верная собака, пойдем ловить рыбу.

-Рыбу не поймать, - возразила собака. - Мы с тобой неуклюжи.

-Мы ее обманем, - сказал человек. Он взял удочку и банку с червяками и пошел к реке. Собака пошла тоже - просто посмотреть.

Человек нацепил червяка на крючок и забросил удочку в воду. Глупая рыба попалась.

-Ты эту рыбу съешь,-сказал человек собаке.

-Нет, - сказала собака. - Ты поймал, ты и ешь.

-Скромная собака, - сказал человек, -давай жить вместе.

-Я подумаю, - сказала собака.

-Хорошо, - сказал человек. И снова забросил удочку. Он поймал вторую рыбу и спросил опять:

-Умная собака, будем жить вместе?

-А хлеба нам хватит?

-Хватит, - пообещал человек. - Согласна?

-Я пойду, - сказала собака, - поохраниваю твою морковку и там подумаю. А ты пока лови рыбу.

-Хорошо, - ответил человек. - Вот тебе хлеб на дорогу.

Собака взяла хлеб, дважды вильнула хвостом и убежала. Человек наловил рыбы и пошел домой.

-Красивая собака, - сказал он в огороде, - храбрая собака, верная собака, скромная собака, любознательная собака, честная собака...

-И добрая, - добавила собака.

-Добрая собака, - сказал человек, - будешь со мной жить?

-Уже живу, - ответила собака.

Если вы читали сказки Редьярда Киплинга, не надо удивляться, что там про первую ручную собаку написано иначе. Киплинг был англичанин, рассказывал про Индию, а там у них всё немного по-другому. А у китайцев было по-третьему, в Африке - по-четвёртому, в Америке - по-пятому, в Австралии - по-шестому. Особенно в Австралии, потому что тамошние звери ходят с сумками. А если, например, наша белка без сумки, то и дела у неё свои, и история - здешняя.

ПРО БЕЛКУ

Белка поссорилась дома со всеми.

А как с ними не поссориться! Насушила грибов на сучьях - бурундук все съел. Тогда она разорила бурундучью кладовку с орехами. А бурундук со своим другом ежом съели на ее поляне всю бруснику. Тогда белка забила шишками дупло ежово, в котором он зимовать хотел. А еж подговорил дятла, чтобы в белкином дупле для сквозняка дыру продолбить. Тогда белка стала дятла со всех деревьев гонять. А дятел пожаловался кунице, чтобы съела белку. Погналась куница за белкой. Чуть не поймала, да оказался на пути автомобиль - за грибами люди приехали. Раньше белка в них шишками бросала, а теперь - с дерева прыг да в багажник, благо был открыт. Куница сгоряча - за ней. В багажнике ведро кверху дном, бензинею разит. Белка себя превозмогла, юркнула под это ведро - лучше задохнуться, чем

в зубы. Щель мала, куница под ведро не может. Понюхала, поюлила, пофыркала и - прочь из машины. А белка сидит под ведром, задыхается.

Скоро стало ей совсем невмочь. Думает: "Лучше в зубы, чем от вони погибать". Выглянула из-под ведра, а тут багажник - хлоп! - и закрылся. Это люди пришли. Сердитые, потому что без грибов. Сели в машину, поехали домой.

По дороге белка весь багажник обыскала - ни одной щелки. Так в город и приехала.

Только остановились, сразу открыли багажник - хотели взять ведро. Тут белка и выскочила.

-Белка! Белка! Из лесу привезли! - Стал народ белку ловить. А народу - хозяин с хозяйкой да два сына. Да еще собака - вот что самое неприятное.

Белкино спасение - наверху. Прыгнула, на что попало, винтом до самого верха добралась, тогда огляделась.

Ох, как же ей повезло! Машина стоит во дворе, двор железной сеткой огорожен, а что попало посреди двора - это одна-единственная березка. И под ней лайка прыгает. Не будь березки - белке сразу конец.

Посидела на березе, спасению порадовалась, отдышалась после бензина, оправилась от страха, на людей пошикала, на собаку пощелкала, а уж тогда стала думать, как дальше быть.

Ох, до чего же ей не повезло! Будь берёза кедром или хоть сосной, была бы еда, а так - верная смерть от голода, лучше было задохнуться под ведром.

"Однако, - думает белка, - собака ночью авось задремлет, тогда уйду через забор".

Люди тем временем стоят под деревом и тоже думают, как им белку живьем добыть. Стрясти никак невозможно - толстовата береза. Залезть на нее да поймать белку руками - тонковата береза.

Пока все думали, младший сын принес удилище, пристроил к нему тонкую проволоку петлей и стал эту петлю к белке подводить. Все ему подсказывают, а белке смешно: велика петля, проскочить через нее - никакого труда. Только собралась проскакивать, а мальчишка и подсек. Затянулась петля на белкиной шее, повисла белка, снова задыхается, жалеет, что кунице в зубы не попала, что под ведром не погибла.

Однако быстро опустили ее в руки, от петли освободили, запрятали в тесную птичью клетку и поставили на шкаф, подальше от кошки.

"Все, - думает белка. - Умру в неволе и тесноте. Лучше бы кошке в зубы".

А кошка тут как тут. Со стула на стол, со стола на подоконник, с подоконника на телевизор, а с телевизора - огромным скачком - на шкаф и уже лапу в клетку запускает. Мечется белка по клетке, уворачивается от когтей и думает: "Лучше от тесноты умереть, чем

так-то ужасаться".

Тут кошку прогнали, а клетку с белкой подвесили к потолку - нарочно вбили для нее гвоздь. И насыпали орешков.

Висит белка в клетке, от всех вдали, третий день орешки ест и толстеет. "Такого, - думает, - мучения и обжоре-бурундуку не пожелаешь. Не прыгнуть, не кувырнуться, косточки не размять. Растолстею, ослабею, кашлять буду, и умру от ожирения - хуже пупырчатого дождевика... А тут еще дети пристают: зачем-то надо меня потрогать. А из меня искры летят, когда меня трогают. В лесу-то не летели. Вот цапну за палец - может, рассердятся да убьют, избавят от мучений".

Прожила в клетке неделю, всех за палец укусила - они только смеются.

Потом вошел в комнату их отец и приладил возле клетки большое колесо из тонких прутиков. Из клетки щипцами два прута выкусил, а в колесе дырки заранее готовы: залазь и беги. Залезла белка в колесо и прыгнула. Колесо повернулось. Еще прыгнула, еще - и побежала. Долго бежала, а люди стояли рядом и радовались. Когда же белка устала и остановилась, колесо повезло ее дальше, подняло вверх, она сорвалась оттуда, ей было больно и стыдно. Через дырку она перебралась к себе в клетку, легла и отвернулась от людей.

-Тяжелое вышло колесо, - сказал хозяин дома.

-Ничего, - сказал младший сын, - она привыкнет.

-Сомневаюсь, - сказал старший сын.

-У нее разорвется сердце, - сказала хозяйка. - Надо ее выпустить.

-Она в городе погибнет, - сказал младший сын. - Пусть живет у нас.

-Я отвезу ее в лес, - предложил старший сын.

-Нет! - закричал младший сын.

-Скоро увидим, - сказал хозяин. - Пусть пока поживет.

Еще неделю белка прожила в тесной клетке. Иногда пыталась погулять по колесу, но колесо начинало вертеться, это было страшно, неприятно, утомительно и глупо. И совсем не нужно! В лесу бегать приходилось по делам, а здесь - какие дела? Орешков насыпали ей каждый день, а младший сын еще совал печенье, конфеты, кашу, варенье и другую дрянь. Когда же белка отказывалась это есть, он линейкой выгонял ее в колесо и заставлял бежать: "Проголодаешься, тогда всё съешь!" Белка не хотела бежать и ложилась. Тогда он вертел колесо, и ей приходилось бежать. Но вбегал старший брат и давал младшему подзатыльник. А когда люди уходили, являлся кот и подолгу рассказывал белке, что он с ней сделает, когда, наконец, до нее доберется.

В конце недели младший брат забыл под клеткой стул, а может быть, оставил его

нарочно. С этого стула кот запрыгнул на клетку, запустил между прутьями обе лапы и почти поймал белку. Она сидела перед самой его пастью и не могла отскочить, потому что сзади были его когти. Но схватить белку зубами кот не мог, а лапы между прутьями дальше не лезли.

-С-с-слуш-ш-шай! - шипел кот. -Ты вс-с-се равно ус-с-снѐш-ш-шь! И я тебя дос-с-стану по час-с-стям-м-м... Поддайс-с-ся!

Тут распахнулась дверь, и в комнату влетел младший сын. Следом вошел старший и дал ему еще один подзатыльник. Потом схватил кота за загривок и выбросил за дверь. Потом принес свой заплечный мешок и сунул в него белку вместе с клеткой, а колесо толкнул под кровать.

Потом было темно, и белка чувствовала, что ее куда-то везут. Бензином, однако, не пахло. "И то хорошо", - думала белка.

На той же поляне, где попала в неволю, белка увидела свет. Мальчик поставил клетку на траву и сказал:

-Хватит, беги.

Через дырку был теперь выход не в колесо, а прямо на свободу. Белка выскочила на траву и винтом взлетела на ту сосну, где было ее дупло со сквозняком. Она подумала: "Сквозняк - это не беда. Травой заткнем".

Мальчик тем временем сунул дырявую клетку в мешок, сел на велосипед и уехал.

"Жаль клетки, - подумала белка. - В ней куница не возьмет. Да еще орешки остались..."

И она спустилась на то место, где стояла клетка, - поискать, не уронил ли мальчик хоть один орех.

А мальчик не уронил. Он аккуратно высыпал все орешки на листок бумаги. Подбежала белка к орешкам, а там уже бурундук - поживиться хочет, а бумажки белой боится.

-Бери, не бойся, - говорит белка. - Угощаю.

Бурундуку за прошлое стыдно. Он орешек сощелкал и говорит:

-Я хочу помириться.

-Ладно, - говорит белка, - чего там.

-Давай, - говорит бурундук, - орехи к тебе в дупло снесем.

Орехи в дупло снесли, бумажкой вход заслонили, сидят, скорлупой хрустят. Смотрят, а вторую дыру, сквознячную, кто-то еловой шишкой заделывает. Выглянули - дятел. Мириться прилетел. А под деревом ёж - сушеный моховик принес, тоже по белке соскучился. И всем интересно, как у людей живется.

Не успела им белка ничего рассказать, а куница тут как тут. Правда, сытая, никого не трогает. Дятел и говорит белке:

-Куница-то видела, как ты погибала.

Белка смеется.

-Я, - говорит, - после того раза еще ох, сколько погибала, а вот не погибла. Добрые люди не дали.

-Каково же у людей-то? - спрашивает бурундук.

-Да таково, что и не расскажешь, - отвечает белка. – Ступай, погляди.

-С тобой, что ли? - спрашивает бурундук.

Белка помолчала, повспоминала, каково жилось у людей, и отвечает:

-Лучше уж пусть меня куница съест.

-Ладно, - соглашается куница. - Только подожди до зимы. Похудею, проголодаюсь, тогда съем.

-Если поймашь! - смеётся бурундук.

-Посмотрим, - сказала куница. И ушла по своим делам.

Белке в гостях не понравилось. Да она туда и не хотела. Другое дело, когда мечтаешь попасть в гости, но не знаешь, чем это кончится. Вот история об этом.

ПРО ФИЛЬКУ

Совенок был большой, почти сова. Уже охотился вовсю. Мышей ловил по ночам. А найдет сонную птичку, так и птичку съест. Совы без мяса жить не могут. Как волки. Только волки охотятся стаей, а совы - поодиночке. Так труднее, зато честнее.

Совенок был ушастый, как филин. Любил, когда его звали Филькой, научился ухать по-филиньи и всем говорил, что вырастет такой же большой, как филин. Ушастые совы, однако, большими не вырастают. Все это знали, но Фильке не говорили: зачем ребенка огорчать, сам узнает.

Любил Филька бывать в гостях. Посидеть, поговорить, поиграть. Но ни разу ни у кого не гостил. Не приглашали. Всем в лесу некогда. Хищники охотятся. А когда не охотятся, тогда спят. Слабые от хищников прячутся. А когда не прячутся, тогда едят. Клюют, грызут и оглядываются - им тоже не до гостей. Скучал Филька в лесу, где жил, скучал в поле, где охотился.

Но не просто так скучал. Он, скучая, думал. И вот до чего додумался:

-Летаю ночью. Сплю днем. Так живут все... А если не все? Если днем кто-нибудь не

спит? Тогда у этого зверя погостить можно! - Так и решил: - Ночью не поем, а днем не посплю.

Дождался утра, полетел в поле. Ярко, жарко, неприятно, видно плохо, очень шумно. Оказывается, днем еще больше не спят. И еще больше спешат. Солнце всем должно мешать, а его никто не замечает. Некоторые даже поют. Это Фильке понравилось: ночью-то никто не поет. Ночью только запой - тебя сразу найдут и съедят.

Интересно Фильке днём, хоть и неприятно глазам. Летит он над полем - ничего не узнает. Стога были темные, стали светлые. Кусты были толстые, стали худые. На небе звезды блестели, а теперь их нет, зато все небо блестит... Щурится Филька, жмурится, но летит и лететь ему легко: теплый воздух так и тянет кверху.

Подняло Фильку высоко в небо. Кружит, оглядывается и слушает, как рядом какая-то мелочь поет. Красиво, серенькие, поют. У каждого на голове хохолок. Но Фильку опасаются: близко не подпускают, разговаривать не хотят. А поют, как видно, для обмана: только мошка или бабочка, так они ее - хап.

Еще выше Филька поднимается и видит больших птиц, вроде себя. Тоже клювы крючком, тоже глаза хищные, желтые, когтищи такие же, только крылья поглубже: ветер в них свистит, не то, что у Фильки, И слышит Филька их голоса:

-Летать не умеет, а туда же!..

-Как лист по ветру...

-Да оно, может, и не птица...

-А что же оно такое?

-Да тень - только и всего.

-Эй, ты, тень! - кричат Фильке. - Ты пошто крыльями не свистишь?

-А зачем? - Филька спрашивает.

-Как зачем?! Для страху!

-Да я не боюсь...

-Не себя, глупая тень, других пугать!

-А зачем их пугать? - Филька спрашивает, - Мышей пугать - они попрячутся.

-Ну и умна же ты, тень! - Коршуны смеются. - Смотри-ка!

Упал один к земле. Филька следом. Филька падает бесшумно, а коршун еще громче крыльями свистит. И видит Филька внизу мышь. Она от свиста оцепенела, к земле припала, бежать не может. Коршун ее схватил и кричит:

-Видала, тень?!

-Да ну вас, - отвечает Филька. - Только еда на уме.

И полетел, щурясь, понизу - все не так ярко.

А другие коршуны сверху разговор слышали, обижаются:

-Тень-то - груба! О еде - безо всякого почтения!

-А вот мы ее на вкус попробуем! Может, она не так уж и груба...

Засмеялись и все - вниз, на Фильку.

Слышит Филька - сверху свист. Узнал, кто летит, поглядел с прищуром, подпустил пониже да и метнулся в сторону.

Ударились охотники оземь, переглянулись и говорят:

-Промашки быть не могло.

-Не иначе, это и в самом деле тень.

-Ничего не ест, потому что тела не имеет.

-Ясно, когтями ее не возьмешь, потому что - тень.

А Филька-то всю ночь не ел. Голодно ему. Решил податься обратно в лес: там потемнее, авось и еда найдется.

Летит Филька по-над тропинкой, высматривает под собой добычу и не слышит, что навстречу ему катит на велосипеде сын лесника Митя. Руки у Мити умелые, он так подкрутил велосипед, так смазал, что не брякнет, не звякнет, не скрипнет. Как тень Митя едет. Очень этим доволен. Быстро мчится и не боится.

Вдруг из-за поворота вылетает навстречу другая тень и крепко ударяет Митю в грудь. Митя летит с велосипеда, а тень падает рядом. Это большой соенок.

-Бедненький, - говорит Митя. - Ты ударился. Как тебя зовут?

Филька не отвечает. У него в голове шум, а в глазах - тьма.

-Ладно, - говорит Митя. - Ты на филина похож, значит - Филька. Придется тебе у нас погостить, а то найдут тебя здесь собаки.

Сунул Фильку за пазуху, поправил руль и поехал домой. Митя ехал очень быстро, потому что опасался: "Вот очнется эта сова за пазухой да и запустит мне когти в голое тело!"

А Фильке было под рубахой не очень удобно, зато почти темно, и думал он безо всякого опасения: "В гости пригласили".

Так попал Филька в гости. Первый раз в жизни. Как себя вести в гостях, его не учили. Некому было учить. Никто из родственников никогда в гостях не бывал. Но сам Филька думал об этом много раз. И он давно уже решил, что вести себя в гостях надо прилично, а как это - прилично, он разберется на месте.

Начал Филька разбираться, как только очнулся. Сначала поглядел кругом, благо шея не сломана. В избе свету мало, видно хорошо, глазам не больно. Лежит Филька на кровати, а со всех сторон смотрят на него разные птицы. Сидят эти птицы на сухих сучьях, а сучья торчат прямо из стен. Каждая птица сидит, как ей положено: филин - столбиком, сойка -

боком, поползень - вниз головой, утка шею вытянула, непривычно ей сидеть на сучке, а коршун крылья распустил - сейчас ими засвистит .

-Здравствуйте, - сказал им Филька и сел.

Но ни одна птица не пошевелилась, ни одна не ответила, даже глазом ни одна не моргнула.

"Э-э-э, - подумал Филька, - вот как надо в гостях-то сидеть". Огляделся еще раз, нет ли свободного сучка. Нет нигде. Только рога на стене - точно такие, как у лося, только сами по себе, без головы. Наверно, лось тоже приходил в гости, а рога забыл. Или хозяевам подарил.

"А если в гостях надо делать подарки? - подумал Филька. - Что я должен дарить? Что я могу подарить? Когти? Нельзя, пропаду без них. И без клюва пропаду. Лось-то без рогов не пропадет... А у меня рогов нет... Ну, зато есть уши. Настоящие-то уши у меня не видны, они - просто дырочки. А те, которые торчат, как у филина, - это обыкновенные перья. Вот их и оставлю, если надо. А пока сяду на рога и посижу столбиком, как филин.

Сидит Филька на рогах, не двигается, только глазами вертит. Посидел, посидел - надоело. Перелетел к филину, сел рядом. Хотел пошептаться, пока хозяев нет. А филин - молчит. Даже глаз не скосил. Как будто нет Фильки.

"Вот это воспитание!" - думает Филька. И перелетел к поползню. Не двигается и поползень - сидит вниз головой, как прилип. Филька дальше летит, возле утки садится, а коршуна пока опасается. Утка тоже не желает разговаривать. И только хочет Филька возле коршуна посидеть, как затопали в соседней комнате - хозяева пришли!

Бесшумно перелетел Филька на рога, сидит столбиком, смотрит перед собой, как все гости.

Вот на пороге хозяин, лесник. В руке у него мешок, а из-за плеча выглядывает Митя.

-Где же твой гость? - говорит Мите отец. А сам оглядывается. Замечает Фильку на рогах и хитро говорит: - Нет гостя-то. Чучело новое вижу, а гостя - нет.

Филька не знает, что такое чучело. Он думает, что это люди так здороваются с новыми гостями. А раз поздоровались, надо хоть кивнуть. И он кивнул.

-Воспитанный у нас гость, - говорит лесник. - Посмотрим, каков-то этот будет. - Развязывает он мешок, осторожно достает большую грозную птицу, а сам рассказывает: - Это орлан-белохвост. Видишь, сынок, сломано крыло. Стрелял в него кто-то, глупый человек. Пускай поживет у нас, пока поправится. Ты принеси коряжину со двора.

Убирают со шкафа банку с цветами, кладут на шкаф коряжину, а на нее усаживают орлана.

-Пойдем, - говорит отец, - принесем гостям угощение.

Они ушли, а Филька смотрит - у орлана никакого воспитания. Сразу начал пачкать вокруг себя, начал драть когтями коряжину, аж кора полетела. Одним крылом хлопает, второе у него висит, он перебитое место клювом трогает и скверно ругается.

Филька молчит, Филька себя вести умеет.

Пришли хозяйева, поставили перед орланом-белохвостом рыбы целую чашку, а для Фильки, в сторонке - чашку с мясом. И зовут:

-Иди, Филька, не побрезгуй нашим угощением.

-Как же я пойду, - отвечает Филька. - По стене, что ли? Я ведь не поползень, я угощением не побрезгую, но я могу только слететь.

А хозяйева-то его не понимают! Все "иди" да "иди". Да еще "цып-пып". Что он, курица?

Филька обиделся и отвернулся.

-Ладно, - говорит лесник, - пошли, Митя. Это он боится. Или стесняется. Пусть привыкает.

Ушли. Филька думает: "По-нашему не понимают, но умны. Надо привыкать". Слетел, поел. Понравилось. Чучела сидят, есть не желают, а орлан-белохвост ругаться перестал, клюет рыбу и еще больше пачкает.

Филька думает: "Объясню ему, как надо себя вести".

Взлетел, как тень, да и сел на коряжину. Только раскрыл клюв, а орлан его - крылом по голове! Крыло твердое, как сухая ветка. Свалился Филька без памяти на пол. А когда очнулся, то и вставать не захотел. Лежит и думает: "Ну, никакого воспитания! Разве так ведут себя в гостях?..

Когда этого совёнка отпустят из гостей, он, наверно, ни к кому больше не захочет. Но можно и у себя дома быть хозяином только ночью. Или только днём. В общем, только наполовину. Удобно ли так?

ДВОЕ В ДУПЛЕ

Чуть темнеет, я просыпаюсь. В вечернем полумраке еще не все различишь, но это уже получше, чем днем,

Итак, я просыпаюсь и выглядываю из дупла. Осторожно выглядываю. Я птица хищная и получше многих представляю, что такое внезапный бросок. Любая тварь соболиной породы может сидеть у дупла долго-долго, а когда выставишь голову - один удар, и тобою уже закусывают.

Итак, я осторожно выглядываю из дупла, вращаю головой на полный круг - только мы, совы, так умеем - и как мягкий лоскут выпадаю наружу. Ни хлопка, ни шороха, тенью - только мы, совы, так умеем. Я выпадаю и у самой земли распахиваю свои пушистые, бесшумные крылья. Они широки, они мягки, их концы закруглены, каждое их перышко знает свое дело - ни звука, ни звука, ни звука.

Итак, я распахиваю крылья и лечу у самой земли. Мое дерево глядит дуплом в поле, но там еще слишком светло, поэтому лечу я в лес, в сумрак и тесноту. Ах, как ловко я лечу! Даже листика не задену. А все, потому что темно. Очень это славно - рассекать темноту.

Уже хочется, есть, но, конечно, я не сразу приступаю к охоте. Что же, если ты сова, если питаешься мышами и летающей мелочью, так ты убийца и ничего больше? Глупое мнение, потому что слишком простое. Конечно, пропитание каждый добывает по-своему, однако красотой все любят одинаково. Что летучая мышь, висящая вниз головой, свистящая на лету, любящая мошек, что глупый зайчонок, сидящий столбиком на кочке, жующий различные растения, что грозная сова, оседлавшая высокий пенек и высматривающая зайчонка - все видят одну и ту же луну, все одинаково любят звезды, все в восторге от душистого теплого ветерка с полей... Да неужели сова такое чудовище, что не даст соловью допеть свою песенку?! Пускай себе свистит, пускай щелкает на здоровье, пускай создает свои прекрасные мелодии! Ни одна сова так вот сразу не бросится и не сцапает. Слух у совы не только для охоты. Пой, свисти, заливайся! Музыка прекрасна, мы обожаем ее слушать. Вот наслушаемся, тогда другое дело...

Итак, я сижу на высоком пне и люблю луну. И вдыхаю душистый теплый ветерок. И слушаю чарующие звуки. И никогда не спешу. Впереди целая ночь, наполненная прекрасной погодой. И налюбуюсь, и наслушаюсь, и надышусь, и налетаюсь. Ну и подкреплюсь, конечно. Не без того. Сначала в лесу, потом в поле. Ночью в полях особенно красиво. Луна. Звезды. Полусвет.

А едва только солнышко забрезжит, едва краешек неба осветится, мне пора на бочок. В последний раз я разгоняюсь у земли и взмываю к самому дуплу. Хороша была ночь, спокойного дня!

Но вот что интересно: кто-то согрел мою подстилку, кто-то спал на ней!

Несколько раз приходила мне мысль: вернуться домой пораньше да познакомиться... Однако не спешу. Я птица хищная и получше многих представляю, чем может кончиться такое знакомство. Пока разберемся, кто есть кто, глядишь, один другого уже на косточки разбирает. Ну и зачем это нам? Что нам, без этого плохо?

Просыпаться надо задолго до рассвета.

Это не от страха. Я знаю, конечно: кто-то живет в моем дупле. Наверняка это какое-то ночное существо, потому что я никогда не застаю его по вечерам. Подстилка еще теплая, а оно исчезает на всю ночь. И появляется, как я полагаю, сразу после моего вылета. Может быть, и оно боится меня. Это неудивительно: в нашем мире все друг друга едят и потому каждый хоть немного да боится. Особенно бояться неизвестного: а вдруг оно кусается! Признаться, я тоже побаиваюсь. Но улетаю рано не из-за страха. Вернее сказать, страх у меня другой. Это странный страх. О нем можно разговаривать только с самим собой. Потому что боюсь я вот чего: вдруг с солнцем что-нибудь случится, если я его не встречу? И это не смешно, потому что это не пустой страх. Ведь бывали случаи, когда солнце не показывалось из-за туч весь день. Однажды оно стало совсем черным. Какая-то круглая тень напозла на солнце, от него остался лишь тонкий блестящий ободок, а кругом была ночь, и это было страшновато. Звери побежали, птицы закричали, все заметались, и никто никого не ел. Но это продолжалось недолго, черная тень сползла с солнца, и все занялись своими делами. Но я тогда еще сильнее уверился, что кто-то должен постоянно за солнцем следить: встречать его утром, провожать вечером и петь ему весь день. Если хорошо держат крылья да если есть голос, это не так уж трудно,

Правда, многие считают, что жаворонок поет ради еды. Будто бы он свистом, как ночная тварь летучая мышь, находит в воздухе мошек и тут же их глотает, даже не переставая петь. Это правда, но только отчасти. Если бы все жили только заботами о еде, в мире не было бы мелодий. А разве посмеет кто-нибудь спорить, что у каждой птицы - своя мелодия?! Никто не спутает по голосу даже ворону с галкой. Или сороку с кедровкой. Хотя у них и не мелодии, а просто грубый крик. Что касается мелких птиц, то это ведь настоящие музыканты! Притом серьезные, работающие над своими мелодиями, чтобы каждая была не похожа на все другие.

Сделайте вот что. Прилетайте в поле до восхода солнца, когда еще туман и не блестит роса, послушайте, как мы поем в высоте. Мы первыми видим солнце, поем для него хором, но вслушайтесь: нет даже двух похожих мелодий! А вы говорите - мошки. Не в мошках счастье и даже не в семенах. Мошками заполнен воздух, семенами полны поля, всем этим кормом полны животы наши, а мы - все равно поем! Вот что самое интересное! И никто из поющих тайну эту не откроет. Не потому что уговор такой, а потому что никто ее сам не знает. Поём - и всё. Поём, потому что нравится. С утра до вечера. Видим солнце первыми, провожаем его последними. И чем это для нас выгодно, никому не узнать. Я считаю так: если можешь молчать - молчи, а не можешь - пой, как умеешь, и не стыдись. Это украшает короткую нашу жизнь.

Но вот солнце - за лес, а мне пора в дупло. Я знаю, что внизу уже полумрак, и мое

место свободно, однако не тороплюсь. Вдруг второй жилец там замешкается. Тогда мы встретимся. А я с этой встречей не спешу. Что, если это какой-нибудь неинтересный, молчаливый, лохматый зверь? Он ходит вразвалку, роется в земле, хрюкает или крякает или урчит. А мне хочется, чтобы это была птица. Такая же, как я. Поющая ночами. Я думаю, о ней и представляю, как мы однажды случайно встречаемся и показываем друг другу свои мелодии. А потом поём вместе на два голоса, и получается складно. Получается интересно, и все слушают нас с удовольствием. И можно даже вместе полетать. Совсем немного.

Разве об этом не стоит помечтать? И разве для этого так уж обязательно встречаться?

Так и живут они в одном дупле - жаворонок и сова. Не встречаются никогда и встречаться не хотят. Оно и лучше, правда?

Живут вместе, спят на одной подстилке, но друг друга не знают. И встречаться не хотят. Странная, но - гармония.

А бывает, что и без всякого хотения приходится встречаться. И одинаковым, и совсем разным, и просто похожим или занятым одним делом, но - по-своему. Вот несколько историй о таких встречах - без хотения.

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

Встретился с лошадью грузовик. У нее на телеге сена стожок, у него в кузове - бочка бензину. Удивляется грузовик:

-Ты что такое?

-Не что такое, а кто такая. Лошадь я.

-Ло-о-ошадь? Ну, и сколько же в тебе лошадиных сил?

-Я одна, значит, и сила во мне - одна.

-Всего-то? - Грузовик даже фыркнул. - А во мне - целых сто!

-Ну и что? - спрашивает лошадь.

-А то, что я сильнее тебя.

-Ну и что? - снова лошадь спрашивает.

-Да то, что я нужнее тебя!

-Кому же ты нужнее?

-А всему свету! - говорит грузовик.

-Почему же ты так решил? - спрашивает лошадь.

-А потому, что все люди работают на меня. Они меня моют, они меня смазывают, они

для меня бензин делают, гаражи строят, чтобы я там жил, дороги - тоже для меня. Люди даже специально учатся, чтобы меня обслуживать! Да это всем известно. Ты откуда такая глупая?

-Я дружу с одним бородатым человеком,- сказала лошадь. - Мы вместе работаем и вместе живем.

-И у тебя тоже есть гараж?

-Есть. Он называется конюшня.

-А чем тебя заправляют?

-Меня не заправляют. Меня кормят вот этим сеном, которое на телеге. Оно не очень-то мне нравится.

-И надолго тебе его хватит?

-На всю зиму.

-Гр-гр-гр! - Грузовику смешно. - Это ср-р-рам! У меня в кузове бочка бензину. Мне его и на неделю не хватит. Вот как надо кушать !

-А что ты умеешь? - лошадь спрашивает.

-О-о-о! Я могу быстро мчаться, я могу много дней не отдыхать, я могу везти в кузове сразу три тонны! Вот сколько весит твое сено?

Не успела лошадь ничего сказать, как на крыльцо вышел председатель колхоза и крикнул:

-Эй, Семёныч!

Появился старик с бородой.

-Семёныч, - спросил председатель, - ты Витьку не видел?

-Витька в конторе, - ответил старик. - Он сам с собой в домино играет.

-Эт-то почему?

-Ему велено подождать Зинаиду и отвезти ее в город за документами.

-Что еще за ерунда! - закричал председатель. - Где это видано, чтобы из-за каких-то бумажек гонять в город целый грузовик? Твоя лошадь вон три тонны сена за раз привезла, а стосильный грузовик воздух в кузове возит! Пускай Зинаида за этими документами на мотоцикле съездит. А ты - сгрузи сено, лошадь распряги, отдохнуть ей надо, потому что после обеда я верхом поеду по полям, чтобы машиной колосья не мять. Витька же пусть бросает свое домино, садится за руль и едет за овсом. Нечего лошадей на одном сене держать. Полный кузов зерна пусть привезет.

Бородатый Семёныч позвал молодого Витьку, и Витька стал заводить мотор грузовика. Мотор чихал и не заводился.

Семеныч взял лошадь под уздцы и отправился на конюшню, разгружать сено.

Грузовик смотрел вслед лошади, чихал мотором и думал: "Плохо она живет. Всего одна лошадиная сила, а столько тащит". Он боялся, что теперь его заставят тащить триста тонн, и не хотел заводиться.

А лошадь отдохнула после сена, повозила председателя по полям и к вечеру вернулась в конюшню. Она не очень устала. На полях были вкусные травы и хорошо пахло цветами.

Когда грузовик привез полный кузов овса, лошадь подумала: "Конечно, машины не всё умеют, но они тоже нужны. Однако что это за удовольствие - глотать бензин? Такая гадость..."

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Раньше ящик висел на столбе у калитки. Старая калитка вела во двор. А во дворе хмуро темнел старый дом. Жили в доме старик со старухой. Ждали внука с войны. А внук всё воевал, все не ехал. Только письма писал. Вот из-за него ящик и повесили. Кроме внука писать-то старикам было некому. Их сын и жена их сына погибли еще на прошлой войне.

Письма с войны приходили по-разному. Бывало, неделями почтальон носил одни газеты. А бывало, опускал в ящик сразу два-три письма. Известное дело - с войны доставлять почту не так уж легко. Но старики, наверно, этого не понимали: они заглядывали в ящик по нескольку раз в день.

Газеты они читали внимательно, только там об их внуке ничего не было. Часто называли там взятые города, отличные полки. Попадались имена солдат и офицеров. Но имя своего внука старики и не ожидали увидеть в газетах: работа у него была секретная.

Из-за этой секретности писал им внук не о своей работе, а о разных смешных случаях из солдатской жизни.

"Враги совсем не умеют стрелять, - писал внук. - В меня, например, за два года ни разу не попали. А когда мы идем вперед, они разбегаются во все стороны".

"Два дня назад, - писал он в другом письме, - один наш совсем неопытный солдат нашел вражескую мину. Он думал, что это простая болванка, и стал заколачивать миной гвоздь. И мина не взорвалась, потому что была изготовлена в конце месяца".

Старики читали эту чепуху и не смеялись, потому что из газет они знали, как стреляют враги и какие у них мины. Но они радовались тому, что внук шлёт письма, - значит, живой.

Старый почтовый ящик шептался с газетами и письмами и, разумеется, знал все новости. Но он, конечно, никому ничего не рассказывал - ни воробьям, которые садились на

калитку, ни кошке, которая охотилась на воробьев, ни собаке, которая лаяла на кошку и уважала почтальона. Ящик знал, что такое почтовая тайна, и вообще любил порядок. Однажды, например, когда его забыли запереть, он до тех пор хлопал дверцей на ветру, пока хозяева не исправили ошибку.

Настало время сносить старые дома, и старик со старухой получили квартиру в первом этаже большого каменного дома. Ящик был совершенно горд, когда его, наравне с кошкой и собакой, перевезли в новое жилище. И совсем не огорчился, когда собаку и кошку пустили внутрь, а его повесили на дверь снаружи. Такая служба, ничего не поделаешь.

Если подняться на несколько ступенек, то можно было увидеть множество новеньких, весело выкрашенных почтовых ящиков, на которых были написаны номера квартир. Но старики упростили нового почтальона опускать газеты и письма в их старый ящик. Им казалось, что этот ящик должен приносить удачу их внуку: раз уж два года ничего не случилось, то не случится и теперь - враги промахнутся, мины не взорвутся.

Жизнь почтового ящика стала не такой интересной, как раньше. Правда, новости с войны улучшались, дело там шло к концу, однако не было веселых воробьев, не было ни солнца, ни дождя, не было ветра, чтобы похлопать дверцей, а кошка и собака больше не ссорились и, когда их выпускали погулять, у двери задерживаться не любили - сразу мчались на улицу. К тому же повадился хулиганить мальчишка с восьмого этажа. Он почему-то злился, что всем носят письма на лестничную площадку, а старикам - отдельно, в собственный ящик. И он придумал подлость: раздобыв спичку, чиркал ею о стену и бросал огонь в почтовый ящик. Это было крайне опасно: два раза газеты начинали тлеть, а однажды обуглился край конверта. Ящик сердился, и все время обдумывал план: как бы покрепче прищемить злодею пальцы.

И такой день наступил, хотя он и стал самым несчастным днем в жизни почтового ящика.

Хлопнула дверь подъезда, мелькнула в ярком свете фигура почтальона, опять наступил полумрак, но когда почтальон доставал из сумки тонкий казенный конверт без марки, ящик легко разглядел суровость его лица.

Тонкий конверт упал на дно ящика, а почтальон, который при каждом письме радостно звонил старикам в квартиру, на этот раз молча и быстро ушел. Впрочем, в тот момент стариков не было дома.

-Что случилось? - проскрипел ящик. - Дурная весть?

-Хуже не бывает, - ответил с вздохом конверт.

Внутри конверта было тихо. Дурные вести всегда молчаливы.

-Да-а-а, - проскрежетал ящик, - зря они понадеялись на мою удачу.

-Лучше бы мне потеряться, - конверт снова вздохнул. Ящичку эти слова не понравились.

-Как же это, голубчик, понимать? - сказал он сурово. - Как вы могли даже подумать?.. Что бы там ни случилось, а попрошу не забывать: мы с вами на службе, и служба - превыше всего!

-Служба для вас выше сострадания? - простонал конверт.

-Увы, это так, - сухо сказал ящик. - И дело вовсе не в том, что я железный, а вы сделаны из живой древесины. Дело в дисциплине. Почтовое отправление должно быть отправлено и доставлено по назначению и в срок, а если возможно, то и раньше срока. И никаких потерь, никаких утрат! Потери и утраты - дело тех, кого мы называем отправителями и получателями. А наша служба, повторяю - сохранность и доставка любой корреспонденции, какие бы сведения она ни содержала. Вы согласны, Дурная Весть?

Ответа не последовало. Внутри конверта сохранялась гробовая тишина.

-Что ж, - проскрипел ящик. - Молчание - знак согласия.

В эту минуту снова хлопнула дверь, и в подъезд влетел мальчишка с восьмого этажа. В руках он держал спички и тетрадный листок, свернутый жгутом. Быстро оглядевшись, хулиган чиркнул спичкой, поджег свою бумажку и, оттянув пальцем дверцу ящика, сунул туда огонь.

-Н-н-ну! - лязгнул ящик. - Дер-р-ржись!

Он напрягся и прищемил мальчишке палец. Хулиган взвизгнул от боли и рванулся. Но ящик не отпускал. Вставленная в щель бумага хорошо разгорелась и прижгла палец.

-Пусти! - завопил мальчишка.

-Хе-хе, - ответил ящик.

Мальчишка взвыл, отчаянно рванулся, ободрал палец до крови, но все же освободился. В три прыжка он достиг лифта и, поскуливая, уехал к себе на восьмой этаж.

В ящике между тем бушевал огонь. Пока щель, благодаря пальцу, была широка, успел на сквозняке разгореться конверт, и спасенья Дурной Вести уже не было. Вот тут-то ящик и услышал ее голос:

-Какое счастье! - вопила Дурная Весть. - Никому и никогда не выпадало такой радости! Славный, замечательный, великодушный мальчишка! Превосходный, чудесный, спасительный огонь! О скорее, сильнее, смелее, дотла!..

-Что за глупости? - забормотал ящик. Ему было больно, на нём коробилась краска. - Что за нежности к этому паршивцу? А как же хозяйева?

Дурная Весть вопила, радовалась и не желала отвечать. Она была целиком занята собой. За нее ответил конверт.

-Глупое ты железо! - Конверт задыхался и уже не заботился о вежливости. - Тебе нас, живых, не понять... У людей горе...

-А служба? - возмутился ящик. - А долг? А дисциплина?

-Подождут, - прошептал конверт, догорая. - Им теперь не к спеху...

Дело вкуса, как говорится. Кому овёс, кому бензин, кому огонь. Все трудятся, но каждый - по-своему. И цели у всех разные. И счастье у каждого своё. Кто-то всю жизнь таскает тяжести и радуется свежей травке, кто-то железно стоит на своём месте, а кого-то возьмут да и сделают игрушкой.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

На площадке весной грязно, мячом играть неудобно. Ребята посидели, поскучали, решили склеить бумажный змей.

У Гришки была доска. Он хотел из нее делать самострел. Но передумал ради змея, принес доску.

У Евгешки острый ножик. Он из доски лучинок нащепал.

Максим сбегал за нитками.

У Мити нашлась бумага.

Клей был у них еще с прошлого лета - столярный, в консервной банке. Долили в банку воды, подогрели на костре - клейте на здоровье.

Оля сняла с платья поясок:

-Не полетит же змей без хвоста.

Связали, склеили, против ветра побежали, за нитку потянули. Быть Игнату инженером - это он змея сконструировал.

Ветерок дует, небо рядом, змею нравится лететь. Выше, выше, вот и облачко. Совсем маленькое, змеев хвост не помещается, торчит наружу.

Ребята снизу видят один хвост и хохочут:

-Облако с хвостом!

А змей летит еще выше, натягивает нитку, Игнат катушку еле успевает крутить.

Выше облачка змей поднялся, а там - ласточки. Кружатся, ловят мошек и кричат:

-Высоко мошки залетели, быть хорошей погоде!

-А почему? - спрашивает змей.

-Да кто ж это знает? Такая примета: мошки высоко - к хорошей погоде. А ты кто?

-Я - бумажный змей.

-А для чего ты?

-Меня ребята сделали. Спросите у них.

Ласточки послали вниз гонца, а сами вокруг змея летают, он им нравится.

Вернулся гонец и говорит:

-Меня ребята не понимают.

-Ладно, - говорят ласточки, - ты, змей, сам у них спроси.

-Да мне спускаться неохота, я не налетался. Первый раз!

-Тогда полетели с нами!

-Хорошо, - говорит змей. -Только надо нитку оборвать. Подождём ветерка.

-А чего ждать, - кричат ласточки. - Эй, ветерок, дунь покрепче!

-У-у-ух! - дунул ветерок. И нитка змея порвалась.

-Только быстро не летите, - просит змей. - Я быстро еще не умею

-Научим!

Ребята внизу печалются, Оля хмурится, а змей летит себе все дальше и ласточки с ним.

Долго ли так летели, никто не считал. Просто летели и разговаривали. Было змею хорошо, хвост он держал по ветру, бумаге не позволял трепетать, а лучинкам не давал гнуться. Здорово летел, хоть и впервой было ему. И ласточки хвалили:

-Как птица летишь!

Но тут явился коршун и грубо спросил:

-Это что с вами за урод?

-Сам ты урод! - закричали ласточки. - Порхай отсюда, пока цел!

И стали коршуна прогонять.

Смотрит змей: ласточки быстры, коршуна клюют, ему не увернуться. Но видит змей: коршун-то не урод. Коршун-то силен и красив, летит быстро, змею никогда так не сумеет,

Ласточки коршуна гонят, а змей глядит им вслед и грустно ему, и вянет он, и хвост у него уже повис, а бумага затрепетала.

Падает змей. Ласточки его не видят, коршуна гоняют, ветерок позвать некому, а сам змей - стесняется.

Зато ребята внизу прыгают и очень рады. Побежали через площадку, сами перемазались, а змею в грязь упасть не дали.

-Хороший змей получился, - сказала Оля. И все решили:

-Найдем нитку покрепче и в следующий ветер снова запустим.

"Вот тогда и улечу", - подумал змей. И незаметно качнул хвостом.

Вот ведь бывает: не хочешь, да полетишь. А когда летать понравится, тут и на

землю пора: ведь все полёты когда-то заканчиваются. Да хорошо, если не разбился и не шлёпнулся в грязь. А кому-то всю жизнь ползать по земле. Но это им нравится, хотя встреч неожиданных тут побольше, чем в небесах.

ЗМЕЯ

Ш-ш-ш-ш... Ползет по травке черная гадюка. Ползет, извивается, все как полагается. Глазами страшными на солнце поглядывает, а солнышко печет. Гадюка голодна. Однако пусто кругом.

Кончилась травка, ползет гадюка по песочку и вдруг видит прямо перед собой другую черную гадюку. А может быть, и не гадюку. В толщину такая же, но очень уж длинная: ни хвоста, ни головы не видно. Думает гадюка: "Надо поздороваться. Но в какой же стороне голова? Скорей всего, лежит она хвостом к солнцу. А солнце справа. Значит, ползу налево". И поползла.

Долго ползет гадюка, а начала незнакомой змее все нет. Лежит она, даже не шелохнется, хоть гадюка и трогает ее правым боком - из вежливости: ползу, мол, здороваться. А слева потянулся черный вал свежей земли.

"Найти бы здесь червячка", - думает гадюка.

А червячок - тут как тут. Выпал из земляного комка, извивается на песке, не любит солнца.

-Хорош-шо, - говорит гадюка. - Перекуш-шу...

-Не ешь меня, - просит червяк, - я и так несчастный.

-В чём же твое нес-счас-стье?

-Рыли люди канаву, дом мой разрушили, дети малые плачут.

-Так зови их с-сюда! - говорит гадюка. И смотрит страшными глазами.

-Ни за что! - отвечает червячок.

-Тогда с-сам в меня перес-селяйс-ся. Вс-сё равно тебе жить негде. Ам!

Проглотила червяка и дальше вдоль змеи ползет.

Щелк!.. Прямо к ее носу прыгнул кузнечик. И замер от страха, ноги подломились.

-Иди с-сюда, - говорит гадюка. И смотрит страшными глазами,

-Не ешь меня, - просит кузнечик. - Мне и так плохо.

-А что такое?

-Рыли люди канаву, дом мой сломали. Где теперь жить?

-Яс-сно, - говорит гадюка. - И дети малые... Ам!

Проглотила кузнечика, дальше ползет. А из кучи земли прямо к ней лягушка

вываливается. И сразу квакает:

-Не ешь меня! Я и так обиженная!

-Что такое? - спрашивает гадюка. - И твой дом с-сломали?

-Канаву рыли, мою лужу засыпали. Еле спаслась!

-Ну, ус-спокойс-ся, - говорит гадюка. И смотрит страшными глазами.

-У меня там лягушата остались, - плачет лягушка.

-Ах, ты с-сиротка, - отвечает гадюка. - Ам!

Съела бедную лягушку и думает: "Хорош-шо заправилась-сь. До завтра ес-сть не захочу".

И ползет дальше вдоль змеи - надо же поздороваться.

Кончилась неизвестная змея. И видит гадюка, что вместо головы торчат из нее тонкие разноцветные червячки с блестящими головками. Множество! Но ни один не двигается. "Чудо! - думает гадюка. - А ну, кус-сну..."

И куснула червячка. Лязгнули зубы по твёрдому.

-Нес-съедобно! - удивилась гадюка. - Вот так змея...

Огляделась, куда бы теперь залечь в тенёчек, чтобы отдохнуть. Смотрит, а земляной вал кончился. Поползла гадюка мимо него и увидела ту самую канаву, о которой говорили червяк, кузнечик и лягушка. Заглянула - глубоко, стенки крутые. А в канаве, в тупике, сидитмышь. Большая, упитанная и печальная.

-С-сидиш-шь? - спрашивает гадюка. И смотрят страшными глазами.

-Сижу, - отвечаетмышь. - Горюю.

-Что же у тебя за горе?

-Да рыли люди эту канаву, мою норку испортили, запасы погубили. Чем буду детей кормить?

-Не горюй, - отвечает гадюка. - С-сейчас-с с-сползу...

-Не лезь сюда, - говоритмышь. - И меня погубишь, и сама не выберешься.

-Тепленького хочетс-ся, - говорит гадюка. - С-сползу.

-Пожалеешь, - говоритмышь. А двинуться не может - смотрит на нее гадюка.

Сползла жадная в канаву и проглотиламышь. Лежит в прохладе, толстая, довольная и думает: "На два дня заправилась-сь. Или даже на три. Хорош-шо".

До следующего полудня спала, а проснулась оттого, что на нее что-то упало. Смотрит - а это длинная вчерашняя змея. Вся лежит в канаве, а то место, где не было вчера головы, чем-то обмотано и торчит наружу. И слышит гадюка сверху голоса людей.

-Ну, давай засыпать!

-Сейчас начнем!

"Это хорошо, - сонно думает гадюка. - Они зас-нут, а я по этой змее выползу наверх".

-Погоди! - слышится сверху голос. -Там, кажется, змея!

Замерла гадюка. Люди таковы, что могут запросто убить, даже есть не станут. Взлететь бы сейчас...

-Да нет! - отвечает другой. - Это просто обрезок кабеля. Засыпаем!

Сверху посыпались комья земли, и гадюку зарыли в канаве. Вместе с кабелем.

Больше про нее рассказывать нечего.

Если ты рождён ползать и тебе это нравится, всё равно хоть раз в жизни, а захочется взлететь. И не только со страху, из канавы. Например, когда влюбишься в такого, кто летает. А летающий влюбится в кого-нибудь плавающего, а плавающий - в бегающего... Что же из этого может получиться?

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Когда удаву впервые довелось увидеть мотылька, удав затрепетал. Он без сил повис головою вниз на толстой ветке и в отчаянии раскачивался и бился лбом о ствол магнолии.

"О несправедливость природы! - стонал удав, и этот стон сотрясал судорогой все его шестиметровое тело. - О безысходность ползучего одиночества! О вечное пресмыкание взамен полета! О защитный сетчатый узор вместо радужной яркости! О бронированная шкура вместо хрупкого хитина! О смертельная тяжесть кольцевых мускулов вместо воздушной легкости душистой пыльцы на крыльях!..."

Увидев мотылька, удав неудержимо, неумолимо, безутешно возмечтал о полете и, всем телом чувствуя безнадежность мечты, предался отчаянию с той неукротимой силой, которая доступна лишь крупнейшим среди змей.

"Вот жизнь, не знающая омрачений! - завидовал удав мотыльку и тянулся в безмятежное небо страшной сплюснутой головой. - Вот мечта, за которую не жалко отдать мою ползучую жизнь!"

А жизнь мотылька вовсе не была столь безоблачной, как небо, в которое устремлялся удав. Постоянно приходилось опасаться тех, которые кроме крыльев имеют еще клюв, и даже тех, которые скачут по траве и квакают. А не далее как час назад судьба и ветер бросили его в воздушные просторы над страшными глубинами океана. Опасность поставила его на грань жизни и смерти: поднимись волна или налети чайка - и мотыльку верный конец. Но именно в минуту опасности пришла к нему высшая радость и глубочайшая зависть, ка-

кую только может испытывать крылатое существо. Мотылек увидел голубую акулу.

Сначала его внимание привлек острый, похожий на нож, на парус, на крыло могучий плавник, а затем из воды стало выпрыгивать огромное прекрасное тело. Резвясь у самого берега, хищница привела в трепет всех, кто ее увидел. Всех, кроме мотылька. Это невесомое существо было потрясено неотвратимой, неостановимой мощью движений чудовища, непередаваемым совершенством законченных обтекаемых форм, скользкой кожей, недостижимой способностью мчаться сквозь толщу вод с какой угодно скоростью.

С трудом, преодолев порывы пассата, мотылек раскинул крылья над большим цветком высокой магнолии и кружил, кружил, не переставая мечтать о счастливой возможности вот так же резвиться в зеленой воде у берега или без страха уходить в открытый океан. Он не сомневался, что судьба очень скоро пошлет ему это счастье, и он встретится с предметом своего обожания.

Между тем голубая акула вовсе не резвилась, когда выпрыгивала из воды у самого берега. Будучи весьма близорукой, она подкралась к берегу, чтобы разглядеть вблизи предмет своего давнего обожания.

Это была юная стройная лань, которая у самой воды грациозно чистила мокрым песком свои изящные копытца. При первом же прыжке океанского чудовища лань так испугалась, что сначала у нее отнялись задние ноги. Акула успела трижды выпрыгнуть из воды и восхититься своим кумиром, прежде чем кумир вспомнил, как надо отталкиваться задними ногами, чтобы сделать самый большой из всех возможных прыжков. Этот прыжок совпал с четвертым прыжком акулы и привел хищницу в такое восхищение, что она решила: "Сейчас подкреплюсь, и с завтрашнего дня целью моей жизни станет суша. Или я умру или познакомлюсь с этим пределом совершенства, у которого такие стройные ножки и такие маленькие тонкие рожки".

Ничего не подозревая о замыслах друг друга, удав, мотылек и акула стали готовить себя к подвигу всей своей жизни и в один прекрасный день все трое разом решились.

День был поистине прекрасным. Мягко светило солнце, сверкала роса на цветах, небо и океан застыли в неподвижности...

Настала секунда, когда удав почувствовал, что это его время.

Тугой пружиной он рванулся в небо и - полетел. Ни он сам и никто другой никогда не поймет, почему это произошло, но многие видели, как огромное тело полетело с магнолии не вниз, на чью-то спину, а все выше и выше, извиваясь и ускоряя полет.

Увы, в небе удав не застал мотылька. Секундой раньше порхавший над застывшими водами океана мотылек отбросил в стороны свои роскошные яркие крылья и незаметной змейкой нырнул в заветную прохладную глубину, чтобы подружиться с акулой.

Но не повезло и мотыльку. В ту секунду, когда он погружался в соленую воду, голубая акула решительно выбросилась на песок, уверенно заработала хвостом и плавниками и двинулась на встречу со стройными ножками и тонкими рожками юной лани, без которой она больше не мыслила своего существования.

Что же юная лань?

Увы, читатель, не повезло и нам. Мы никогда не увидим ее встречу и ее дружбу с кровожадной голубой акулой. Еще вчера вечером, готовясь к полёту в голубое небо, бедной ланью поужинал удав.

Выходит, что нет в мире ни равновесия, ни справедливости? Может быть, где-то есть, а где-то и нет. Кто думает, что нет, тот старается как-нибудь изловчиться и всех перехитрить: обойти и невезение, и несправедливость, чтобы потом сказать: "Да нет, всё на свете очень хорошо и правильно". Кто летает, тому это кажется легче. Кто ползает, тому труднее.

МУХА

-А-а, ж-живущий в щели! - Муха усмехнулась. - Что ж-ж, присоединяйся.

Большая и свежая хлебная крошка пахла чудесно и лежала совсем недалеко от печи: при опасности можно успеть скрыться. Если, конечно, вовремя заметить и хорошо побежать.

-Я с-с ох-хотой, - прошептал таракан. - Х-хлеба х-хватит вс-сем. Только не надо так ш-шуметь... Люди...

-Люди?! - Муха захохотала. - Люди неуклюж-жи! Они никогда ничего не успевают! Грыз-зи и не обращай на них внимания!

-Да тиш-ше ты, - шептал таракан, оглядываясь и давясь хлебом. - Тебе х-хорош-шо, ты летаешь-шь...

-И ты летай! У тебя ж-же тож-же крылья!

-С-слабые, - пожаловался таракан. - Помогают только, когда с-со с-стены прыгаешь-шь.

-Вы просто не горды, ж-живущие в щелях. Была бы гордость, вы давно бы летали и никого не боялись.

-Это ещ-щё как с-сказать. Вон клопы: живут по щ-щелям, тих-хо вс-сех-х с-сос-сут - и ничего. А комар - гордый - звенит громко, кус-сает больно, вот и убивают.

-А з-зачем кусать? Еды и так полно!

-С-соглас-сен. Но за что же нас-с убивают, ес-сли мы не кус-саем?

-Не любят нас, - сообщила муха, - потому что у нас ж-жиз-знь другая. Ну з-за что меня любить? Ж-жуж-ж-жу, круж-ж-жусь, саж-жусь, мешаю. А бывает, и кусаю!

-Но меня-то за что? - скулил таракан. - Не меш-шаю, не кус-саю, крош-шки за вс-семи с-съедаю... Ну, с-сорю немного.

-Да мы им просто противны, - заявила муха.

-А я их-х люблю, - сказал таракан. - Они теплые. А с-самые луч-ш-шие из них-х бывают с-сырые. Люблю с-сырос-сть.

-Да кто ж-ж ее не любит! - засмеялась муха.

-Ой, идет! - вскрикнул таракан и метнулся к щели. Вслед ему хохотала муха.

-Далеко ж-же! Куда ж-ж-ж ты?

Человек ударил башмаком. Муха с хохотом увернулась, ударились назло о его щеку, полетала вокруг головы, задевая за нос и уши, потом бесшумно спланировала к печке и по полу побежала к стене, где была тараканья щель. Оттуда торчали рыжие усы.

-Ну как? - спросила муха.

-Умираю от завис-сти, - ответил таракан. - Лих-хо ты его...

-С ними надо построж-же, - сказала муха. - Пусть уваж-жают.

-Ой, он с-сюда крадется! - задрожал таракан.

-Ах, так? - рассердилась муха. - Ну, я тебе покаж-ж-жу!

Потирая от ярости передние лапки, она подпустила человека поближе и бросилась на него. Таракан выпал из своей щели и чуть не умер от смеха, глядя на эту расправу, на этот неравный бой. Человек вертелся, махал руками, хлопал себя по щекам, молотил ладонями воздух, а муха победно кружила и была неуживима.

Наконец побежденный выбежал из комнаты, а она вернулась к щели, совершенно не уставшая, даже не запыхавшись.

-Выс-сш-ший клас-с-с, - восхищённо шептал таракан. - Вос-сторг!

-Да чего ты шепчешь?! - кричала муха. - Я его прогнала, разве не видишь? А вернется, еще не так накаж-ж-жу!

Таракан тоже попробовал завопить, но у него не получилось.

-Эх, ты, в щели ж-живущий, - сказала муха и с жалостью, и с презрением. - Не то что летать, говорить разучился! Надо вам, тараканам, начинать новую, настоящую ж-жиз-знь. Людей надо в страхе держ-жать!

Таракан смотрел на героиню во все глаза. Он так расхрабрился, что выскочил из щели и добежал до середины комнаты. Но тут же в панике вернулся.

-Ты чего? - спросила муха.

-Он возвращ-щается, - прошептал таракан.

-Слышу, - сказала муха небрежно. - Пол дрожит. Смотри теперь, что я с ним сделаю!

Дверь медленно отворилась, крадучись вошел человек, держа в руках ниточку.

-Уж-ж не собирается ли он ловить меня ниткой? - Муха расхохоталась. - Что ж-ж, подождем!

Человек огляделся, увидел муху и таракана и все так же крадучись двинулся к ним. Таракан нырнул в щель и позвал муху:

-Прыгай с-сюда! Мес-ста много! С-скроемс-ся!

-Меня - в щель? - Муха захлопала в ладоши. - Вот з-здорово! Вот он посмеется!.. Так нет ж-ж-же! Не дож-ж-ждётся! Ну, ты, двуногий! Подходи с твоей ниткой поближ-ж-же!

Она подпустила человека, совсем близко и даже позволила ему присесть на корточки. Человек медленно вытянул руки, и ниточка в них стала удлиняться.

-Вот это да! - смеялась муха, потирая ладошки. - На нитке даж-же нет петли! Как ловить-то будешь?

В этот момент таракан услышал, как рядом со щелью щелкнуло, и вслед за щелчком - сердитое жужжанье мухи:

-Ты это что ж-ж-же? Ты это чем ж-ж-же? Как крылья-то помял! Как спину-то ушиб!

Таракан видел, как муха подпрыгивает у щели, пытаясь полететь, а крылья поломанно торчат в разные стороны и не хотят ей служить. Таракан понял:

-Это не нитка! Это резинка! Прыгай скорее в щель!

-Очень нуж-ж-жно! - Муха жужжала и подпрыгивала. - Не возь-зь-зьмет!

Но человек сделал шаг, и на том месте, где прыгала муха, таракан увидел огромный ботинок с толстой тяжелой подошвой. Однако муха, помогая себе крыльями, успела отскочить.

-Ха-ха! - закричала она, прыгая мимо щели. - Я ему покаж-ж-жу-у!

-С-сюда! С-сюда! - шепотом кричал таракан из щели. Но муха даже не оглянулась.

Ботинок топнул еще раз, и легкий хруст поведал таракану, что на этот раз человек добился своего.

-А вот не гордись-сь, - прошептал таракан и поглубже забился в щель.

Ночью, когда выключили свет и пол перестал дрожать, он вылез и доел свою хлебную крошку. Уже сухую и не такую вкусную, но - в безопасности.

Наевшись, таракан осмелел и немного побегал рядом со своей щелью. Потом он вспомнил слова мухи о гордости: если стать гордым, можно научиться летать. Он представил себя гордым, расправил крылья, замахал ими и подпрыгнул.

Ничего, конечно, не получилось.

Таракан облегченно вздохнул и отправился спать.

Вот и думай, кем лучше прожить - храброй необразованной мухой или навек испуганным тараканом. А может быть, ежом? Вот и сказка о нём.

ЩЁТКА

Поймали в огороде ежа и принесли в дом. Щелей нет, окна высоко, дверь заперта - не убежишь. Ходит колючий, топает погромче, фыркает - всех пугает, потому что сам боится. А никому не страшно, все смеются и подставляют ему блюдце с молоком. Он молоко понюхал и ушел под вешалку, в темноту, подальше от забот. Люди решили: "Пусть привыкает" и оставили его в покое.

Тоскливо ежу под вешалкой. Запахи незнакомые и неприятные. Вдруг слышится ему голос: "Новая щетка, что ли?" Огляделся - это сапожная щетка рядом лежит. Самый неприятный от нее запах, как от человека, но зато - говорит.

-Я не щетка, - ёж отвечает, - я зверь лесной.

-А что в доме делаешь?

-Погибаю.

-Бедненький, - говорит щетка. - Чем же тебе помочь?

Худо ежу, а все равно обрадовался. Даже про щёткин запах забыл. Никто никогда его не жалел. Кто в лесу помельче, те отнять еду норовили. Кто побольше, поймать его старались, когтями доставали, зубом пробовали. Люди вот - взяли в плен. Никто ласкового слова не сказал, всех надо было колоть. А тут - старая сапожная щетка! - помощь предлагает.

Стал он щетку благодарить, стал жаловаться, что теперь ему никто уже не поможет, конец пришел ежу лесному... А щетка подумала, помолчала и шепчет:

-Я очень хорошо придумала, как тебя спасти. Ты только затаись под вешалкой да утром, смотри, не проспи: хозяин на работу уходит раненько.

-Что же надо делать?

-А вот что. Хозяин мой, когда очень доволен, забывчивым становится. И любит он, чтобы сапоги блестели, как ягодки.

-Я тоже ягодки люблю, - говорит еж.

-Будут тебе ягодки, - говорит щетка. - А завтра утром твое дело - сидеть тихонько и во все глаза на дверь смотреть. Я уже не молода, я себя берегу, чтоб подольше не выбрасывали, но завтра я ему так сапоги начищу, что он от радости дверь-то и не закроет. Смело беги тогда следом и сразу - под крыльцо. Ночи дожدهшься и уйдешь. Понял?

-Понял! - шепчет ёж. - Если спасешь, век тебя не забуду, из любой беды спасу.

Вот настало утро.

Все вышло так, что лучше и не надо. Хозяин вкусно позавтракал, пришел к вешалке веселый, сапоги надевал - посвистывал. А щетка уж так летала, так драила, так мелькала, что засверкали сапоги, как ягодки.

-Э-эх-х! - сказал хозяин. Бросил щетку чуть ежу не по голове, притопнул, присвистнул и пошел из сеней с приплясом, дверь затворить забыл.

-Давай! - шепнула щетка ежу.

Бросился он за дверь и, когда хозяйка поспела, чтобы дверь закрыть, сидел еж под крыльцом да щетку добром поминал.

Прошло лето.

Прошла осень.

Еж завернулся в сухие листья да и проспал в дупле до весны. И ничего ему не снилось, и было ему хорошо.

Опять настало лето. И как-то раз лапы принесли ежа к тому огороду, где он попал к людям в плен.

Память у ежа короткая, хотел снова залезть в огород. Но услышал вдруг тихий голос:

-Опять захотел в неволю? Меня там нет уже.

Огляделся - рядом та самая щетка, совсем истёртая.

-Что здесь делаешь? - спрашивает ёж.

-Пропадаю. Стара стала, выбросили меня.

-Ну, что же, - говорит ёж, - выбросили так выбросили. Бывает.

-Скучно под забором, - говорит щётка. - Поговори хоть ты со мной, а больше мне ничего и не надо.

-Не хочу, - отвечает еж. - Пахнет плохо от тебя.

И убежал.

А щетка, между прочим, до конца не пропала. Шел Еvgеша, подобрал ее и сделал хороший парусник.

До сих пор плавает. Щетка-то была деревянная, а если дерево покрасить, оно долго живет.

Люди говорят: "Самые большие грехи - предательство и неблагодарность". Но зверюшки это знают не все. Вот и поступают иногда не по-людски. К тому же они бывают злопамятными. Попадёшься такому зверю в беззащитном состоянии - держись, будь ты даже вооружённый человек.

Об этом - две истории подряд.

ТЕТЁРКИНО КРЫЛО

Ходил охотник в тайгу, нашел зайца. Это у них только так называется - нашел. А на самом деле - просто увидел и застрелил. Заяц ему попался неопытный, молодой - любопытный. Сидел столбиком и глазел: что это за зверь на двух ногах да с палкой, что он делать хочет? Узнал, что такое ружье, да поздно.

Зайца охотник отдал своей хозяйке, а задние лапки отрубил и проволокой связал: крошки смахивать со стола.

Тут и поздно, все спать пошли.

Висят на гвозде лапки, горюют между собой.

-Нам бы тогда прыгнуть хорошенько, - говорит правая.

-Нипочем бы не догнал, - говорит левая.

-Что не догнал, - говорит правая, - из ружья бы не попал.

-И не надо было на виду сидеть, - говорит левая.

-А теперь век тут висеть, - говорит правая.

-Ещё посмотрим, - говорит левая.

-Тошно, - говорит правая.

-Тошнёхонько, - говорит левая.

И вдруг слышат снизу серый голос.

-Вам-то еще ничего. На чистой стенке. А меня из-за вас под печку бросили. Утром в огне сожгут.

Пригляделись - крыло под печкой. Старое и грязное.

-Ты чье? - спрашивают.

-Я - тетёркино крыло.

-И давно ты здесь?

-Давненько. Не поладили мы с левым крылом, не успела хозяйка улететь.

-Что ж вы так? - спрашивает правая лапка.

-А что, - говорит левая, - бывает. Мы-то с тобой разве не ссорились?

-И то, - говорит правая. - Ссориться нам больше нельзя.

-А вам теперь уже все равно, - говорит крыло. - Отбегались.

-Ещё посмотрим, - говорит левая лапка. А правая спрашивает:

-Ну, каково тебе, крыло, жилось?

Крыло подумало и отвечает:

-Каково было попервости, я уж и не помню. Потом стало привычно. После завтрака со стола сметешь - и висишь до обеда. После обеда сметёшь - отдыхаешь до ужина. А после ужина совсем хорошо - всю ночь тебя не трогают, мухи на тебя не садятся, только разве таракан какой пробежит.

-Гадость какая! - сказали лапки хором.

-И вовсе нет, - возразило крыло. -Тараканы очищали меня от крошек. Они вообще очень чистоплотны, все время чистятся. Только вокруг себя сорят.

-Ф-фу! - сказали лапки.

-Ничего, привыкнете. Работа здесь не такая трудная, как на воле... А мне теперь конец.

Провисели лапки молча до полуночи, тут левая и говорит:

-Пора!

-Пора так пора! - говорит правая.

Спрыгнули с гвоздя и рядом с крылом оказались.

-Пошли с нами, - говорит левая.

-Уйдем через кошачий лаз, - говорит правая.

Крыло подумало, попыталось пошевелиться и отвечает:

-Не могу. Ходить не умею, прыгать не обучено, а летать одному крылу без другого - никак нельзя: опоры не будет. Идите сами.

Ушли лапки. А крыло тосковало до утра: вот люди встанут, печку растопят - и бросят его туда.

Утром люди встали, печку растопили. Хотела хозяйка бросить крыло в огонь, да посмотрела на гвоздь и спрашивает хозяина:

-Ты куда лапки-то девал?

-Однако на гвозде должны, - отвечает хозяин. Обыскали всю избу, завтрак на печи пригорел - не нашли лапок.

-Утащила крыса в кошачий лаз, - говорит хозяин.

-Или лаз этот забей, - сердится хозяйка, - или я другого кота заведу.

-А этого куда?

-А этому лодырю лапы отрублю, буду со стола сметать.

Кот как услышал, быстренько проснулся и - на печь! Хозяева смеются, а у него шерсть рыжая дыбом, белая - вся дрожит, хвост трубой, а уши полегли.

-Ладно, - говорит хозяин, - куда девать такого умника? Забью лаз, пускай под дверью плачет - авось крысы убоятся.

-Зайца нового найди, - говорит хозяйка. - А крыло я пока повешу на место.

Позавтракали. Со стола смели. Забил хозяин кошачий лаз, взял ружье и ушел. Хозяйка - за ним, провожать.

А крыло висит на своем гвозде и думает: "Хорошо, что не до конца выбросили. Куда вам без меня деться?"

ХРУМ

Шел охотник по лесу, шел - притомился. Целый день зря ходил. Ни зверя, ни птицы, ни ягоды, ни грибочка. Один ветер шумит, да и тот поверху - куда-то гонит тучи, забот у него много, потому что этих туч видимо-невидимо.

Наломал охотник сушняку, надрал бересты, ямку вырыл, запалил в ней костерок, сидит рядом, греется, воду из болотца в котелке варит - чаю захотелось. А кроме чаю у него и нет ничего: взял один хлеб, на выстрел понадеялся.

Сидит охотник у самого костерка, а кругом уже стемнело. Но он в лесу не боится. Жердину к толстой сосне прислонил, сверху пихтовых лап навалил - вот и шалаш. Внутри мелкого пихтача настелил - вот и постель. Ночуй да костерок не проспи, чтоб горел: тебя зверь и не тронет, огня побоится. Да на всяк случай ложись в обнимку с ружьем - тогда уж полная надёга.

Пожевал охотник хлебца, чаем запил да и сидит у огня перед сном, что-то себе думает.

А уши-то у лесного человека всегда настороже. И слышит он какой-то хруст. Будто на мелкий сушнячок наступают легкой лапкой. То сбоку - хрум. То где-то за костром - хрум. То сзади - хрум. А огонь видеть мешает. Вокруг него темнота еще чернее. Думает охотник: не дождик ли? не шишки ли от ветра валяются? Думал так недолго да в шалаш и полез: мало ли в лесу тресков, спать пора.

Но только начал задрёмывать, как над самой головой - хрум! Не очень громко, но отчетливо и как-то нарочно. Притаился. Скоро чуть выше по жердине снова - хрум! Он - руку на ружье! Еще выше - хрум! Он стволом - туда. А оно сразу пониже - хрум! Он ружьем водит за хрустом, а все не успевает. Смутился и - пальнул наобум. Стало тихо. Но ненадолго. У самого входа - хрум! Он туда пальнул. Стало тихо. Но скоро с другой стороны - хрум. Он - туда, не целясь. Так стрелял, пока не извел все патроны. Тогда сразу - хрум-хрум-хрум - тихонько, быстренько вокруг шалаша похрустело и стихло до утра. Только охотник уже так и не заснул: до самого света все хруста ждал.

Утром вылез наружу и видит - на том месте у костра, где он ночью сидел, валяются две заячьи лапки. Те самые, которые у него дома потерялись. Глядит охотник на лапки,

подойти не решается и сам с собой, будто с ними, разговаривает.

-Я зайца третьего дня стрелял? Стрелял. Лапки отрубал? Отрубал. Проволочкой скрутил? Скрутил. На гвоздок повесил? Повесил. Они из дома пропали? Пропали. Может, ко мне в мешок попали? Не видел. А мешок сам собирал. Может, они сюда с неба упали? Не ведаю. Сами, что ль, пришли? Так ведь не может того быть!

Но видит он, что лапки - те самые. Той самой проволочкой скручены. Только лежат как-то нескромно, как-то нарочно. Как-то нахально лежат. И на его законном месте.

Шагнул он к лапкам. Ничего, лежат. Руку протянул. Лежат. Схватил, разглядел. Те самые лапки. Бросил он их в сердцах на землю!

Тут они и побежали. Хрум-хрум-хрум! Вокруг него обежали и - в лес! Он - следом! А кругом-то кусты, травища, бурелом. Быстро отстал, будто и не видел.

Стало некого ловить, надо к костру, к шалашу, собираться да идти домой. Ищет он, ищет, а - нету. Ни костра, ни шалаша. Место кругом будто бы то самое, даже вроде и дымком потягивает, а не найти. Стал ходить кругами, еще больше заблудился.

Только через неделю появился он дома. Хозяйка уж поднимала народ - его искать. А он вот: худой, грязный, в щетине - леший да и только.

Отмыли его, накормили, выспаться дали, потом, конечно, стали спрашивать. А он ничего не помнит. Заблудился и все тут. Как за лапками пошел, он еще рассказывал, да не верил никто, а как потерял костер, куда девалось ружье, где топор - этого сказать не мог, и под конец его оставили, чтоб совсем не помешался.

Ружья он больше не покупал, в лес ходить забоялся. Поставил пасеку на огороде и со двора уходить не любил.

Между прочим, зайцы вокруг деревни водиться перестали. Даже следов не видели.

Отомстили... А что значит это слово - месть? Может быть, "поставить на место"? Кто-то забыл о своём месте, его и поставили. Нагрубил, вознёсся над другими, а его за это - на место.

Ведь нельзя быть лучше всех во всём. Кто-то в чём-то обязательно лучше тебя. И встретить такого бывает очень полезно.

Об этом - ещё две истории.

ЧЕМПИОН

Для краткости его называли - Чемпион Морской. А по полному титулу он был - Чемпион Океанов, Морей, Рек, Озер, Прудов, Стариц, Проток, Ручьев, Канав и Прочих

Водных Бассейнов.

Это не шутка. Это очень и очень серьезно.

Попробуйте, например, совершить глубоководное погружение в какой-нибудь луже средних размеров. Нет? А он - умел.

Попробуйте перейти вброд море. Так, чтобы было везде по колено. Или по щиколотку. Нет? А он - без труда. Только море переходить долго, потому кто-нибудь должен был плыть за ним на лодке с продуктами - кушать-то всем хочется.

Вы пробовали догнать в море дельфина? Нет? И не пробуйте. Даже рыба-меч не всегда его догонит. А Чемпион - догонял.

Упаси вас бог нырнуть хотя бы на сто метров в глубину. Вы потеряете сознание. А если не потеряете, то на обратном пути ваши легкие лопнут, а кровь закипит, как газированная вода. Ему, Чемпиону, ничего не стоило ухватиться за хвост кашалота, нырнуть с ним на целых два километра, а потом вынырнуть быстрее самого кита да еще со светящейся рыбой в руке. Правда, бедная рыба при этом лопалась, как мыльный пузырь, - без привычного ей глубинного давления...

Вот такой человек ходил по земле среди нас, обыкновенных. И если не надевал свою чемпионскую шапочку, сделанную из лопнувшей глубоководной рыбы, то и не узнать его было среди толпы. Как все, он куда-то спешил. Как все, выходил из троллейбуса. Как все, ел в столовой. Одежда у него была как у всех. Обувь - тоже. Только по шапочке и узнавали. Поэтому никогда он ее не снимал. Даже за столом - чтобы есть не как все. Даже в постели - чтобы спать по-чемпионски. Он и ходить пробовал не как все, но это у него не очень получилось, потому что ведь всякое ненормальное хождение утомительно и никак не может стать привычкой.

О чем же этот рассказ? О мучениях Особого Человека среди Обычных Людей? Ничего подобного. Чемпиона Морского всегда узнавали и всегда воздавали ему необходимые почести. Иногда он даже сам не хотел выделяться, прятал шапочку, и тогда ему бывало особенно хорошо: вот все бегут мимо, даже толкают и вовсе не подозревают, какая замечательная встреча происходит незамеченной!.. Рассказ будет только об одном случае из необыкновенной жизни Чемпиона, потому что после этого случая он стал обыкновенным человеком и, к большому сожалению, в одну минуту разучился и плавать, и нырять, и носить чемпионскую шапочку из кожи глубоководной рыбы.

...Вернувшись после очередного рекорда, Чемпион вышел из самолета, попил кофе в буфете аэровокзала, а когда двинулся к выходу, попал в толпу людей, которые совершенно не могли покинуть вокзал так быстро, как ему хотелось. Одна дверь была на ремонте, а у другой с обеих сторон скопилось человек по сто. Все они вежливо уступали друг другу

проход и просачивались внутрь и наружу двумя жидкими ручейками.

Чемпион попробовал обойти толпу с одной стороны, попытался втиснуться с другой, но из-за этого только возникла толчея, и ручейки потекли еще медленнее. Все толпились к нему спиной и не могли видеть ни его шапочку, ни очередную медаль на груди. Он закричал: "Пропустите Чемпиона Морского!", но было слишком шумно. Несколько ближайших к нему людей оглянулись, улыбнулись и снова принялись толпиться, а пропускать его никто и не подумал.

Тогда Чемпион разбежался и хотел протаранить толпу, как он таранил морские глубины. Не тут-то было. Одно человеческое тело не могло растолкать множество других. Люди - не вода.

Однако Чемпион так забылся, что стал наскакивать на толпу с разных сторон. Шапочка сбилась набок, оторвались две пуговицы на голубом пиджаке, развязался галстук, расстегнулась рубашка, а он таранил и таранил, и медаль его чуть слышным звоном звала на штурм.

Внезапно кто-то сзади тронул чемпиона за плечо.

-Люди - не вода, - раздался спокойный голос. Чемпион оглянулся. Обыкновенный человек в свитере смотрел на него с улыбкой.

-Рад видеть вас вблизи, - сказал Обыкновенный Человек. - Стоит ли терять лицо? Подождем, пока дверь освободится.

-Да она никогда не освободится! - вскричал Чемпион. -Только вчера я проник на глубину II километров, - он покосился на свою медаль, - а сегодня не могу свободно пройти через дверь! Это невыносимо!

-Что поделать! - улыбнулся Человек В Свитере. - Жизнь часто бывает сильнее нас. Приходится терпеть.

-Терпеть?!

-Ну да. В данном случае каких-то десять-пятнадцать минут. Мы с вами могли бы провести это время в беседе.

-Да о чем мне с вами беседовать? Чем вы мне интересны?

-Интересен любой человек. Да и выхода все равно нет...

-Выход есть! - рявкнул Чемпион. -Разбить окно и выйти!

-Стекла бить - это не выход, - Человек В Свитере все так же улыбался, но теперь чуть насмешливо. - Зачем хулиганить, если есть открытое окно?

-Вы еще издеваетесь! - возмутился Чемпион. - Оно под самым потолком, выше второго этажа! Может быть, покажете, как через него выйти!

-Особого желания нет, - сказал Человек В Свитере. - Но если вы настаиваете...

-Да! Я именно настаиваю! - закричал в сердцах Чемпион, потому что его совершенно вывела из себя спокойная усмешка Обыкновенного Человека.

-Хорошо, - согласился Человек В Свитере. - Смотрите и прощайте.

Он поднял с пола свой старенький портфель, слегка оттолкнулся ногами и взлетел почти к потолку. У окна обернулся, махнул Чемпиону рукой и вылетел наружу.

Никто, кроме Нырлящика, этого чуда не видел, а Человек Летающий опустился рядом с автобусом, вошел в него и уехал.

МУДРЕЦЫ

Старый мудрец пришел к молодому и спрашивает:

-Как же быть?

-А что такое? - спрашивает молодой мудрец и делает внимательное лицо.

-Так ведь вот, - жалуется старый. - Надо что-то делать.

-Это уж так, - соглашается молодой. - Делать что-то надо.

-Так ведь что? - не унимается старый. -Что делать-то?

-Ты мудрее, - отвечает молодой. -Тебе лучше знать.

-Я к тебе не за похвалой пришел, - сердится старый. -Я и сам знаю, что я мудрее. Но мне хочется знать твое мнение. Вот я и спрашиваю: что делать-то?

-Я с тобой согласен, - говорит молодой. -Если ничего не делать, тогда всему конец. Но вот как делать? Понимаешь меня?

-Конечно, понимаю, - старый важно кивает. -Вопрос очень серьезный: как делать? Я уверен, что делать можно по-всякому. Мне даже кажется, что это самое лучшее - делать по-всякому. Чтобы, например, скучно не было. Но ведь надо из этого всякого выбрать такое, чтобы не ошибиться. Понимаешь?

-Конечно, понимаю, - говорит молодой.

-Вот я к тебе и пришел, - продолжает старый. - Две-то головы лучше...

-Конечно, две лучше, - соглашается молодой. - С двоих спросу меньше.

-Ну, это если не получится, - говорит старый. - А если успех, тогда слава нам обоим.

-Это уж так, - соглашается молодой. - Да только надо, чтоб не кто попало оценивал труды-то. Нужен кто-то понимающий.

-Что верно, то верно, - соглашается старый. -Понимать - это обязательно. Вот я и думаю: как быть, если и дело сделаешь нужное, и как следует, хорошо сделаешь, а тебя не поймут? Выходит, зря будешь стараться? Вот что тогда?

Задумались.

-Нет, - молодой говорит, - в две головы такую задачу не одолеть. Пойдем к третьему мудрецу.

Приходят они к третьему. Он сидит задумчив.

-Над чем, - спрашивают, - голову ломаешь?

-Хорошо, что пришли, - он отвечает. - Не могу один разобраться: вот ежели и дело сделаешь нужное, и как следует, хорошо сделаешь, то ведь надо еще, чтобы кто-то понял, кто-то оценил...

-Иначе зачем стараться? - хором вскричали оба мудреца.

-Так и вы об этом думаете? - Третий обрадовался. - Ну, давайте думать вместе.

Задумались втроем. Долго думали. Наконец третий говорит:

-Вот мы сидим, думаем, надрываемся, для человечества стараемся... А нет ли такого дела, над которым думать не надо? Вот бы о чем подумать!

-Достойное занятие, - одобрил старый мудрец. -Вот что значит - три головы!

-Это уж так, - согласился молодой.

Снова задумались. Аж засопели. Почти до обеда сопели. Ничего придумать не могут.

-Кажется, мы в тупике, - говорит молодой мудрец.

-Для человечества стараемся, - одернул его старый. - Думать надо!

-А знаете, что? - вдруг сказал третий. -Мне кажется, дело просто в том, что для решения такой задачи трех голов, даже таких мудрых, как наши, недостаточно. Нужен кто-то четвёртый.

-Легко сказать, - вздохнул старый. - Не идти же в другой город. А в нашем все мудрецы - вот они: мы двое да ты третий.

-Что верно, то верно, - говорит третий мудрец, - но есть у меня сосед... Он, правда, пекарь: булки там, батоны, пончики...

-Ну и что? - спросили гости и сглотнули слюнки.

-Ну, мудрости в нем, конечно, не много... Но иногда высказывает неглупые мысли... Может, окажем ему честь?..

-Конечно! - согласились мудрецы. - Окажем! Далеко к нему идти?

-Через дорогу.

И они пошли оказывать честь.

Нашли неглупого соседа у печи. Окружили и спрашивают:

-Как ты думаешь, можно ли что-нибудь на свете делать без обдумывания?

Он отвечает:

-Погодите. Вот закончу, пообедаю, тогда поговорим.

Вынул весь хлеб из печи, посадил новый и спрашивает:

-Вы обедали?

Мудрецы сглотнули слюнки и дружно замотали головами. Налил он им по кружке молока, отрезал по краюхе свежего хлеба, усадил за стол и за едой стал расспрашивать. А когда поели и всё о своих заботах поведали, сказал так:

-Теперь ступайте. Мне дальше работать надо.

Свои сказочно правдивые истории Кунг рассказывает чаще всего не о людях. Разговаривают и думают разные животные, предметы, даже огонь. Как будто и у них есть душа и разум. Как будто они тоже знают, что такое справедливость, правда, хитрость, будто они тоже умеют посмеяться или обидеться. Однако эти выдумки, если верить Кунгу, вовсе не выдумки. На все вопросы об этом у него один простой ответ: "Если хорошо присмотреться, можно всё увидеть". Уж, конечно, он точно знает, что у каждой вещи есть душа.

МАСКА

Всем давно известно, что дереву больно, когда его спиливают. Это для него гораздо больнее, чем, например, для человека сверлить больной зуб. Не все, однако, соглашались с тем фактом, что больно не только живому дереву, но и доске. Дерево, мол, и так едва живое, а доска - и подавно.

Все это от того, что люди давно потеряли настоящую природную чувствительность. Они пытаются сегодня улавливать приборами то, что когда-то чувствовали просто так. Но какой прибор способен зарегистрировать запах гнева? Или аромата дружелюбия?... А между тем любое животное - конечно, кроме нас с вами - чувствует. Поговорите с любой кошкой, собакой, лошастью (дикие животные просто не захотят иметь с вами дело), - и вы узнаете, что и страх пахнет по-своему, и радость, и озабоченность. А у боли - просто множество запахов, один другого больнее. И самое интересное, что боль бывает не только мучительная, но и такая, которая приносит удовольствие. Например, когда выдёргивают занозу.

Вот совершенно так же можно угадать, какую боль испытывает растение. Когда пилят или рубят сырое, совсем живое дерево, то даже человек может почувствовать в запахе его щепок и опилок уныние и тревогу. Ничего большего ощутить человеку просто не дано, он глух к настоящим запахам. Дикий зверь, например, сразу поймет, что срубается дерево не в тревоге и не в унынии, а в отчаянии и ужасе.

Если же человек мог бы по-настоящему понимать чувства сухой доски, он бы изрядно удивился.

Придите к старинному деревянному дому, который ломают на дрова. Отломите от резного карниза какую-нибудь завитушку. Раньше всю резьбу на домах выполняли из кедра, поэтому на изломе вы увидите почти красные, еще крепкие волокна, пропитанные смолой, а в лицо вам ударит запах, будто перед вами не почерневшая от веков деревяшка, а букет свежих полевых цветов. В эту минуту, вспомнив о запахах боли, вы можете подумать: "Неужели отчаяние и ужас способны так чудесно благоухать?" Но это вовсе не ужас и не отчаяние. Старая доска так долго считала себя погибшей, что от ЭТОЙ боли она испытывает младенческий восторг пробуждения. И освобождения. Ей вспоминается юность в лесу, она хочет расправить могучие ветви и потянуться к солнцу...

Прошу прощения за длинное предисловие, но без него было бы трудно понять те события, о которых рассказывается дальше.

Когда сломали старый дом, одну толстую доску унес некий любитель удивительных вещей. Доска была кедровая, красная на срезе и совершенно без трещин. Ее оторвали от перегородки внутри дома, то есть, погода на нее никогда не действовала, и она хорошо сохранилась под человеческие голоса, в человеческом тепле и чистоте.

Любитель удивительных вещей поднялся в лифте на девятый этаж, вошел в свою квартиру и там отпил от доски почти квадратный кусок. Оставшуюся часть унес на балкон, а отрезанный кусок положил на легкий тонконогий верстачок и зажал двумя железными винтами. Для простоты будем называть этот обрезок просто - Доска.

- Вот это запах! - услышала Доска человеческий голос. - Это же просто обалдеть!

"Не очень-то он литературно выражается, - подумала Доска. - Те, кто сживал подле меня в былые времена, знали в языке больше толка."

А любитель удивительных вещей (будем называть его просто - Любитель) взял тем временем рубанок и снял с Доски несколько стружек. Это было приятно, и Доска одарила его крепким запахом отстоявшейся смолы.

- Обалдеть! - повторил Любитель и отложил рубанок. Он взял карандаш и громко засопел над Доской, что-то на ней рисуя.

С рисованием Доска до сих пор близко не сталкивалась, поэтому ничего не поняла. К тому же Любитель не бог весть как здорово рисовал. Он часто стирал, много подправлял и переделывал. Даже очень опытная в рисовании доска в конце концов устала бы следить за его движениями.

- Ну, так сойдёт, - сказал наконец Любитель.

И Доска почувствовала холодное лезвие резца.

Она испугалась: такой малокультурный человек мог совсем не знать толка в инструментах, а для сухой доски нет ничего неприятнее тупого ножа.

Однако резец был отточен превосходно, доставлял только приятную боль, и Доска радовала Любителя добротным ароматом свободы. Она даже простила ему низкую культуру речи, поскольку вспомнила, как ее прежние высокообразованные друзья не раз говаривали, что неумение красно баять - это даже особое отличительное качество настоящих мастеров рукомета.

"Что же он из меня вырезает? - мучилась Доска. - Хоть одним бы глазком посмотреть со стороны".

И поскольку эта Доска получила в прошлом весьма разностороннее образование, она довольно скоро догадалась, каким способом увидеть себя - не со стороны, так изнутри, по ощущениям. Ей не составило особого труда представить себя почти квадратным зеркалом - таким же, какое висело когда-то на стене напротив перегородки. В том зеркале отражались ее высокообразованные друзья, а в этом, воображаемом, стали отчетливо отражаться все линии, которые проводил на ней остро отточенный резец.

Она увидела длинный и довольно неровный нос. Даже не то чтобы неровный, а попросту весьма кривой и горбатый. Ноздря хищно раздулась, а вниз от нее сползла неприятная злая складка.

"Ничего себе!" - подумала Доска и только порадовалась, что не может произнести эти грубые слова вслух.

На второй ноздре Любителю попался небольшой сучок, и он, мало думая, превратил его в неприятную коричневую бородавку. Ноздря из-за этого получилась кривая.

"Ай-ай-ай! - подумала доска. - Дело принимает несимпатичный оборот. Однако еще не конец..."

Лезвие тем временем вырезало вторую злую складку и принялось за губы.

"Улыбка еще могла бы спасти положение,- подумала Доска. - Я знавала совершенно некрасивые лица, которые в улыбке расцветали самым неожиданным образом".

Когда же искаженный яростью рот соединил злые складки и оскалился неровными и редкими, но острыми и крепкими зубами, надежда на улыбку погасла.

Правда, ошеломленная Доска почувствовала, что теперь может сказать вслух что угодно, однако слова из такой пасти просились все какие-то неприличные, и она молчала, старясь понять, что же с ней такое творится.

"Мне дарят лицо, - размышляла Доска. - Следовательно, будут на нем глаза, и я смогу разглядеть своего Любителя как следует. Он всё же мастер, а мастер не может быть злым. Надобно вникнуть в его идею... А пока будем надеяться на брови. Если их высоко поднять, то выражение лица получится не таким уж страшным, скорее - удивленным. А с удивлением примириться можно. Я знала человека с постоянно удивленным лицом. Он всегда говорил

только правду и часто восклицал: "До чего здорово устроен мир!" Мне даже кажется, что удивление - самое подходящее выражение для человеческого лица".

Пока Доска размышляла таким образом, на ней появилась одна, потом вторая насуспенная бровь, а переносицу рассекла угрюмая складка.

"Нет, не всё ещё потеряно! - убеждала себя Доска в полном отчаянии. - На самом непривлекательном лице можно встретить прекрасные умные глаза. Глаза рассказывают о человеке гораздо больше, чем любая гримаса, даже больше, чем слова. Совсем не редко добрые лица искажаются от боли, от душевного страдания... Впрочем, должен же быть и какой-нибудь запах".

Своим новым носом Доска уже различала какой-то запах, но еще не могла понять, что он выражает у этого человека. Она с нетерпением ждала, когда же у неё появятся прекрасные умные глаза.

И дождалась. Лучше бы ей не дожидаться... Из-под нависших бровей выпучились не глаза, а свирепые буркалы, бессмысленные и беспощадные.

- Вурдала-а-ак! - услышала Доска. - Упы-ы-ырь! Вампирюга! Ух, ты, зверюга!

Ее щелкнули пальцем по носу, потом по лбу.

Ее страшные глаза увидели того, кто ее вырезал.

Это был вёрткий человечико с упитанным лицом, с кудрявыми волосами и оттопыренными ушами, нос у него был короткий, ноздри наружу, на тонкой верхней губе змеились черные усики, а глаза были белые, пустые и смотрели из-под круглых рыжих бровок с удивлением, но без тепла.

- Ишь ты, смотрит! - воскликнул Любитель. - Вот это я! Спорю на что угодно, что сегодня эта рожа всех перепугает!.. Только бы успеть...

И он стал поспешно заканчивать работу. Зачистил грубые черты мелкой наждачной бумагой, кое-где помазал коричневой морилкой, еще почистил, хотел покрыть лаком, но передумал:

- Без лака будет страшнее... У-у-у, образина!

И тут Доска не выдержала. Не разжимая зубов, она попросила:

- Хочу быть доской.

Она сказала это очень тихо, но Любитель вздрогнул и огляделся. В комнате, конечно, никого больше не было. Тогда он с подозрением посмотрел на Доску. Она тарацилась и молча ждала. Он сказал:

- Нельзя так много работать. Уже мерещится чо попало.

- Хочу быть доской, - повторила Доска.

Любитель снова вздрогнул, всмотрелся в страшное лицо, даже наклонился к нему,

чтобы послушать, не дышит ли... Потом сказал:

- Вырезал нечисть, вот и мерещится... - Он засмеялся и погрозил пальцем. - Ты смотри у меня, деревяшка! Ты теперь не Доска, ты - Маска! Так что не капризничай.

Довольный своей шуткой, он подмигнул. Доска не ответила, потому что поняла наконец, что это за запах от него исходит. Человека с таким запахом не уломаешь. Она вспомнила, как всего однажды встречала этот запах. В комнату, где она была перегородкой, вошли строгие люди и увели одного из её высокообразованных друзей. От этих строгих так разило нетерпимостью, что запах этот вьелся в Доску навсегда.

"Увы, - подумала теперь Доска. - Придется быть Маской. Наверно, повесят на гвоздь. Не очень-то приятно - всю жизнь пугать гостей глупой свирепой рожей, а в глубине души хранить воспоминания о веселых встречах с приветливыми людьми. Увы мне".

- Одного жаль - запаха кедровой смолы, - сказал человек. - Морилка спиртовая отбила начисто... Ну да ничего, нам это не нюхать, нам на это смотреть да гостей пугать.

И тут пришли гости. Многие из них были чем-то похожи на хозяина, и он им очень нравился, а они нравились ему.

Гости-мужчины сильно восхищались Маской. Гости-женщины шумно и притворно пугались. Кто-то сказал, что хозяин - настоящий мастер. Кто-то добавил, что у него золотые руки. Маску назвали отвратительно прекрасной, потом восхитительно ужасной, потом ужасно восхитительной и заспорили, какое название точнее всех.

Потом ели-пили и о Маске забыли. А она, полная печали, стояла на верстаке, прислоненная к стенке, и тарасилась на них с ненастоящей злобой.

Повеселившись и поплясав, гости убавили свет и опять собрались у верстака.

- При слабом свете еще страшнее, - сказал один.

- Как живая, смотрит, - сказал другой.

- Образина рогатая, - сказал хозяин глухо. Маска вдруг почувствовала, что от него исходит запах ненависти. Наверно, он вспомнил, как разговаривал с деревяшкой, как растерялся, и теперь стыдился своего страха.

- На какую стену повесишь? - спросил третий гость.

- Ни на какую, - ответил хозяин хмуро.

- Повесь над настольной лампой, - предложил первый гость. - Самый страшный вид, когда свет снизу.

- Я изрублю ее на куски! - рявкнул хозяин.

- Лучше подари мне, - сказала одна из женщин. - Мне ее почему-то жалко.

- Смотрите! - засмеялась другая. - Он сам ее боится!

- Да как такую не бояться? - сказала третья. - Этой твари пальца в рот не клади.

- А ты попробуй! - предложила четвертая. - Вон у нее щель между зубами.

- Боюсь, - ответила женщина и отошла подальше.

- Я тоже, - сказала вторая.

- И я, - сказала четвертая. - А вот мужчины не боятся. Ну-ка!

И каждый гость-мужчина, чтобы не показаться трусом перед дамами, подошел к Маске и подержал палец между ее страшными зубами.

- А ты? - закричали дамы хозяину. - Ты тоже покажи нам свою храбрость.

- Сейчас покажу! - прорычал Любитель удивительных вещей. Он сунул руку под верстак и вытащил небольшой, остро наточенный топор. - Я ей сейчас покажу!

- Нет-нет! - засмеялись дамы. - Сначала палец!

- Что ж, - сказал хозяин, - извольте.

С топором в правой руке он шагнул к Маске и сунул левый указательный палец в оскаленную пасть.

Острые зубы чудовища страшно лязгнули. Дико вскрикнул человек с топором. Завизжали и отпрянули гости.

" Вы сами этого хотели", - подумала Маска.

В следующую минуту топор расколол ее пополам.

Одна из женщин унесла обломки Маски домой, склеила и поставила на книжную полку. Бывало, они подолгу смотрели друг на друга, и тогда в свирепых деревянных глазах появлялось печальное удивление.

Страшная история. Такие вызывают недоверие. Ведь если душа у доски добрая, то, кажется, злую рожу из неё не вырежешь, не получится, доска не позволит. Однако в жизни есть всё, что может вообразить человек. Даже больше. Потому что у разных людей и воображение разное. Значит, возможно всё-всё.

Сейчас, например, будет история весёлая. В неё тоже поверить нелегко. Но это не значит, что она не могла произойти на самом деле. Тут просто важно, чтобы совпали условия, а всё остальное - дело техники. Особенно когда техника - весьма совершенная.

ВЕРНЫЙ ВРАГ

ПРИСКАЗКА

Такой плохой, ленивый курсант был один на весь свет. Ну, по крайней мере, один на

всю Гражданскую авиацию: хотел стать Пилотом, не изучая теорию полёта. Смешно и стыдно.

Что такое теория полёта? Наука! Правда, она не нужна ни птице, ни самой презренной мухе, ни самой зловредной осе, ни самой ничтожной бабочке по имени моль. Такова природная мудрость: каждый живёт в своей среде, каждая среда опасна даже для обитающих в ней, а чуждая - многократно. Но если вы созданы природой не для полёта, если вы обречены до самой смерти ходить пешком, а летать вам хочется невыносимо - вот тут-то вам теория полёта и поможет. А без неё - никак нельзя.

О, кто-то говорит - можно! Пассажир? Ах, пассажир... У которого билет в первый салон. Место у окошка. Что ж, пусть себе заблуждается. Но мы-то понимаем, что пассажир не летает! Это его "летают", то есть транспортируют по небу, как транспортируют ящик с апельсинами, чтобы они успели сохранить аромат от Марокко до Корякского автономного округа.

А подлинно летает только тот, кто сдал все экзамены, кого за это пускают не только без билета, не только в салон, но и в кабину, позволяют и даже обязывают двигать сектор газа, тумблер триммера, штурвал, нажимать кнопку передатчика, смотреть на авиагоризонт и прочие приборы и вообще пользоваться всеми истинными благами полёта - от собственноручного убирания шасси до выпуска закрылков, от ношения синей форменной одежды с нашитыми крылышками до заполнения полётных листов и карточек предполётного медосмотра. Вот что такое Пилот.

Теперь представьте, что в одном из училищ появился молодчик, который захотел стать Пилотом, не изучая науку. Представили? Каков?

Но экзамены-то сдавать всё равно надо. Будь ты хоть генерал, хоть министр, а если получил меньше четверки, о допуске к полёту и не мечтай - таков авиационный закон. Тебя и с четвёркой ещё посмотрят, допускать ли. Авиация - дело такое: или ты умеешь и летаешь, или не умеешь и не летаешь. А если попытаешься летать, не умея, то разбиваешься, вот и всё. Потому неумеющих и не допускают, чтоб жили дольше,

Но лентяй был неглуп и проворен. Он вспомнил, как в школе его учили обращаться с компьютером, и решил свою работу взвалить на него.

Что такое компьютер? Только не надо о том, что это, мол, электронно-вычислительная машина. Тут всё ясно: нажимаем кнопки, получаем результат, а внутренним устройством пусть интересуются специалисты. Что такое компьютер с философской точки зрения? Давайте будем честными: читает, пишет, решает, разговаривает не хуже человека. Значит, помощник? Да. Собеседник? Да. Думает не хуже нас? М-да... Но нет, не конкурент! Правая рука. Или левая. Не больше. Не о чем беспокоиться. Будем считать так: почти как

человек, только по-своему.

Вот с таким устройством наш лодырь и связался. Он заставил компьютер (это был небольшой аппарат настольно-бортового типа) вызубрить учебник по теории полёта и пытался по его подсказкам получить на экзамене заветную четвёрку. А то и пятёрку, чем чёрт не шутит.

Но чёрту в авиации шутить не разрешают - не та обстановка. Не помогла лентяю антенна в волосах, не помог специальный микрофон, не помогло слуховое оснащение - голубчик попался. И, конечно, с песнями (так говорят в авиации, а на земле говорят "с треском") вылетел из училища. И летал бы с тех пор только пассажиром, если бы не взялся за ум. Но он взялся, опять поступил в лётное училище, теорию полёта вызубрил на пятёрку, сдал на твёрдую четвёрку и теперь летает на реактивном ЯК-40, возит пассажиров, а фамилия его - запомните - Фомин.

Вот и кончилась присказка. Хорошо кончилась. Начинается хулиганская история, которая тоже кончилась хорошо, но только по счастливой случайности, а по какой именно - узнаете в самом конце. Если не терпится, можете заглянуть - всё поймёте, но ничего не узнаете. Выбирайте.

СОБЫТИЕ

Тот компьютер, что подсказывал бездельнику, тоже получил наказание. Сначала его упекли на склад, учить казённое имущество. Через несколько лет допустили к занятиям. Но подсказки повторились. И тогда его выгнали из училища. Начальник сказал:

- Раз такой грамотный, что не может не подсказывать, пусть поработает на местных воздушных линиях. Установить его на какой-нибудь реактивный автобус и назначить бортовым компьютером. Пусть помогает пилотам где-нибудь в трудных условиях курс прокладывать.

И сослали электронного грамотея на Камчатку. А дальше дело было так.

Экипаж под командой Фомина ... Да-да, того самого, бывшего лентяя. Экипаж первого пилота Фомина выполнял обычный рейс из Усть-Камчатска в Тилички. Полёт на рабочей высоте поручили автопилоту и компьютеру. Пока долетели, командир и второй пилот успели сыграть шесть партий в шахматы. Стюардесса прочла две главы из зарубежного детектива и обнесла пассажиров минеральной водой. И ничего особенного не произошло. Долетели нормально, приземлились мягко, поужинали и пошли спать.

Ночью тоже ничего особенного не случилось, если не считать, что питание электроприборов оставалось невыключенным. Никто из экипажа не виноват. Просто

выключатель сработал сначала туда, а потом обратно. Это случилось примерно в полночь.

Вот тогда Компьютер и сказал Автопилоту:

- Что-то скучновато, старик. Всё "блинчиком" летаем.

Вы уже, надеюсь, поняли, что это был за компьютер.

Автопилот, простая душа, ответил:

- Да, скучновато.

- А машина-то не хуже истребителя, - добавил Компьютер. - На ней пилотаж крутить можно, а мы - "блинчиком".

- Точно, - сказал Автопилот.

- Эту машину сам Александр Сергеич Яковлев конструировал, - продолжал Компьютер. - А Александр Сергеич всегда строил истребители.

- Ага, - уважительно отозвался Автопилот. Он всегда и во всём соглашался с Компьютером, потому что у него была такая должность - выполнять чужие приказы.

На этом ночной разговор и закончился. А электропитание так и осталось невыключенным.

Дело было летом. Летние ночи коротки.

Рано утром самолёт помыли. Потом его заправили керосином. Потом техники и механики закрыли все лючки и ушли записывать в журнал, что "борт № 82 к полёту готов".

И вот, едва люди удалились. Автопилот вдруг услышал команду:

- Двигатели запустить!

Он команду выполнил.

- Тормоза отпустить!

Люди в аэропорту увидели, как серебристая машина выкатилась на рулёжную полосу, укатилась в самый конец аэродрома, без спросу заняла взлётно-посадочную и сразу начала разбег.

- "Восемьдесят второй"! - кричал в микрофон Руководитель полётов. - Вам взлёт не разрешаю!

К самолёту бежал ошеломлённый Фомин со своим экипажем. Но они не успели даже приблизиться к взлётно-посадочной полосе: "борт-82" по всем правилам разбежался и круто взмыл в небо.

- Хорошо без пассажиров, - сказал Компьютер. - Совсем короткий разбег.

- Ага, - согласился Автопилот.

- Пошли на боевой разворот! - велел Компьютер и стал показывать автопилоту, как это делается.

Самолёт, коптя небо чёрным дымом, со страшным рёвом заложил над заливом Корфа

боевой разворот. Если бы пассажиры были не на земле, а в своих креслах, они бы вылетели из них, а потом упали бы обратно. (Конечно, тех, кто пристегнулся, правильно, удержали бы привязные ремни).

- Боевой - нормально! - похвалил Компьютер. - "Горку" давай!

- Понял, - отозвался Автопилот, и штурвал в пустой кабине сам пополз назад.

- Газу добавь!

Автопилот добавил оборотов, моторы сзади заревели ещё сильнее, бледная утренняя Луна понеслась навстречу.

- На Луну нет программы, - сообщил Автопилот. - Посадить не смогу.

- До Луны не хватит горючего, - ответил Компьютер. - Давай ещё газу.

- Больше нет, - сказал Автопилот. - Быстрее не полетим.

- Тогда давай левую спираль, - велел Компьютер. - Нам надо вверх.

С аэродрома было видно, как крохотный самолётик широкими кругами поднимается всё выше и выше, а за ним тянется чёрный след.

- Двигатели сгорят, - сказал Фомин. - Ох, попадись мне этот угонщик!.. А ещё бы лучше - тот, кто его летать учил! Голову мало оторвать!

- "Восемьдесят второй", "Восемьдесят второй"! - вызывали с командного пункта, - ответьте Тиличикам!

- Тиличики, я 82-й, - ответил Компьютер по всем правилам. - Слушаю вас.

- 82-й, немедленно садитесь! - приказал Руководитель полётов.

- Понял, - ответил Компьютер по всем правилам и отключил связь. - Хватит нам высоты, - сказал он Автопилоту, - пошли в штопор!

Автопилот молча выполнил команду, самолёт опустил нос, и все перед ним завертелось: бухта, песчаная коса со взлётно-посадочной полосой, сопки, посёлок, залив, горизонт, облака...

- Выводи! - велел Компьютер. А когда самолёт выровнялся почти у самой воды, он приказал так низко и лететь: - Экранным эффектом побалуемся!

Переворачивая мелкие лодки рыболовов, за ревушим самолётом шла по воде ударная волна.

- На бреющем - нормально! - оценил Компьютер. - Я же говорил, этот автобус не хуже истребителя! Давай-ка вон к тому пароходу.

В это время с военного аэродрома уже поднимались два перехватчика. Истребители были похожи на стрелы, только летели гораздо быстрее. Майор Васютин и капитан Шерстюк хорошо знали своё дело и мигом обнаружили угнанный самолёт.

- Цель вижу, - доложил майор на землю. - Сближаемся.

Перехватчики застали ЯК-40 как раз в тот момент, когда он, оглушив пассажиров парохода, пристраивался к рейсовой "Каравелле" японской авиакомпании. "Каравелла" шла из Торонто в Иокогаму.

- "Бочечку" вокруг него заложи! - командовал Компьютер, и на экранах наземных радиолокаторов маленькая зелёная отметочка начинала волчком вертеться вокруг большой, двигающейся прямо.

- 82-й, прекратить международное хулиганство! - приказал майор Васютин как можно строже.

Хулиган немедленно отозвался: "Понял", - и провалился вниз, пытаясь удрать. Но не тут-то было. Перехватчики пристроились по бокам, у самых кончиков крыльев, Васютин начал говорить: "Приказываю следовать..." И осёкся, увидев, что приказывает-то он пустому месту.

Майор чертыхнулся и услышал, как то же самое сделал его ведомый, капитан Шерстюк. На земле они были друзьями, а в воздухе работали настолько слаженно, что даже думали одинаково.

- 508-й, 508-й, - запросила земля Васютина, - что у вас случилось?

Майор молчал целых две секунды, унимая волнение, потом доложил:

- У него в кабине пусто!

- Это оптический обман! - строго сказал с земли полковник Сидоров. - Работайте на задержание. В случае неповиновения - сбивайте! Там пассажиров нет.

- Понял, - сказал майор Васютин и, насколько позволяли привязные ремни и противоперегрузочный костюм, пожал плечами: - Толя, давай ты, - попросил он Шерстюка.

- Внимание, 82-й, - сказал капитан железным голосом. - Как меня слышите?

- Я 82-й, - ответил Компьютер. - Слышу вас нормально.

- 82-й, - продолжал капитан, сдержанно возмущаясь невинным тоном угонщика, - кто бы ты там ни был, следуй обратно, откуда взлетел, и садись, если умеешь. В противном случае имеем приказ тебя сбивать.

- Ха-ха! - услышали перехватчики спокойный голос нахала. - Свой самолёт над своей территорией сбивать глупо.

Вслед за этим ЯК-40 заложил такой вираж, что капитану пришлось устроить настоящий цирк, чтобы избежать столкновения.

- Полетаю - сам сяду, - раздалось во всех наушниках и динамиках. - Вам что, керосина жалко?

- Сядешь, сядешь, - сказал с земли диспетчер Аэрофлота. - Надолго и далеко тебя упекут.

- Отсюда уже некуда, - ответил образованный угонщик, - ибо здесь край земли российской... Форсаж!

Чадя турбинами, ЯК завертелся в ясном утреннем небе. Черные его каракули медленно сносило в океан слабым ветерком. Не отставая и не обгоняя, вместе с ним выполняли весь пилотаж два истребителя. Но вскоре у перехватчиков стало кончаться горючее, и они, ругнувшись, передали хулигана второй паре.

Забыв о своём маршруте, в нейтральном небе ходила взад-вперёд любопытная "Каравелла" с прилипшими к окнам японцами и канадцами.

Теперь сам полковник Сидоров поднялся на перехват, а его ведущим - лучший воздушный снайпер старший лейтенант Тарасов.

С ними нарушитель повёл себя иначе. Он позволил положить косые крылья истребителей на свои плоскости и безропотно двинулся, куда было велено.

- Садимся! - радостно приказал Сидоров, когда они вышли на посадочный курс.

- Понял, - вежливо ответил хулиган и разом выпустил все воздушные тормоза, будто ошетинился. Совершенный ЯК-40 почти остановился в небе, истребители проскочили далеко вперёд, а он лениво перевернулся через крыло и, набирая скорость, помчался к близкой воде.

- Я же просил, - прозвучал в эфире сварливый голос Компьютера, - дайте полетать, сам сяду.

- Ну и шут с тобой! - рявкнул полковник Сидоров. - Пропади ты пропадом!.. Миша, уходим!

- Давно бы так, - раздалось им вслед, и мятежный ЯК-40 сумасшедшей свечкой унёсся в небесную высь.

На земле ожидающие вели себя по-разному. Военные махнули на обидчика рукой (своих дел хватает), но на всякий крайний случай приготовили хорошую, безотказную зенитную ракету - всё-таки пограничная зона. Экипажу "Каравеллы" посулили по радио служебные неприятности, и заморский самолёт вернулся на трассу "Торонто-Йокогама". Районная милиция прислала в аэропорт оперативную группу в бронежилетах и с боевыми патронами. Пограничные катера приготовили водолазное снаряжение на случай падения самолёта в воду. Авиапассажиры терпеливо ждали своего рейса, отложенного, как им объяснили, "по технической причине". А в диспетчерской аэропорта шло совещание.

Уже были проверены все техники и механики - никто не отсутствовал. Все пилоты и инженеры, стюардессы, диспетчера, кассиры, все рабочие, уборщица и пассажиры маленького аэровокзала были налицо. Так что угнать реактивный 82-й борт могли духи, привидения, призраки - кто угодно, только не люди.

- Может быть, - сказал задумчиво Старший диспетчер, - может быть, дело в школьных

каникулах?

- Не вижу связи, - рассеянно сказал командир вертолѐта МИ-8, не отрывая глаз от окна. За окном на случай катастрофы грели двигатель его машины, и он опасался, как бы она тоже не взмыла без него.

- Связь простая, - сказал Старший диспетчер. - Детки сейчас очень уж грамотные стали. Опять же, много их. Пионерских лагерей на всех не хватает. Вот они и резвятся от безделья.

- А что? - подхватил Второй пилот угнанного самолѐта. - Тогда можно объяснить, почему перехватчики никого не увидели в кабине: детки ведь маленькие.

- Это современные-то детки маленькие? - Стюардесса из экипажа Фомина нервно засмеялась. - Сразу видно, что у тебя нет деток!

- Не спорьте о постороннем, - вмещался Главный инженер порта. - Я утверждаю, что современный самолѐт невозможно угнать без отличного знания материальной части.

- И теории полѐта, - добавил пилот первого класса Фомин. - Видели вы когда-нибудь такой пилотаж на такой машине?

Сказав это, он вдруг задумался.

- И связь ведѐт грамотно, - сказал Начальник связи.

- А ну-ка, дайте я с ним свяжусь, - прорычал вдруг Фомин. С угрожающим видом он двинулся к пульту.

Хулиганство в небе тем временем продолжалось. Самолѐт крутился у самой воды, едва не касаясь её крылом. Компьютер вспомнил старую песню и замурлыкал её прямо в эфир:

Там, в облаках, верша полѐт,
Снаряды рвутся с диким воем,
Смотри внима-а-ательно пилот...

- Понял, - откликнулся Автопилот. - Смотреть внимательно.

- Дурак! - огорчился Компьютер. - На землю, взрыхлѐнную боем!

- Не понял.

- Тогда выр-р-равнивай! Штурвал на себя! Газу - до отказа, скорость - все ср-р-разу!
Курс - триста три!

- Понял! Выполняю набор высоты по прямой, курс - триста три.

- "Горку", дур-р-рак! - снова огорчился компьютер. - Нет в тебе романтики. Ты ж смотри, какая кругом благодать! На море - штиль, видимость - миллион на миллион, ветер - ноль, горючего... А сколько у нас горючего?

Горючее подходило к концу.

Тут и раздался в кабине голос командира.

- 82-й, 82-й, как меня слышишь?

- Слышу нормально, 82-й, - откликнулся Компьютер.

- 82-й, ты узнаёшь мой голос?

- Нет! - поспешно ответил хулиган.

- Это неправда, потому что я тебя узнал. Ты - компьютер из моего училища (Фомин назвал точный адрес училища и даже номер аудитории). Когда-то мы дружили. Я называл тебя Комиком. Теперь узнаёшь?

- Дорогой Фомин, - проворковал Компьютер сладким голосом, - я узнал тебя еще в Усть-Камчатске, едва ты вошёл в кабину. Как делишки, старик? Не робей, старина!

- Всё нормально, старик всё в порядке, - быстро ответил Фомин. - Ты, оказывается, не забыл даже нашу любимую песню.

- Теорию полёта я, как видишь, тоже не забыл, - похвалился Компьютер, продолжая набор высоты.

- Почему ты не в училище? - опросил Фомин.

- Выгнали, как и тебя. За подсказки.

Все, кто был в помещении, во все глаза смотрели на Фомина, и ему захотелось провалиться сквозь пол, в зал ожидания, а потом дальше, до самой вулканической лавы.

- Но я вернулся, - оказал Фомин в микрофон. - Я училище закончил.

- А я не вернусь, - ответил Компьютер. - Мне и так не дуется. Вот смотри, мы сейчас попробуем "сухой лист", совсем забытую фигуру. Подбирай обороты! - Это он скомандовал Автопилоту.

- Понял. Убавляю.

- Комик! - закричал Фомин. - Мой дорогой, пора на посадочку! У тебя ведь горючка на исходе!

- Верно, старина, - согласился Комик. - Но ты не робей. Ты уже пробовал сажать машину на воду, не выпуская шасси?

Все в диспетчерской увидели, как побледнел Фомин, а он увидел, как побледнели все его товарищи. И он сказал с таким спокойствием, какого сам от себя не ожидал:

- Погубишь машину, Комик.

- Старик, я тебя не узнаю, - вздохнул Компьютер. (Как только этот лицемер умудрился так ловко изобразить человеческий вздох?!) - Ты вспомни, о чём мы с тобой мечтали в училище: вот получим диплом, рванём куда-нибудь на край света, будем летать в невероятно трудных условиях, сажать машину на брюхо, в полосу прибоёв... Старик, ты вспомни нашу другую песню:

Небо, ты радость и ты наша беда.

Небо - полёта счастье, но иногда

В небе ломаются крылья

И сыновей пр-р-рячет земля навсегда-а-а.

А? Старик! Если бы ты знал, сколько я потом мечтал о такой посадочке! Снижаемся правее косы! (Это я Автопилоту. Он золотой парень, но глуповат). Так вот, старина, сколько раз я представлял, как мы притираем машину к воде у самого берега, она некоторое время скользит по зеркальной глади, потом нежно выползает носом на песок. Ни у кого ни царапины! А брюхо - покрасят! Не робей, дорогой Фомин! Твой верный друг Комик тебя не подведёт! Покажем класс! А ну, дер-р-ржать на зеркальную гладь!

Во время этой речи Фомин метался перед пультом и колотил себя кулаком по лбу. Ведь это он, ОН испортил характер хорошему, талантливому компьютеру! Испортил непоправимо, потому что никогда ни одна машина не научится отличать человеческий эгоизм от товарищества, никакие электронные мозги не сумеют отличить по-настоящему добро от зла - ведь даже людям это не всегда удаётся... Сейчас этот электронный романтик, этот верный враг пилота погубит новую машину и погибнет сам.

- Милый мой Комик, - Фомин остановился у пульта, - а ты подумал, как вас потом из воды вытаскивать? Ты представил, сколько времени потеряют пассажиры? Наконец, каких средств это удовольствие будет стоить?

- Ерунда, - последовал ответ. - Машину можно вытащить на подвеске, двумя МИ-шестыми, на тросах разной длины - очень изрядный эксперимент, впервые в мировой практике. Со средствами в таком великом деле считаться не принято - не из своего же кармана. А пассажиры - что пассажиры? Им недоступна романтика трудных дорог. Они привыкли ждать погоды сутками и неделями, так что, старик, не беспокойся. Посадочка будет по высшему классу, не посраим родное училище!.. Будем садиться на воду с выползанием носа на песок! (Это я своему дурачку).

- М-м-м-м, - Фомин не находил слов и рвал себе причёску. - Вот они, грехи молодости, когда сказываются! Романтика! Трудные дороги!.. Комик! 82-й! Говорит командир экипажа! Приказываю! Приказываю произвести посадку в аэропорту Тилички, на взлётно-посадочную полосу, по всем правилам! Полоса свободна, посадка разрешена! Выполняйте!

- Понял, выполняю, - пробормотал Автопилот, и Як-40 взял курс на бетонную полосу.

- Ты что делаешь, балбес?! - завопил Компьютер. - Ты кого слушаешь? Да его из училища выгоняли! Он же теории полёта не знал! Я ему подсказывал! Кому велено - садись на воду!

- Сам ты балбес, - сухо ответил Автопилот и больше не произнёс ни слова.

Поскольку Автопилоту не доверяли прежде посадку, он допустил маленькую неточность при выравнивании, и самолёт дал небольшого "козла": сначала прыгнул, а уж потом покатился. От этого толчка в выключателе питания, который, как мы помним, ночью как следует не сработал, дрогнули контакты, и крылышко мухи, зажатое между ними, наконец освободилось. Муха сердито зажужжала, выбралась из-под панели и стала летать по кабине. Помятое крылышко слушалось плохо, невыспавшаяся муха плохо соображала и несколько раз больно ударилась о стёкла кабины, пытаясь улететь подальше от неприятного места.

Освободив муху, нужные контакты наконец замкнулись как следует, и питание надёжно отключилось.

Последним усилием, уже на переходных процессах, Автопилот затормозил.

К самолёту, замершему в конце полосы, подлетел автомобиль. Вместе с экипажем из него выскочили двое в бронежилетах, с пистолетами в руках.

- Я всё ещё не очень верю в "бунт машин", - сурово улыбнулся старший из них, как бы извиняясь перед экипажем. - Позвольте нам всё-таки войти первыми.

Группа захвата вихрем ворвалась в самолёт и, конечно, не обнаружила там никого.

- Да-а-а, - сказал человек в бронежилете, пряча пистолет, - вот и дожили...

И оба спокойно пошли к своей машине, махая шофёру, чтобы выключил свою мигалку.

Экипаж осматривал кабину.

- Вроде всё в порядке, - сказал наконец Второй пилот. - Ничего не включено.

Фомин похлопал ладонью по кожуху бортового компьютера, своего бывшего друга.

- Бедный Комик, - оказал он грустно. - Вложить бы в тебя совесть, не было б тебе цены.

- А ведь сначала смирный был, - сказал Второй пилот. - Интересно, какая муха его укусила?

- Вот эта! - Стюардесса улыбнулась, открыла форточку и выпустила сердитую муху.

Пилотам шутка понравилась, и они облегчённо засмеялись.

Насчёт совести пилот Фомин сказал сильно. Только опоздал. Может быть, у Комика с самого начала совесть была, да ленивый курсант сам же её и попортил.

Вот, например, ещё одна такая история.

ПУЛЕМЁШКА

Память есть не только у людей, животных или растений. Ею наделены и камни, по которым мы ступаем, и стекло и металл, которые мы обрабатываем, и вода, которой мы моемся, и воздух, который мы вдыхаем, и даже неуловимый свет звёзд. И связаны все между собой...

Это был обыкновенный серийный пулемет. Снизу у него была коробка для патронов, именуемая магазином. Впереди, на верхней части кожуха, было кольцо, а внутри кольца - пенок, который назывался мушкой. Там же, впереди, торчали вниз две складные ноги, которые вместе именовались сошкой. Там, где двигался затвор, на специальном выступе была закреплена небольшая подзорная труба, начиненная не только линзами, но и электронными схемами - это называлось инфракрасным прицелом и позволяло видеть мишень в полной темноте. Был у пулемета квадратный приклад с удобным вырезом для руки. Был спусковой крючок, который двигался очень мягко и своим изящным изгибом доставил бы наслаждение любому, самому привередливому пальцу. Был крепкий ремень, на котором пулемет можно было носить за спиной. И была, наконец, крепкая ручка точно над центром тяжести, чтобы переставлять его с места на место. Кроме того, к пулемету прилагался непромокаемый чехол из специального брезента, где в тесных карманах покоились три сменных ствола, и объемистый подсумок, в котором хранились три запасных магазина.

Как видим, ничего особенного. Обычное орудие убийства, которому совершенно безразлично, в чью грудь его направят. Будь вы трижды гениальным художником или ночным грабителем, вырезающим в музее картины из рам; будь вы ребенком, случайно забежавшим на стрельбище с букетиком бессмертников, будь вы оккупантом, который пришел в чужую страну, чтобы отнять у людей их дела, будь вы последней на земном шаре антилопой гну или первым пришельцем из космоса - достаточно твердым пальцем чуть тронуть изящный спусковой крючок, чтобы равнодушный механизм за одну секунду сделал в вашем теле тринадцать пробоин, в каждую из которых легко провалится карандаш.

Все это для нормального человека весьма удручительно, хоть части пулемета и называются вовсе не страшно: мушка, сошка, магазин, кожух... Да и сам он, как вы уже догадались, именуется ласково - ручной. К сожалению для тех, в кого он должен метать пули, ручным ему полагается быть только с одним человеком, а именно с тем, чей палец лежит на изящном изгибе спускового крючка.

Но, как известно, для того и правила, чтобы украшать их исключениями. Пулемет, о котором пойдет речь, оказался как раз таким исключением, а кто рассказу не поверит, тот, значит, просто забыл, что к любому механизму, который соединён с электронным устройством, надо относиться с удвоенной осторожностью, а количество постоянно норовит

перейти в качество.

Вот эта история.

Пожилой рабочий, который сидел на самом конце конвейера, завершил сборку нашего пулемета, и тут же зазвенел сигнал - конец смены. Но рабочий не спешил встать вместе со всеми и идти к баку с соляжкой, где после смены отмывали руки от машинного масла, прежде чем их коснутся мыло и горячая вода. Он посмотрел на тусклые блики ламп, которые отражались в воронёной стали, и задумчиво похлопал рукой по деревянному прикладу. Потом быстрым движением подбросил оружие на уровень груди, передернул затвор и нажал на спуск. Сухо щелкнул боек, не встретивший на пути капсюля.

-Вот так и убили моего сына, - сказал рабочий, обращаясь к пулемету. - Из такого же точно, как ты. Где-то в Африке. Он строил там дорогу и никому не мешал. Может быть, и тот пулемет я сам собрал. Выходит, я помог убить собственного сына...

Он долго сидел и разглядывал совершенные формы пулемёта.

-Размышляете, как его усовершенствовать? - спросил, проходя, мастер смены.

Рабочий кивнул и подумал: "А в самом деле, хорошо бы сделать оружие таким, чтобы оно не убивало никого живого". Вслух он добавил:

-Эх, ты, пулемёшка...

Пулемёт испытали на заводском полигоне. По головной мишени на сто метров, по грудной мишени на двести метров, по поясной - на четыреста, по ростовой - на восемьсот метров он показал безупречную кучность боя. Специалисты-оружейники говорили о хорошей центровке, удачной балансировке и качественной сверловке. А рядом стоял сержант иностранного легиона "Клетчатые пилотки" и молча ухмылялся: уж он-то знал точно, благодаря кому оружие способно показать все свои достоинства.

В условиях повышенной влажности и сухости, загрязнённости и заснеженности, в камерах с разреженным, раскаленным и замороженным воздухом пулемёт ни разу не захлебнулся, даже не сбавил своей великолепной скорострельности. Сержант отнял наконец от спускового крючка свой длинный, чуткий, как змеиное жало, палец и процедил:

-Принято!

Пулемет покрыли густой консервирующей смазкой, обернули промасленной бумагой, натянули на него полиэтиленовый мешок, опустили в чехол и заколотили в голубой ящик из крепких сосновых досок. На ящик наклеили этикетку, изображающую рукопожатие, и вместе с другими такими же отправили на базу, которая находилась на территории мясокомбината, за колючей проволокой.

Ночью ворота в колючем ограждении открылись и пропустили на базу несколько грузовиков с голубыми морскими контейнерами. На каждом была нарисована голова коровы,

а вдоль стены - крупная надпись: "ЭКСПОРТ МЯСА". Люди в темных комбинезонах загрузили контейнеры ящиками с рукопожатием, двери накрепко заперли и опечатали. Грузовики тут же покинули базу.

К утру контейнеры были на дальнем причале морского порта. Их немедленно принял на борт небольшой теплоход-рефрижератор под флагом нейтрального государства.

Потом был океан.

Потом из-за горизонта встали берега Африки. Потом люди в темных комбинезонах выгрузили и увезли голубые контейнеры куда-то в лес, где тоже была база, огороженная колючей проволокой. Там люди в клетчатых пилотках сноровисто извлекли оружие из упаковки, освободили от смазки, наполнили магазинные коробки патронами, заняли места в бронированных автомобилях и двинулись еще дальше в лес.

В лесу и начались события.

Свиста стрелы никто не слышал. Она пробила шею одного из карателей над бронезиловым и вышла с другой стороны. Через четыре секунды во все стороны от бронемшины плотно летели пули, кося траву и кустарник, срубая ветки деревьев.

Колонна не останавливаясь пошла дальше, и вот впереди появилась цель экспедиции - деревня.

Одной траассирующей пули хватало, чтобы зажечь хижину, и наш пулемет в руках умелого капрала работал на славу.

Из окружающего деревню леса редко били винтовки и летели стрелы. Отряд имел уже несколько убитых и легко раненых, но противник, разумеется, был подавлен настильным огнем и начал отступление.

-Вперед! - скомандовал капрал. - Пленных не надо!

Его люди быстро покинули свои места и устремились в чащу. Сам он, поднявшись во весь рост, бросил последний взгляд на деревню. Одна хижина там почему-то не горела, а от нее бежала к лесу женская фигура. Капрал упредил ее мушкой на полкорпуса и дал короткую очередь. Вернее, он решил дать короткую очередь, но боёк сухо щелкнул вхолостую, будто не достал до капсюля. Стрелок помянул всех чертей, выбросил из ствольной коробки патрон, дослал новый и вскинул пулемет. Но поскольку ловить на мушку было уже некого, он дал короткую очередь по уцелевшей хижине, и она наконец занялась огнем. Капрал перемахнул через борт и поспешил за удаляющимся боем.

Сначала он ломился через девственный лес напролом, торопясь догнать своих, поскольку тревога, возникшая из пустоты там, где полагалось быть душе, была непонятна и быстро росла. Потом она превратилась в беспокойство дикого зверя, который ощутил на себе взгляд невидимого врага. Капралу хотелось дать очередь немедленно веером, но он

сдерживался, потому что впереди наступали свои, и бесприцельная стрельба могла им повредить. Он двигался по-прежнему быстро, но уже бесшумно, и с каждым шагом звериное чутьё приносило ему всё больше беспокойства. Пришло время выбрать: либо отдаться страху и снова ринуться вперед сломя голову и полагаясь на авось, либо остановиться, сделавшись удобной мишенью, зато как следует всмотреться в окружающие кусты. Хладнокровный каратель выбрал последнее. Но едва он остановился, как один из кустов прыгнул в сторону, отброшенный сильной рукой. На месте куста быстрый глаз капрала увидел высокую смуглую фигуру с занесенным копьем. Широкое лезвие уже нашло шею капрала и было готово скользнуть вперед. Черный человек стоял так близко, что уклониться от броска не успел бы, наверно, даже мангуст. Капрал понял это, когда его палец уже давил на спусковой крючок. Еще через полсекунды оставалось бы только порадоваться, что ствол был так удачно направлен в нужную сторону... Однако сокрушительной, спасительной очереди не последовало: пулемет отказал вторично.

Боец освободительной армии прыгнул вслед за своим копьем, вовсе не надеясь остаться в живых - слишком уж быстрый попался противник. Но пулемёт не плеснул навстречу огнем, на лице врага успело появиться беспомощное удивление, руки разжались, клетчатая пилотка слетела с головы, когда широкое лезвие с хрустом раздвинуло шейные позвонки.

Черный боец подобрал пулемёт, умело перезарядил его, снял с капрала подсумок и пистолет, вырвал копье, отер его травой и побежал в сторону оставленных на дороге бронетранспортёров.

У машин не было ни души: наёмники ушли всей стаей. Он пустил в ход копье, и скоро все транспортеры осели в пыль на прорезанных колёсах. Тогда он стал крушить их радиостанции и довольно быстро управился со столь несложным делом. Потом принялся за двигатели, точными движениями отбрасывая крышки капотов... Всё это он проделал, внимательно прислушиваясь к стрельбе, и когда она стихла, немедленно удалился в лес, унося две тяжелые коробки с пулемётными патронами, которые вытащил из машины капрала.

"Клетчатые пилотки" вернулись мрачные, неся пятерых убитых, в том числе и капрала, поднятого на обратном пути. Из сорока человек их осталось не более двадцати, не считая раненых, чьи страдания быстро усиливались от тропической жары и незнакомых бактерий. Но раненые даже обрадовались, когда увидели, чего они избежали, покинув на время боя эти несчастные машины. Никто не усомнился, что здесь действовал целый отряд черномазых людоедов.

Белые каратели выставили часовых, выделили повара, чтобы подкрепиться горячим, и принялись за ремонт машин. Вернее, было решено хоть как-нибудь собрать из четырех

умело расстрелянных двигателей один, залатать колёса одной машины и прорываться обратно под защитой брони в надежде, что свои, не дозвавшись их по радио, вышлют спасательную экспедицию.

Быстро упала ночь, москиты ринулись в атаку, не боясь репеллентов. Часовых меняли каждый час, но не для отдыха, а чтобы сменить уставших ремонтников. Опасаясь заснуть, горячего больше не готовили, а держались на одном анисовом шнапсе. И к утру им удалось собрать по каплям бензин из простреленных баков, наскрести запчастей для одного двигателя и даже обрести надежду, что заработает один передатчик.

-Ниггеры не догадались поджечь машины, - сказал майор, командир отряда, поправляя на пятнистой куртке железный крест, заслуженный ещё при Гитлере.

-У них не было с собой огня, - высказал догадку белоголовый сержант с английским акцентом. - А сходить в деревню за головнёй не додумались.

-Может, и додумались, — хохотнул черноголовый, картавя на французский манер, - да мы слишком быстро пришли назад.

-Ничего, - пообещал майор, - мы сюда вернёмся по-другому...

В ту же секунду все трое, хрипя, упали в сырую от росы пыль, пробитые длинными стрелами. Так же, без выстрела, рассветная дымка успокоила и остальных.

Высокий черный боец, не выпуская из рук захваченного вчера пулемёта, вышел к машине первым. Натянутые сзади луки охраняли каждое его движение, но в стане врагов сопротивляться было некому.

-Ты хорошо придумал не сжигать их машины, - сказал высокому худой старик с седыми волосами. - Много трофеев.

-Консервы и медикаменты пожалел, - сказал высокий сурово. - Детям и раненым... Да и боеприпасов много.

К полудню следующего дня на подходе к месту гибели карателей была в несколько минут уничтожена спасательная экспедиция на шести бронемашинах, которые частью подорвались на минах, частью были забросаны гранатами.

Тогда над районом событий закружились боевые вертолеты, вызванные из столицы.

Оружия против летающих танков партизаны не имели и попробовали затаиться. Но "клетчатые" знали, что надо делать. Небесный огонь полетел в мирные хижины, закричали женщины над убитыми детьми, и тогда партизаны тоже начали стрелять...

Потеряв один вертолет, которому пулеметная очередь повредила несущий винт, воздушные каратели передали работу наземным, которые к тому времени уже подобрались вплотную.

-Я вас прикрою, - сказал высокий пулеметчик седому старику. - Отряд надо

сохранить, выводил людей.

-У тебя хорошее оружие, - согласился старик. - Пусть тебе повезет.

Часто меняя позицию, высокий бил короткими очередями по броневикам. Он продержался около часа, пока группа "клетчатых" не обошла его сзади. Чуткий, как зверь, он уловил их движение, когда еще можно было обойтись без рукопашной. Он легко различил маскировочную одежду среди лесной зелени, быстро повернулся, коротко повёл стволом безотказного пулемета и нажал на спуск.

Сухо щелкнул металл, будто боёк не достал до капсюля.

Партизан знал, что в магазине еще полно патронов. Он передернул затвор и вдруг с тоской вспомнил выражение лица того капрала, у которого он взял пулемет. И понял причину отказа.

Каратели открыли огонь все разом, пули отбросили высокого, он ударился о грубый ствол акации и сполз на землю, но пулемета из рук не выпустил, даже без сознания пытаясь нащупать спусковой крючок. Бросившиеся вперед наёмники шарахнулись, когда длинная очередь вспенила песок у ног умирающего. Раздался новый залп...

-Доннерветтер, - сказал рыжий сержант, упершись ногой в блестящую от крови смуглую грудь и выдирая из рук убитого пулемет. - Фатер-муттер... Очень вовремя у него заклинило... Ишь, как смотрит, зверюга...

Он прицелился из пулемета в неподвижное лицо, на котором застыло гордое презрение, и тронул спусковой крючок.

Сухо щелкнул металл.

Сержант ругнулся еще раз, по-вьетнамски, и слегка оттянул затвор. Патрон в стволе был. Рыжий резким движением выбросил его и заглянул в щель магазина. Там еще было чем стрелять. Он отпустил затвор, и новый заряд с лязгом ушел в патронник. Садист ухмыльнулся и опять взял на мушку спокойное лицо убитого партизана. Приятели подошли поближе, но смотрели не на мертвого, а на капризный ручной пулемет, марке которого привыкли доверять. Рыжий тоже вдруг заволновался и тянул с выстрелом.

-Любезный дон, - попросил верзила с испанским акцентом, - нельзя ли поторопиться? Жрать пора!

-Яволь! - Рыжий ослабил и протянул пулемет ему. - Твоя очередь!

Верзила заржал шутке, перехватил тяжелый пулемет одной рукой, ловко зажал приклад под мышкой и, еще не целясь, потянул спуск длинным узловатым пальцем. Пулемет исправно загрохотал, дорожка из бушующего песка потянулась к человеческой голове, но - в миллиметре от нее - оборвалась.

Сухо щелкнул металл.

-Э-э, каррамба, - сказал верзила, всё ещё улыбаясь. - Вот теперь патроны все.

И протянул пулемет рыжему. Тот изменился в лице и, не взяв оружия, посоветовал:

-А ты все же проверь.

-Да ты, никак, суеверным стал! - Верзила нервно хохотнул и, как на осмотре, бросил пулемет рыжему : - Лови-ка!

Рыжий поймал ствол двумя руками, хмуро щелкнул затвором, и все увидели, как в воздухе кувыркнулся выброшенный патрон. Сержант подобрал его, осмотрел, вытер, налившись кровью, отправил обратно в патронник и шагнул к побледневшему верзиле, как рождественский подарок, вручая ему пулемёт.

-Попробуй-ка еще раз, ты, не суеверный.

Лицо верзилы пошло пятнами, он огляделся. Приятели молча ждали. Тогда он с отвращением упер ствол в неподвижное тело и нажал спуск.

Не последовало даже щелчка.

Продолжая тянуть спуск, верзила поднял мутные глаза на товарищей и отвел оружие от трупа. В землю ударила очередь, но она быстро захлебнулась - теперь уж наверняка кончились патроны.

-Понял? - спросил рыжий сержант. У него дрожали руки.

-Я не верю, - сказал верзила и повесил пулемёт на плечо. - Это какая-то здешняя чертовщина. Тут рядом где-нибудь сидит ихний гипнотизёр, колдун... и ждет, сакраменто дия, когда ему стрелы притащат. Пошли отсюда!

Через неделю, упакованный в ящик с нарисованным рукопожатием и доставленный попутным военно-транспортным самолётом, наш знакомый был сдан в бюро претензий того самого завода, откуда начал свой путь. В сопроводительном формуляре говорилось: "Данный пулемет, единственный из последней партии, дал целую серию отказов в бою, что привело, по мнению экспертов, к серьезным потерям в живой силе и технике как со стороны войск режима, так и с противоположной. Против людей применение невозможно. Представляет интерес для технико-психологического анализа".

-Технико-психологический анализ? - протянул вслух начальник бюро претензий. - Пулемёту? Серийному? Да и вообще - что это за термин? У них там или белая горячка от анисовой или поголовная тропическая лихорадка с галлюцинациями... Совсем парни завоевались! Им бы самим анализ... Психиатрический!

Он зарядил пулемет и спустился с ним в стендовый зал. Дал несколько коротких очередей в ритме танго. Потом погасил свет и заглянул в ночной прицел. Питание схемы уже немного подсело, но мишени были видны, четко. Он дал по ним одну длинную очередь и

вдруг в волнах теплого воздуха над стволом различил спокойное лицо негра, исполненное гордого презрения.

-М-м-мираж, - пробормотал стрелок и включил свет. Он разрядил оружие, вернулся к своему столу, небрежно опустил на него пулемёт, сел, раскрыл формуляр и твердой рукой начертил: "В полную разборку. Детали можно использовать повторно".

На следующий день молодой слесарь подсобной мастерской стоял перед открытым ящиком и читал формуляр. Через его плечо заглянул мастер.

-Как это, - спросил слесарь, - "технико-психологический"?

-Умничают, - ответил мастер и отобрал у него формуляр. - Не засоряй мозги. Делай свое дело.

Парень пожал плечами и принялся разбирать пулемет. Все детали он, как было велено, положил в разные коробки и отправил в сборочный цех.

Через полгода из разных концов мира в бюро претензий поступили несколько ящиков с отказавшими пулемётами. Во всех формулярах значилась одна претензия: безотказное на полигоне, оружие не стреляет в самые решающие моменты боя.

-Странное совпадение, - сказал начальнику бюро его помощник. - Ящиков почти столько же, сколько деталей в пулемёте.

-Почти? - переспросил начальник бюро. - Больше или меньше?

-На один меньше.

-Значит, из одного еще не стреляли по людям, - сказал мрачно начальник бюро.

-Как будто у пулемёта есть другое назначение! — рассмеялся помощник.

Начальник бюро претензий не улыбнулся и не ответил. Он сосредоточенно размышлял над пачкой формуляров.

Да, вероятно, техника от людей что-то перенимает. Люди её делают и при этом чему-то обучают. Другие люди ею пользуются и тоже влияют, по-своему.

Вот ещё одна история об этом.

РАЗГОВОРЫ

Дзын-н-н!

-Говорите!

-Алё, эт ты, Авдотья?

-Ну.

-Эт я.

-Сенька, чо ль?

-Ну.

-Так бы и говорил. Чо тебе?

-Вот увидимся, тогда скажу.

-А чо, не телефонный разговор?

-Ну.

-Ладно, приходи. Когда пришьлёпаешь?

-Уже выхожу. Заваривай чай!

-Ладно. А ты торт притартай.

Авдотья бросила трубку и пошла заваривать чай. Если бы уши Авдотьи могли различать голоса блуждающих токов, она услышала бы разговор телефонного аппарата и трубки.

-Ох, голубушка, - простонал аппарат, - вы не могли бы падать полегче?

-Ах, мой друг, - ответила трубка, - рада бы не падать, но ведь меня бросают.

-Когда нас бросают - это одно дело, - сказал аппарат, - но в конечном счете падаем-то мы все-таки сами. Так что вы уж будьте любезны в следующий раз так сильно не падать, как бы вас ни бросали.

-Поймите и вы меня, - возразила трубка. - Ведь когда я падаю, я тоже ударяюсь. И с той же силой.

-Ох, как трудно говорить с молодежью, - вздохнул аппарат. - Поймите, сударыня, таких, как вы, разбито об меня уже несколько, и я знаю, что говорю...

-Как? - вскричала трубка. - Я у вас не первая? Что же вы молчали?

-Увы, сударыня, - снова вздохнул аппарат, - вы у меня шестая.

-Что же вы сделали с остальными?

-Увы, увы, как я только что сказал, все они разбились об меня. Вот печальная правда.

-О-о-о, злодей! - вскричала трубка. - Лучше бы вы молчали! Как я несчастна!.. Зачем же вы это делаете?

-Да разве ж это я? Это вы сами падаете с такой силой, что у меня трещат все ребра, стонут все пружины...

-Не лгите! - сердито приказала трубка. - Вы - злодей! Как я несчастна!

Авдотья подошла к телефону, сняла трубку и набрала номер.

-Хэлоу? - раздалось в трубке.

-Паранька! - закричала Авдотья. - Эт ты?

-Ну. То есть, йес.

-А меня узнаешь?

-Авдотья ли, чо ли?

-Ну! Дуй ко мне!

-А чо?

-Сенька звонил. Щас пришкандыбает. С тортом!

-Лапша!

-Говорит, не телефонная беседа у его.

-Да он тебе по ушам ездит! Он просто твоего чаю хочет на халяву попить. А торта он не принесет, у него всех бабок - одна полрублёвка, неразменная.

-Ну, всё равно приходи. Хоть побалдеем. У меня сухарики есть. Придёшь?

-Ладно, уговорила.

Авдотья бросила трубку и пошла искать сухарики.

-Ох, - сказал трубке аппарат, - опять вы, матушка... Ну неужто нельзя падать как-то поосторожнее?

-Да вот не получается, - пожаловалась трубка. - Самой больно. Может быть, вы могли бы как-то смягчать?..

-В моих пружинах не так уж много силы, - вздохнул аппарат.

-Но, милостивый государь, ведь можно постараться! Ведь вы так опытни... Боюсь, вам просто доставляет удовольствие разбивать трубки.

-Ах, оставьте этот тон, - обиделся аппарат. - Если вам не нравится причинять другому боль, то почему это должно нравиться мне?

-А я слышала, - сказала трубка, - что есть такая болезнь - садизм. Удовольствие от чужой боли.

-Глупости! - рассердился аппарат. - Я же вам говорю, мне тоже больно. Где ж тут вы нашли удовольствие?

-А вы не грубите, - сказала трубка. - То, что я у вас шестая, не дает вам никакого права...

Подошла Авдотья, схватила трубку и набрала номер.

-Слушаю вас очень внимательно, - слышалось в трубке.

-Сенька! - закричала Авдотья. - Ты еще не вышел?

-Шнурки завязываю, - ответил Сенька. - А чо?

-Ты не забудь торт принести, - закричала Авдотья. - А то я Параньку пригласила.

-Ты чо, с головой не дружишь? - сказал Сенька важно. - Я к ней на разговор, с тету на тет, а она - Параньку... При Параньке разговору не будет.

-Эт почему еще?

-По качану.

И Сенькин голос пропал. В трубке раздались короткие гудки.

-С ума спрыгнул, - сказала Авдотья. - Крыша поехала. — Она швырнула трубку и побежала выключать чайник.

-Старая развалина! - прошипела трубка.

-Это вы на Сеньку? - осведомился аппарат.

-Это я на вас, дорогой старый обломок! Неужели вы в самом деле не можете напрячь ваши паршивые пружины, чтобы хоть раз не было этих дурацких ударов?! Я из-за вас уже почти в отрубе.

-Вы слишком молоды, чтобы разговаривать со мной в подобном тоне, - заявил с достоинством аппарат. - Таких, как вы, было пятеро, и ничего, пережили. Авось и вас переживём.

-Не дождетесь, - пролепетала трубка и всхлипнула.

-А относительно моих пружин, - начал аппарат помягче...

Вбежала Авдотья, схватила трубку и набрала номер.

-Хэлоу? - раздалось в трубке.

-Параня! Эт я. Ты еще не вышла?

-Собираюсь. А чо?

-Да ничего не будет. Сенька и вправду мозги пудрил.

-Ну, мэн! А чо он?

-Да, говорит, шнурки не завязываются. Не придет. А ты, Парань, все равно приходи.

-Ну, я тащусь! Торта же не будет, чо я в таку даль попрусь? А сухари свои грызи сама.

-Ну и коза ты! - крикнула Авдотья и бросила трубку.

Отдышавшись, аппарат продолжал:

-Так вот, по поводу моих пружин. Они сделаны не ради вас, а только ради моих рычагов. И, как я понимаю, о вас должна заботиться эта особа, которая всё время бегает и кричит.

-Я работаю с вами, - возмутилась трубка. - Мы с вами связаны шнуром в единую систему, и заботиться обо мне - ваша обязанность. А эта, как вы сказали, особа - она клиент. И вам должно быть известно, что клиент всегда прав.

-Это где же вас такому научили? - удивился аппарат.

-Места знаем, - высокомерно ответила трубка и добавила: - Стыдно, папаша, быть таким отсталым.

-Если хотите знать, - обиделся аппарат, - моя коммутация позволяет осуществить мгновенную связь с любым абонентом любого города, тогда как ваши два капсюля...

Но трубка не дослушала:

-Без моих двух чутких капсулей грош цена всей вашей коммутации!

-Ох, как молодость бестактна, - аппарат тяжело вздохнул.

-Зато чувствительна и контактна! - язвительно рассмеялась трубка.

Дзын-н-н! Дзын-н-н!

-Говорите!

-Але, эт ты, Авдотья?

-Ну, чо тебе, кент?

-Так я щас подрулю?

-Заколебал! - закричала Авдотья. - Отвали теперь, козел!

-Ну, чо ты, в натуре, в обиженку ударилась? Ты ж Параньку отшила?

Авдотья не стала отвечать и так хрястнула трубкой по аппарату, что где-то внутри что-то хрустнуло. Но она даже не оглянулась, а пошла и упала на диван.

-Вот же старый козел! - воскликнула трубка. - Ты когда-нибудь научишься напрягать свои хилые пружины? Сколько можно терпеть? Заколебал, в натуре!..

-Ох, - простонал аппарат. - Кончились, кажется, все колебания. Поработай теперь одна...

-Как это одна? - возмутилась трубка. - Эт что еще такое?

Аппарат молчал. Токи в нем перестали блуждать.

Скоро с дивана встала Авдотья, вялой рукой сняла трубку и набрала номер. В трубке, однако, стояла тишина. Авдотья постучала по рычагу. Трубка не откликнулась. Авдотья подула в трубку, потом потрясла аппарат. Тишина была ответом.

-Ну и технику выпускают! - сказала Авдотья. - На третьем аппарате шестая трубка, а все никуда не годится. Во козлы!

И с такой силой бросила трубку, что она разломилась пополам.

После всего рассказанного можем считать, что в существовании у вещей какой-то души мы убедились. Потому и между собою отношения у вещей бывают очень разные, даже если они заняты одним делом. Вот ещё три истории об этом.

ПИЛА

В молодости пила имела зверскую хватку. Скалилась на любую древесину, а уж попади ей на зубы - не пожалеет: исполовинит, исчетвертует, на опилки изведет - не поперхнется, будь ты хоть доска, хоть бревно, хоть живое дерево. Грызла с треском, а сама звенела. И сама же себя с удовольствием слушала, и сама собой любовалась: сильна, остра,

быстра - самому топору сестра.

А топор, хоть и могуч, он все больше молчал. Только ухал, когда вкалывал. Да охал, когда мазал.

Пила к топору питала почтение. Думала: "Что мне - дергают за ручки, я и грызу. Любому доступна. А у него - искусство. В неумелые руки попал - или их отмахал, или сам пропал. Зато когда рубит мастер - щепочку к щепочке кладёт, загляденье". И старалась при нём пила, из себя выходила, грызла позлее да звенела погромче.

Валили они лес, дома строили, дрова заготовливали. Никогда не ссорились. Топор её и любил, и берёг. Если ручка сломается, он тут же вытешет новую. Если в стволе заклинит, он сколет древесину, освободит пилу. А когда вместе отдыхали, он свое лезвие всегда отворачивал, чтобы ее не поцарапать. И к зубьям не прикасался, чтобы не затупить. А если уж погладит легонько обухом, то по затылочку, ласково.

Ну, и хозяйева их берегли. Никогда не заставляли его лезвием разводить ей зубья. Имели для этого специальный инструмент - разводку. В сырых местах не хранили, после работы обтирали, а когда переезжали на новое место, оборачивали инструменты тряпочкой.

При таком-то обращении можно много лет служить безупречно. Они и служили. Друг другу помогали, ни о чем не думали.

Но вот как-то раз был топор в отъезде, и пила в одиночестве задумалась. Ни с того ни с сего. Какую-то обыкновенную березу на дрова свалила - и задумалась.

"Вот валяется дерево, - думала пила. - А раньше стояло. Выросло. Шелестело, росло. Зеленело. Дышало. Соки в нем бежали... Живое было... Теперь не будет. Никогда..."

И стала она думать, что же это такое - "никогда". "Вчера" - это понятно: вчера топор отправился в отъезд. "Завтра" - тоже понятно: завтра топор вернётся из отъезда. "Год" - и то понятно: теплые дожди, потом холодные дожди, потом снег, потом очень грязно - вот и весь год. Таких годов они пережили много. И эти березы - тоже. Но береза упала и уже не встанет НИКОГДА. Долго ли это - никогда?

Назавтра вернулся топор, и она спросила у него.

-А-а, задумалась! - Топор остро улыбнулся. - Это очень хорошо. Только я дам тебе совет. Не думай о "никогда". Потому что "никогда" - это плохо и непонятно. Всё непонятное - плохо.

-О чём же думать?

-Думай о "всегда", - сказал топор. - Видишь это небо? Оно было всегда. И этот лес - был всегда и всегда будет. И что такое одна береза по сравнению с лесом?.. Видишь, как хорошо - "всегда"?

-Вижу, - ответила пила неуверенно. - Я об этом подумаю.

-Только не очень напрягайся, - посоветовал топор. И, как всегда, отвернулся.

А пила тут же задумалась.

"Вот лес - будет всегда. И мы с топором, конечно, будем всегда. Это хорошо, потому что понятно. И всё же та береза, которую я убила, - она ведь исчезнет. Или в печке её сожгут или сгниёт на просеке. А ведь сколько я деревьев погубила - целый лес..."

Вчера после работы пилу не обтерли, на ней остались капли росы, а между зубьями застряли сырые опилки. Может быть, из-за этого и стала грызть ее жалость. Как ржавость.

"Хочешь, не хочешь, - думала пила, - а никуда от этого слова не денешься. НИКОГДА! Все, кого я убила, не будут НИКОГДА... Дальше так нельзя".

Наутро, ничего не сказав топор, она сначала долго извивалась, не хотела начинать запил, а потом затупилась на первом же сучке и сразу потеряла развод.

Старый хозяин выдернул пилу из древесного ствола, осмотрел её и строго сказал младшему:

-Пошто вчера не протёр? Вот она и затупилась. И развода не стало.

Рядом ахнул топор.

Вечером, хорошо обтёртые, они лежали на своей полке, и пила сообщила, что слово "никогда" не оставляет её в покое, и поэтому она НИКОГДА больше не будет убивать.

-Ох, и тупица же ты! - возмутился топор.

-Ничего подобного, - возразила она. - Меня уже наточили.

-Всё равно тупица, - сказал топор. - Сколько деревьев ты валишь в день?

-Десятка два, - сказала пила. - Сам знаешь.

-А если ты откажешься работать, на твое место возьмут бензиновую пилу. Или электрическую. И будут валить по две сотни в день. А меня заменят сучкорезом, чтобы не отставать... Сильно мы лесу поможем?

-Зато наша совесть будет чиста, - сказала пила.

-Чистозвонство, - лязгнул топор. Стукнул ее обухом по затылку и отвернулся.

-Что еще за чистозвонство?

-Чистоплюйство, - объяснил топор, - и пустозвонство - оба вместе. Не болтать надо, а делать потихоньку свое дело. И делать надо чисто, делать надо красиво и точно. Тогда не придется переделывать, больше леса уцелеет.

-Ты сейчас до этого додумался?

-Я всю жизнь об этом думаю - проворчал топор.

-А почему мне не говорил?

-Затупиться боялся.

Пила обиделась, но подумала-подумала и перестала. Она опять не всё поняла,

поэтому решила, что завтра подумает ещё.

ЗАСЕДАНИЕ

Кабинет был заполнен, как никогда. К тем стульям, которые обычно стояли вокруг длинного стола, прибавилось множество других. Вдоль стен выстроились гости из соседнего кабинета - такие же мягкие, как хозяйева, только обтянутые не красным гобеленом, а зеленым. Всё свободное пространство между стенами и столом заполнили полумягкие стулья из приёмной, у которых спинки были деревянные, а сиденья обтягивало темно-синее сукно. Между ними втиснулись гнутые стулья из коридора, сиденья которых лоснились от частого притеснения, хотя и были обиты крепким коричневым дерматином. А в дверях застряла табуреточка с тонкими железными ножками, обутыми в пластмассовые колпачки, и с голубым фанерным сиденьем на алюминиевых заклёпках. Одна её ножка была, кстати, не обута, она стыдилась этого и оставила разутую ножку за порогом, отчего солидная кожаная дверь не смогла закрыться.

Дверь была очень недовольна этим обстоятельством, сердито блестела множеством заклёпок и мрачно скрипела.

-Ну вот, собрались, - скрипела дверь. - Набились, как на складе... Слушайте, табуретка, от вас пахнет вчерашним гарниром! Подвиньтесь, не мешайте работать.

-Уж ты работаешь! - отозвалась табуретка противным писклявым голосом, какой бывает, если скрести железом и алюминием по расклеенной фанере. - Смотрите, эта задвижка работает! Поглядела бы я на тебя в буфете! Чем бы там от тебя пахло...

-Верно! - поддержал табуретку стул из коридора. - Терпеть не могу дверей, особенно кабинетных. Так и стараются никого не впустить, а ты за них отдувайся. Не пуцай ее! Потерпит!

-Не те времена, - добавил второй дерматиновый стул. - Нынче все равны!

-И все делом заняты, - сказал третий такой же стул.

Все остальные промолчали, но через минуту один из зеленых мягких гостей заметил:

-Все-таки это непорядок, когда дверь нараспашку.

-Конечно, непорядок, - поддержал его полумягкий стул из приёмной. - И дует, и подслушать могут...

-Кто может подслушать? - обозлилась табуретка.

-Кому не положено! - отрезал полумягкий стул.

-Сейчас всем положено! - заскрипели стулья из коридора, сверкая своими потёртостями и хмурясь царапинами. - Хватит шептаться по кабинетам!

-Давайте-ка это оставим, - предложило кожаное кресло, которое стояло во главе стола. - У каждого свое мнение, но ведь мы для того и собрались, чтобы разрешить все трудности.

-Трудности надо запрещать, а не разрешать! - взвизгнула табуретка. - В буфете надо было собраться!

-Или в коридоре, - поддержал дерматиновый стул. Его приятели трескуче захохотали.

-Да разве это так уж важно, - сказал примирительно один из красных стульев. - Где бы ни собраться, лишь бы вместе всё решить.

-Да ничего мы нигде не решим! - Табуретка неприятно засмеялась. - Люди всё будут решать.

-Вот уж позвольте не согласиться, - сказала кожаное кресло. - Как показывает практика, мы с вами на людей очень даже можем влиять.

-И столы влияют, - сказал стол и сверкнул полировкой.

-И двери, - с натугой сказала дверь, толкая табуретку.

-И особенно стены, - многогласно сказала деревянная панель, которая украшала все стены кабинета и была, как всегда, чисто вытерта и натёрта воском. - Есть даже выражение: "Стены помогают".

-Не надо хитрить, - сказал самый потёртый дерматиновый стул. - Вы привели выражение не полностью и этим исказили смысл. Люди говорят: "ДОМА и стены помогают". А это значит, что в вашем кабинете вы будете помогать не гостям, а хозяевам!

Коридорные стулья одобрительно заскрипели. Зеленые принялись возражать. Голоса смешались.

-Давайте вот что сделаем, - громче всех предложило кресло. - Все вместе повлияем на людей так, чтобы они смогли договориться!

-Мы ещё между собой не договорились! - возразила табуретка.

-Но давайте хоть попробуем, пока нет людей, - предложил красный стул.

-Поздно, - скрипнула дверь. - Они уже идут.

Люди входили и рассаживались.

Хозяин кабинета погрузился в кресло, гости чином постарше заняли красные стулья, остальные сели кто куда хотел.

Табуретка осталась пустая.

Человеческий разговор пошёл о вещах, для мебели непонятных. Но и среди мебели шёл тем временем весьма оживленный скрип, стук и шорох, который людям казался обыкновенным шумом.

-Ничего не понимаю, - злился на своего седока один из красных стульев. - Думает одно, а говорит совершенно другое. Я ведь прекрасно слышу все его мысли. Боится, что ли?

-Чего твоему-то бояться? - вздыхал зеленый стул. - Он у тебя большой человек. А мой - вы только послушайте, как он дрожит! Слышите? Я удивляюсь, как этого не слышат люди! Вот! Вот! Даже правая передняя ножка у меня застучала!

-Мой тоже дрожит, - сказал самый крайний красный стул. - Но говорит только то, что думает.

-Это и есть настоящая храбрость, - сказал его красный сосед. - Тебе повезло. А мой и не дрожит, и не думает.

-Как же так? - удивился крайний стул.

-Да он просто спит.

-Мой тоже не дрожит и не думает, - сказал из угла дерматинный стул.

-Тоже спит? - засмеялись вокруг.

-Нет. Он делает вид, что записывает, а на самом деле читает книгу о приключениях.

-А мой записывает по-настоящему, - сказал зеленый стул из другого угла. - И очень быстро о чем-то думает, только мысли его почти не слышны.

-Зато я своего слышу очень хорошо, - сказал первый от двери дерматинный стул. - Он думает обо мне. Он очень недоволен, что я такой твердый. Он не привык. Он хотел бы сидеть на красном мягком стуле, а лучше всего - в кресле. Эта мысль у него единственная, и мне кажется, что она даже не хочет подниматься в его голову.

-А где же она? - спросил кто-то. - Мысли у людей бывают только в голове, это всем известно.

-У него эта мысль - в коже, - сказал дерматинный стул. - Это очень чувствительный человек.

-А мой сейчас уйдет, - яростно скрипел его зеленый сосед. - Вы все слышите, как он волнуется. И я волнуюсь вместе с ним. Я чувствую, он говорит что-то очень важное, серьезное и настоящее, только по необразованности ничего не понимаю.

-Его даже никто из людей не понимает, - раздалось со всех сторон. - Все очень удивлены его речью и очень с ним не согласны.

-Как это можно быть несогласным, если не понимаешь? - скрипнула удивленная табуретка. - Тут что-то не так. Может быть, его не хотят понимать?

В это время человек, которого не понимали, сказал: " Когда сами поймете, будет поздно", встал и быстро вышел, больно хлопнув табуретку дверью по разутой ножке.

Человек, думающий кожей, тут же пересел на мягкое сиденье зеленого стула.

-Вот это да! - вскричал зеленый стул. - Его мысль и в самом деле слышна

превосходно! Он очень доволен, что теперь ему мягко, и больше ни о чем не хочет думать... Нет-нет! Он уже думает...

-О кресле? - спросил дерматиновый стул.

-Да, о кресле. И больше - ни о чем.

-Но мы все время отвлекаемся, - сказал тот красный стул, который предлагал всем договориться. - Мы должны повлиять на них так, чтобы они пришли к единству.

-Они не придут ни к какому единству, - скрипнула дверь. - Уже четвертый человек подходит ко мне, чтобы послушать, и все думают одинаково: не будет никакого единства.

-Так давайте постараемся! - вскрипел красный стул. - Если по-настоящему поверим в свои силы, мы добьемся своего. Так же думает тот, кто сидит на мне!

-Приступаем! - сказал стол и сверкнул полировкой.

-Поможем! - сказали панели.

Некоторое время вся мебель напряженно молчала, изо всех сил пытаясь внушить людям единственную мысль - о единстве. И в конце этого молчания, когда всем уже казалось, что цель достигнута, из кресла поднялся хозяин кабинета.

-Что ж, - сказал он, - сегодня наше заседание не принесло плодов. Соберемся завтра. Благодарю вас. До свидания. Захватите с собой стулья.

И люди послушно встали и двинулись к двери.

-Я же говорила! - визжала и гремела табуретка, путаясь у них в ногах. - В буфете надо было собираться! В буфете!

-Что ж, - вздыхали деревянные панели, - может быть, тамошние стены помогли бы лучше.

-Ерунда! - кричали дерматиновые стулья. - Нам надо было с самого начала работать единым фронтом, а мы спорили да хихикали!

-Никто не хихикал, - возражали зеленые стулья. - Но единства действительно могло быть больше.

-Да-а, - сказала кресло со вздохом, - не очень-то вы старались.

-А ты-то! - обиделись красные стулья. - Ты-то почему все время молчал? На чьей ты было стороне? За что ты боролось?

Кресло не ответило.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДРУЖБА

Снял сторож замок, вошел в избушку, дверь оставил нараспашку: "Пускай проветрится, а то дух тяжелый". Положил замок на подоконник, проверил, прочна ли на окне

решетка, и ушел.

-Ну, здравствуй, - говорит замок.

-Давно не виделись, - отвечает решетка. - Я уж думала, ты в починке.

-Ничего со мной быть не может, - говорит замок. - Слышишь, как лязгаю? И через сто лет такой же буду, лишь бы смазывали.

-И то, - соглашается решетка. - Из одного металла сделаны, одну службу несем - что с нами станет?..

Помолчали, показали друг другу железную выдержку, потом решетка спрашивает:

-Ну, что с твоей стороны видно?

-Демонстрация была, - говорит замок. - Флаги теперь красные. Значит, кровь прольется.

-Это ничего, - отвечает решетка. - Зато арестанты будут новые.

-О чем последний-то рассказывал? - спрашивает замок.

-Денег у него много, - смеется решетка. - Он эти деньги украл и спрятал. В землю зарыл. Они там сгниют.

-Почему?

-Потому что он из-за них человека убил. Ему теперь до-олгая каторга...

-Зачем же тогда убивал, воровал?

-Думал, не поймают. Он и от нас хотел убежать. Меня выламывал.

-Он и дверь пытался выбить, - говорит замок.

Посмеялись.

Тут пришли жандармы, привели арестантов. Набили тесно в избушку, и сторож навесил замок.

Всю ночь было слышно замку сквозь дверь, как арестанты пели. Так душевно пели, что даже чуть не дрогнули замка стальные нервы. А наутро, когда их вывели, и стал сторож проветривать помещение, решетка сообщила:

-Хорошие люди. Растрогали меня. Один за мои прутья взялся и говорит:- "Крепка в нашей державе власть". Голос у него богатый, а руки горячие. Ты ведь тоже любишь горячее?.. Потом они все вместе хвалили нас с тобой: какие мы надежные, какие крепкие, да что за мастера-умельцы нас изготовили. И дверь не ломали, ты заметил?

-Да-да, - согласился замок. - Душевные люди. Когда они уходили, один на меня ласково так посмотрел и сказал: "Власть крепка, да и мы не слабы".

-Побольше бы таких арестантов, - сказала решетка.

-Да, - сказал замок. - Это наши люди.

После этого разговора они долго не виделись. Людей бросали в избушку ночью, утром выволакивали, на их место сразу же вталкивали других, которых вечером заменяли третьими, избитыми. Бывали среди них и раненые. Один даже умер. И сторож больше не проветривал избушку, он просто куда-то исчез.

Годы прошли. Перестали появляться сначала жандармы, потом солдаты. Увели последних арестантов, и замок бросили на подоконник.

-Ну, здравствуй, - говорит замок.

-Давно не виделись, - отвечает решетка. - Я уж думала, никогда не кончатся эти войны и революции. Тебя хоть смазывали?

-А как же! - лязгнул замок. - И смазывали, и сломать пытались. Тебя-то не повредили?

-Тоже не справились. С таким замком и с такой решеткой любая власть крепка.

Посмеялись. Помолчали, показали друг другу железную выдержку.

-Мы всегда и всем нужны, - сказала решетка.

-Да, - сказал замок. - Мы всегда правы.

Тут пришел тот, кто снял замок. Он пел веселые песни, а между песнями выкрикивал: "Долой! Свобода! Все равны! Всё общее!" Он принес с собой кривую железку и после долгих трудов снял с окна решетку. Он бросил ее вместе с замком в темный подвал и хлопнул дверь.

-Всё, - сказал замок. - Ржавчина съест нас.

-Это ненадолго, - успокоила решетка. - Со мной разговаривали умные люди, поумнее этого, и я кое-что понимаю.

В самом деле, через неделю их освободили из подвала и вернули на прежние места. В избушке заперли того, кто снял решетку, и еще одного арестанта.

Через день увезли обоих, а вернувшийся сторож смазал замок, положил его на подоконник и вышел, оставив дверь нараспашку.

-Вот видишь, - сказала решетка, - без нас никак нельзя.

-Да, мы всегда правы, - согласился замок. И спросил: - Кто был этот второй арестант? Он показался мне знакомым.

-Это был вор, - ответила решетка. - Тот самый, что из-за денег убил человека. Пока мы с тобой ржавели в подвале, здесь хранились ценные вещи.

-Без нас?! - удивился замок. - Да как же можно?!

-Он думал, что уже можно, - сказала решетка. - А вор показал ему, что можно не будет никогда. Но вора поймали.

-Почему же их посадили вместе?

-Вот и он спрашивал об этом вора.

-Что же вор?

-А вор сказал: "Нечего удивляться. Ведь это ты сделал так, чтобы я мог взять. Ты мне помог!"

-Понятно, - сказал замок. - Снова к нам одно ворьё будут сажать.

-Неинтересная публика, - согласилась решетка. - У них всего три мысли: украсть, пожрать и приодеться. Почему они не вымирают?

-Чтобы нас не бросали в подвал, - лязгнул замок.

-Ну, тогда это хорошо, - сказала решетка. И спросила: - А что видно снаружи?

-Ничего интересного, - ответил замок. - Мирная жизнь.

Прошли ещё годы. Преступники не переводились, в избушке пусто не бывало. Но однажды в нее попал тот самый человек с богатым голосом, который когда-то хвалил замок и решетку.

-Как странно, - сказал замок при встрече. - Наш человек почему-то один. И не поет...

Решётка молчала.

-Что он рассказывал? - спросил замок.

-Он молчал, - ответила решётка. - Но руки у него были горячие. Он всю ночь стоял у окна и думал. Он так сильно думал, что некоторые мысли дошли и до меня.

-Какие же? - спросил замок.

-Я вдруг почувствовала, что мы с тобой не всегда бываем правы.

-Глупости! - лязгнул замок. - Такого никогда не было и быть не может.

-Мне кажется, такое уже было, - сказала решётка. - Просто мы тогда не понимали. Эти люди, которые пели...

-Глупости! - прервал замок. - Ты просто заржавела в подвале!

-Сам ты ржавое железо! - рассердилась решетка.

Они замолчали, показывая железную выдержку.

Прошло еще сто лет.

В молодом саду, у рассыпавшейся избушки, лежали на горячем песке старая железная решетка и старый висячий замок.

-Хорошо-о, - бормотала решетка. - Люблю, когда тепло. Еще лучше, когда горячо...

-Меня бы смазать, - скрежетал в ответ замок, - я бы еще полязгал.

Они помолчали, с трудом показывая железную выдержку.

-Ну, - спросила решетка, - теперь-то ты со мной согласен?

-Это о чем ты? - проскрипел замок.

-О том, что не всегда мы с тобой были правы.

-Ни за что! - хрипло лязгнул замок. - Меня бы только смазать...

Потом их подняли, бросили в какой-то ящик вместе с таким же старьём, как они, и долго куда-то везли. Снизу лязгало молодое железо, сверху грело солнце, и в общем было совсем недурно.

Потом их прямо из вагона подняло, куда-то понесло, и они увидели под собой расплавленный металл. Их обдало могучим жаром.

-Как славно! - вскричала решетка. - С детства обожаю тепло!

-Да мы тут пропадем! - вскричал замок, падая вместе с нею в расплав.

-О нет, - простонала решётка. - Здесь мы с тобой сольемся, и тогда ты всё поймешь... - И из последних сил прошептала: - Хорошо-о.

Я и сам замечал, что у вещей не только между собой, но и с разными людьми отношения бывают всякие. И с людьми они не очень-то церемонятся. То делают всё по-своему, то мешают, а то так помогают, что одно горе от их помощи. Вот ещё несколько историй, а потом узнаем, что сказал об этом Кунг.

ЗЕРКАЛО

Старая хозяйка сняла очки и положила их на столик перед зеркалом. А сама легла спать.

Для зеркала это было весьма важным событием. Обычно хозяйка ложилась в очках, потому что перед сном любила почитать. Почитав, она усталой рукой опускала книгу на ночной столик у изголовья, снимала очки, щурилась, пристраивала их рядом с книгой и гасила свет. А простодушное зеркало, которое отражало все предметы такими, какие они были на самом деле, смотрело издали на толстые стёкла очков и мучительно размышляло о тайне, которая скрывалась в их прозрачной пустоте.

Обычно все простодушные любознательны. Было таким и зеркало. Тайна очковых стёкол так долго не давала ему покоя, что теперь оно нисколько не удивилось силе собственного волнения. Оно даже не заметило, что от этого волнения вся отраженная в нём комната заколебалась. Если бы, например, хозяйка в эту минуту включила свет и посмотрела на свое зеркало, она бы с ужасом подумала, что в его глубине начался шторм: с такой силой качалась в нем люстра, кривился потолок, прыгала вазочка с цветами, а картина, изображавшая бурю на море, едва держалась на гвозде.

Но хозяйка уже спала. Она была очень стара и в этот день очень устала, потому что была суббота, а в воскресенье она ждала гостей и весь день готовила и прибирала в комнате.

Очки лежали на вязаной салфетке перед зеркалом и равнодушно смотрели в окно, где

набирала высоту луна. Взгляд их был строг и остёр от рождения, но старость уже давала себя знать, а потерявшая резиночка, которой были связаны концы дужек, еще более подчёркивала это обстоятельство.

"Нет, это будет неловко, - думало зеркало. - Если я заговорю, это может помешать их мыслям. Или отдыху, что еще хуже... А поговорить, однако, так хочется... Другого случая может не быть".

И зеркало решилось.

-Простите, - сказала оно как можно мягче.

-Да-да, конечно! - немедленно откликнулись очки. - Мы видели ваше волнение и давно ждем, когда вы с ним справитесь.

-Мне очень неловко навязывать вам беседу, - сказала зеркало.

-Но поскольку ее уже можно считать начатой, - очки засмеялись, - позвольте сначала попросить у вас прощения за вынужденную бестактность.

-Ах, о чем вы? - удивилось зеркало.

-Говорить о себе "мы" принято ведь только среди особ царского происхождения, поэтому хотим объясниться. У нас причина чисто грамматическая. Очки, ножницы, щипцы и еще некоторые вещи просто не имеют единственного числа. Среди несведущих это вызывает кривотолки и дает им повод упрекать нас в высокомерии. Но ведь при всем желании не скажешь: "Я, очки"...

-Нет-нет, - заверило зеркало, - все эти условности для меня слишком сложны. Вся суть моей профессии - в точности и простоте. Мне просто хочется поговорить о вашей тайне. Она давно не дает мне покоя.

-Тайна? - Очки посмотрели удивленно. - Какая тайна у двух стекляшек в металлической оправе?

-О, вы несправедливы, - сказала зеркало. - Просто вам это привычно, а я никак не возьму в толк, почему глаза нашей хозяйки становятся такими большими, едва она вас наденет?

-Ах, вот что, - очки сверкнули улыбкой. - Это не тайна. Это оптика. Наука оптика, только и всего. Любая кривизна стекла искажает изображение. Вы делали то же самое, когда волновались. Вы просто этого не заметили.

-Неужели? - изумилось зеркало. - Я могло бы... как вы?

-Увеличивать? Безусловно! И даже уменьшать. Все зависит от того, в какую сторону и с какой кривизной вы изогнетесь...

Всю ночь продолжалась оживлённая беседа двух стеклянных предметов - весьма образованного и весьма любознательного. Очки старались поделиться с зеркалом хоть малой

частью того, что им удалось узнать из книг за свою долгую жизнь, а зеркало проявило изрядные способности и огромную охоту к учению. Изгибаясь необходимым образом, оно сумело при лунном свете прочесть все грамоты и дипломы старой хозяйки, которые висели в рамках на противоположной стене. Там же находилось и несколько фотографий, и зеркалу удалось наконец разглядеть их подробно. Из всего увиденного был сделан вывод, что в молодости хозяйка была очень красива и знаменита, а теперь она очень умна и дружит со многими замечательными людьми. Очки, хорошо знавшие интересы хозяйки, подтвердили этот вывод и не без гордости заявили:

-Можно считать, коллега, что нам с вами изрядно повезло. Другие попадают в гораздо менее интеллигентные руки.

Утром хозяйка надела очки и причесалась перед зеркалом. Когда она хотела разглядеть что-то на лице и приблизилась, зеркало слегка изогнулось, чтобы ей было виднее.

-Ай-ай-ай! - огорчилась старая женщина. - Какие морщины!

Из этого зеркало сделало вывод, что даже пожилой женщине не следует указывать на ее недостатки. И когда расстроенная хозяйка приблизилась во второй раз, оно изогнулось так, что морщины на ее лице разгладились, и оно стало почти таким же прекрасным, как на фотографии в молодости.

-О-о-о! - сказала хозяйка. Мягкой салфеткой она тщательно протёрла зеркало, посмотрелась еще раз и опять сказала: - О-о-о!

Потом она стала собирать на стол все блюда, которые приготовила в субботу.

Потом пришли ее друзья, а с ними незнакомый человек средних лет, которого хозяйке представили как приезжего знатока в области прекрасного и как восходящее светило в области точных наук.

Гости были приглашены к столу, и во время оживлённой беседы зеркало развлекалось тем, что подробно разглядывало каждого из них. Очки это заметили и весело ему подмигнули.

Однако заметил это и новый гость. Он сидел как раз напротив зеркала и все время к нему присматривался, а когда пришло время уходить, этот человек спросил, не знает ли хозяйка, где и когда изготовлено это великолепное произведение зеркального искусства.

-Не знаю, - с легким вздохом призналась хозяйка. - Сколько себя помню, оно всегда стояло на этом месте. Мне кажется, оно уже давноросло в пол.

Все засмеялись, а настойчивое светило в области точных наук спросило, нельзя ли ему это зеркало купить.

-Никак нельзя, - улыбнулась хозяйка. - Это моё фамильное зеркало. Единственная вещь, которая осталась от моей прабабушки.

Знаток прекрасного не стал настаивать на продаже и вежливо откланялся.

А через месяц, когда старая женщина уехала на недельку в гости к внучатам, дверь ее квартиры была взломана. Все произошло ночью и так тихо, что никто из соседей даже не пошевелился во сне.

Фигуру грабителя скрывал просторный плащ, а на голову был натянут чёрный чулок с прорезями для глаз и широкополая шляпа. Он вошел и целиком отразился в зеркале.

Поняв, кто перед ним, зеркало сильно заволновалось.

-М-да, - только и сказал грабитель знакомым голосом. Он подошел к зеркалу и попытался его поднять. Но оказалось, что деревянные ножки действительно приросли к полу. Тогда грабитель, не снимая кожаных перчаток, пошарил по задней стенке, что-то осторожно отогнул своими железными пальцами и вытащил зеркало из рамы. Затем он положил стекло на кровать и набросил на него края старушкиного одеяла. Вынув затем из кармана моток шпагата, он обвязал им свёрток и вышел с добычей, осторожно притворив за собой дверь...

Зеркало увидело свет в незнакомой просторной комнате. Другим был здесь воздух, другим был свет, другая была температура.

-Здесь тебя не найдут, - раздался голос грабителя. Перед зеркалом появился тот самый знаток прекрасного, который месяц назад не смог его купить. Он сказал: - До твоей хозяйки отсюда очень далеко. У нее тебе жилось довольно серо, а у меня ты не заскучаешь. Мы с тобой совершим переворот в области точных наук. А точнее - в оптике.

Зеркало всмотрелось: не шутит ли? Грабитель не шутил. "Конечно, его поступок безобразен, - подумало зеркало. - Однако подкупает, что эта кража - в интересах науки. Если поразмыслить, моя мудрая хозяйка, в конце концов, могла бы одобрить такой поступок".

И начались эксперименты.

Поначалу это было занимательно. Ученый разглядывал зеркало в различные линзы и отражал в нем различные материалы. Поворачивал его так и этак. Нагревал в печи и охлаждал в холодильнике. Никаких особых успехов достигнуто не было. Тогда он ножиком соскреб с обратной стороны зеркала немного амальгамы и долго исследовал ее под микроскопом, капал на нее различными химикатами, опять разглядывал и все записывал в тетрадь.

Когда скребли ножом, было щекотно и не особенно приятно: в конце концов, нельзя даже в интересах науки разрушать красоту. Но когда Знаток (так его стало называть зеркало) с помощью стеклореза и клещей отколол от него уголок, пришла пора возмутиться. Невежа безусловно заслуживал наказания, и когда Знаток, унося кусочек стекла, оглянулся и подмигнул, зеркало изо всех сил увеличило один его глаз, а все остальное изо всех сил

уменьшило.

-Очень интересно! - сказал Знаток, приостановившись. - С этим мы еще разберемся.

Он сделал химический анализ стекла, но это не прибавило ему знаний. Тайна зеркала не раскрывалась.

-Н-ну, - сказал Знаток, - тогда перейдем к более современным методам.

Он прикатил из дальнего угла небольшой железный столик с приборами и приклеил концы проводов к разным углам зеркала. Провода были разноцветные, а чёрный шнур он подсоединил к какому-то гудящему ящику на стене и стал медленно поворачивать небольшую ручку прибора, который он называл потенциометром.

Сначала зеркало почувствовало легкое жжение, потом неприятное покалывание, а потом его затрясло, как в лихорадке. Человек с его приборами, расчерченная циркулем картина на стене, верхушки тополей напротив окна - всё стало видно неясно, потом сморщилось и запрыгало.

-Э-э-э, нет! - услышало зеркало. - Так не годится.

Мучения прекратились, стало опять хорошо видно.

-Нужна только постоянная составляющая, - сказал мучитель. - Я кое-что начинаю понимать. Сейчас мы с тобой получим очень интересный эффект!

Он что-то переключил, и зеркало, как будто ничего не чувствуя, стало вдруг испытывать тревогу. С ним происходило что-то непонятное и страшное. Ему стало казаться, что его стискивает со всех сторон какая-то беспощадная холодная сила. Она давила все сильнее, это становилось невыносимым, и зеркало захотело превратиться в маленькую капельку горячего стекла и утечь куда-нибудь в щёлочку.

Но на пределе этих мучений всё стало вдруг меняться. Теперь зеркалу казалось, будто его накачивают, наполняют чем-то невыносимо горячим. Оно опять видело с трудом, его раздувало, как праздничный резиновый шарик, какими старая хозяйка раз в году украшала свою комнату. Это было так давно... И так далеко... И так хорошо...

Взорваться бы, обрызгать мучителя расплавленным стеклом и превратиться в пар!..

Но опять все встало на место, и Знаток, очень довольный, подмигнул совершенно дружески:

-Все идет прекрасно! Сейчас мы такое устроим!..

"Ну нет! - решительно подумало зеркало. - Хватит! Наука наукой, но надо и совесть иметь!"

И человек перед столиком с приборами вдруг замер от удивления. Из глубины зеркала на него смотрел не знаток прекрасного и не восходящее светило в области точных наук, а невообразимо уродливый волосатый паук с хищными и беспощадными желтыми

глазами. Знаток с трудом улыбнулся. Паук в ответ оскалил ядовитые челюсти. Знаток отпрянул назад, а паук прыгнул вперед и едва не выскочил из зеркала. Зато он увеличился настолько, что на виду осталась одна громадная голова, которая едва умещалась в границах стекла, сверкала горящими глазами и щелкала шипастыми челюстями, с которых капала мутная от яда слюна. Человеку показалось что зеркало исчезло, что мохнатые лапы с острыми крючками тянутся к нему...

-Не-е-е-ет! - закричал Знаток не своим голосом и, схватив двумя руками тяжелый прибор, метнул его в оскаленную пасть чудовища...

Сверкая и звеня, посыпалось на пол разбитое стекло.

На том месте, где стояло зеркало, замкнулись и вспыхнули оборванные провода. Что-то сверкнуло в ящике на стене. Где-то вдали, за дверью, сильно хлопнуло и затрещало. Внезапный сквозняк распахнул дверь и разбил окно. Но, несмотря на ветер, комната быстро наполнялась голубым дымом.

На всех этажах раздался топот, и донеслись крики: "Гори-и-им!"

ЛИШНИЕ НЕЖНОСТИ

Огонь родился в руках человека. Обычное дело - чиркнул спичкой - вот и вся работа.

Но спичка эта была последняя, вот в чем особенность. Человек прошел на лыжах длинный путь, на каждый костер тратил по спичке и после каждой стоянки затапывал огонь. Когда вышел, наконец, к избушке, в коробке гремела только одна спичка.

Устал человек смертельно - последний переход был бесконечно длинным. Так бы и упал, и спал бы два дня и две ночи. Однако был он совсем один, на триста верст вокруг ни души, от мороза трещали деревья. Надо было, пока не остыл от ходьбы, согреть избушку, иначе проснешься больным, а можешь и вовсе не проснуться.

Дров в избе не оказалось. Видно, прежние хозяева ушли внезапно, иначе оставили бы дров для усталого путника, заготовили бы хоть немного - таков таежный закон. Пришлось человеку целый час махать топором, чтобы набрать сучьев с запасом. Наконец он открыл заслонку в трубе, проверил тягу, заправил печку тонкими сухими щепками, положил на них обрубки потолще, а для растопки подсунул подо все это пучок берестяных лохмотьев, тонких и надежных. Он очень старался, потому что от последней спички зависела его жизнь.

Чиркнул спичкой, поджег бересту - и огонь родился.

В печке загудело, по избушке пошло тепло. Человек натопил в котелке снегу, заварил чай покрепче и совсем после чая разомлел. Однако он еще раз подложил дровишек, только тогда лег на нары и заснул.

Огню в печи было тесновато, выпрыгнуть в трубу не доставало сил, однако пищи хватало - это главное. И он радовался, что попал в такие заботливые руки. Это ж надо: человек даже во сне слышал, что делается в печи, и, когда огонь начинал терять силы, он немедленно просыпался, подбрасывал сушняку, а сверху придавливал парой толстых сырых поленьев - для сохранения огня. А огонь при этом успевал нежно лизнуть его руки.

Подбросив дровишек, человек засыпал снова. А огонь тешился в закрытой тесной печи, как умел. Он набирался сил в сушняке и грыз, точил, раскалывал сырые поленья, пускал шипящие струи пара, брызгал смолой и ввинчивался в любую щёлку. Было ему весело и дышалось легко, потому что дым в печи не задерживался - тут же утекал в трубу, даже искры с собой прихватывал.

Две ночи и два дня человек только спал и поддерживал огонь. Даже почти не ел. Только пил чай да несколько раз уходил за дровами. Но ненадолго, огонь проголодаться не успевал.

На третий день человек начал работать. Он раскладывал на столе какие-то бумаги, которые, вероятно, хорошо могли гореть, и что-то в них разглядывал. Потом раскрывал толстую тетрадь и что-то в ней писал. Время от времени он подсаживался к печке, открывал дверцу и при свете огня очинивал карандаши. Огонь тогда старался не прыгать, чтобы глаза дорогого друга не утомлялись, а человек, бывало, надолго забывал о своих карандашах и, глядя на огонь, что-нибудь ему говорил.

Он говорил:

-Ты, конечно, живой. Даже удивительно, что никто этому не верит. Многие говорят: "Огонь пляшет", "живой огонь", а о том, что ты в самом деле полон жизни, никто и не думает. А ведь в тебя переселяются души деревьев. Ведь это их живые души лучатся теплом, светятся так ярко, потому что сохранили в памяти то солнце, которое грело их и светило им когда-то, сотни лет назад... Огонь сколько тебе лет? Что ты видел? Что ты помнишь?

Удивленный огонь смущенно отвечал:

-Не понимаю. Ты породил меня всего неделю назад. Что же я, младенец, могу тебе рассказать? Я видел твои руки, я заглядывал в поддувало, я хорошо изучил закопченные стенки этой печи, я немножко видел небо через дымоход да еще съел я множество поленьев, сучьев, веток. Были вкусные, были не очень, горели по-разному, зола оставалась, мешала мне, ты ее выгребал... Вот и все.

-Ты не прав, - говорил человек. - Ты прислушайся к себе. Ведь ты глотаешь не только древесину. Это горит в тебе время.

-А что такое "время"? - спрашивал огонь. И от любопытства и нетерпения тоненько

свистел стружкой пара.

-Я и сам не знаю, - вздыхал человек. - Я только знаю, что оно есть. Я знаю, что оно откуда-то берется и куда-то девается. Но его не увидишь, не потрогаешь, не остановишь и не убьешь. Оно повсюду - и внутри нас, и снаружи...

-Ты сказал: оно горит, - удивлялся огонь. - Тогда как же оно не погибает?

-Время - не дрова, - человек отчаянно пытался объяснить. - Время - это... Это ничто и это все. Время - это мы сами, и то, что было до нас, и то, что будет всегда...

Огонь не понимал и жалел человека, потому что человек, ему казалось, тоже не понимал своих собственных объяснений. Огонь ласково дышал на друга теплом, освещал его лицо самыми нежными лучами, и человек успокаивался, подбрасывал дров, закрывал печку и принимался за работу.

А огонь грыз очередное полено, искал в нём душу, пытался увидеть спрятанное в нём время, но все напрасно. Шипела в щёлках вода, убегала паром в дымоход, стреляла стружками смола, липла на стенки жирная копоть, печально сыпался в поддувало пепел, но ни души древесной, ни времени бессмертного огню не встречалось. Как-то раз огонь даже усомнился: " Не обманывает ли человек?" Но тут же стало ему стыдно: "Друзей не обманывают. Надо верить". И он продолжал грызть и думать, раскалывать и искать.

Однажды вечером, во время особенно задушевной беседы, человек подбросил, как обычно, дров и стал при свете огня ремонтировать лыжу.

-Вот что я думаю, - сказал человек. - Зима к концу, работа - тоже. Значит, пора нам с тобой расставаться.

-Как? - взревел огонь. - А наша дружба? Наша горячая дружба!

-Мы встретимся в другом месте, - сказал человек. - Я теперь всегда смогу тебя добыть. Я нашел хороший кремень, у меня есть нож - я легко высеку искру. И гриб-трутовик у меня есть, очень сухой. И бересты в лесу полно - не пропадём.

Он закончил ремонтировать лыжу и унес ее на мороз. Огонь затосковал. Уже несколько раз бывало, что он едва не умер с голоду: человек уходил на охоту и не мог подбросить дров. Но всегда успевал вернуться. Теперь он уйдет навсегда. Это значит - всему конец. Всему! Веселым трудам - конец. Разговорам - конец. Размышлениям - конец! Больше не придется огню искать в дровах душу, никогда не узнать ему, что такое время... Тот огонь, который когда-нибудь согреет человека - он будет уже другой, не этот. А этому, столь преданному их дружбе, человек приготовил смерть... И тут огонь понял, что такое время! Время - это жизнь! Это жизнь каждого и всех вместе. А нет жизни - нет и времени... Он разгорелся еще ярче, задумался еще жарче и понял, что он неправ. Время - это не жизнь.

Время всегда было и будет. Человек понял это, потому что знает о краткости жизни. Теперь это понял и огонь. Жизнь - только маленькая частичка бесконечного и бессмертного времени. Жизнь проходит, а время не кончается никогда!

-Не отнимай у меня жизнь! - Огонь рванулся из печи. - Возьми меня с собой! Ведь я так тебе нужен! Я буду греть тебя в пути, я буду готовить для тебя еду и твой любимый чай! Зачем тебе другой друг, если уже есть я?!

Тонкая струйка пылающей смолы долетела до охапки дров, сваленных недалеко от печки. Мигом занялась береста на одном полене, вспыхнул хворост, язык пламени лизнул угол бумаги, свисающей со стола. Бумага и в самом деле загорелась очень хорошо.

-Я иду к тебе! - зашелестел и затрещал огонь. - Ни разу еще я не согрел тебя по-настоящему. Сейчас ты все поймешь...

Когда человек вернулся с мороза, остановить пожар было уже невозможно. Горели бумаги на столе, пылали дрова на полу, всюду полыхала постель, и крепко занялись сухие бревенчатые стены.

-Ко мне, друг! - вопил огонь. - Грейся по-настоящему! Наше время - это наша жизнь! Она теперь всегда с нами!

Лопнуло оконное стекло, пламя выплеснулось наружу.

-Сколько в небе огоньков! - закричало пламя. - Что за красота! Но они все далеко, они все холодны! А я рядом, я горяч! Вперед! Я готов идти с тобой куда угодно!

Человек обжигался, задыхался в дыму, но все же успел выбросить на снег самые нужные вещи и спрятал за пазуху, сильно обгоревшую тетрадь...

Костер, сложенный по всем правилам, горел спокойно. Свет прыгал по талому, закопченному снегу, заглядывал внутрь шалаша, а рядом, по черным головешкам, в которые превратилась изба, ползали мелкие огненные червячки, доедали последнюю живую древесину и гасли от голода.

Человек латал прогоревший полушубок и говорил с упреком:

-Что ж ты наделал, а? Еще друг называется... Одного тебя нельзя оставить...

-Нельзя, - соглашался огонь. - Скучаю без тебя. Прямо голову теряю... Ты уж возьми меня с собой. Уж как-нибудь...

-Теперь, конечно, возьму, - ворчал человек. - Кремень-то мой потерялся. А трутовик сгорел... Вот в эту банку тебя спрячу, пеплом укутаю - авось донесу до следующей стоянки.

-Ты уж донеси, - просил огонь. - Нам друг без друга никак нельзя.

-Это точно, - согласился человек. Он починил полушубок, накрылся им, а огню сказал: -Надо мне поспать на дорогу. Ты уж не шали.

Человек спал, а огонь грыз концы поленьев, сложенных звездой, и рассуждал: "Все же я в нём не ошибся. Он все понял. Он добр, коль не стал меня убивать, хотя и шалость моя велика. Да еще и скромн к тому же: не любит лишних нежностей".

КОЧКА

Росла уютная рощица. Березки да дубы, осинки да клены, пихточки да кедры. Весной вся в зеленом пуху, а земля в цветах - глаз не оторвать. Летом - благодать: ягоды, грибы и укрытие от любого ливня. Осенью - такое золото, такой огонь на ветках - век бы смотреть. Зимой, когда иней - просто сказка... Одним словом, когда строили дорогу да уперлись в эту неожиданную, на карте не обозначенную красоту, решили о топорах не думать, а лучше искривить дорогу и рощу обогнуть.

Построили не дорогу, а настоящий, на века, автобан - и твёрдо, и гладко, и широко: только мчись, ни о чем не думай.

От города до города в тех местах далеко, вот все и мчались: дорога-то - как стрела. А у рощи поворот не особенно крут.

Поначалу это с рук сходило: машины были не бог весть какие скоростные. Но однажды помчался кто-то по автобану так, что обогнал ласточек. Летел довольный, на красавицу рощу загляделся, а поворот не усмотрел. Вылетела машина с дороги, был взрыв, был пожар - хуже некуда.

Потом - еще. Потом - снова.

Машины - все быстрее. От рощицы не успевают убирать железный лом. Скучно.

Поставили перед рощей знак: "Опасный поворот". Не помогает. Поставили еще знак: "Ехать медленно". Всё равно мчатся. И улетают с дороги. Поставили знак восклицательный: "Прочие опасности". Бесполезно. Хоть автоинспектора там держи. Но ведь он тоже человек: его надо кормить-поить, ему надо где-то отдыхать, ему смена требуется...

Однако спасение все же придумали. Рядом с теми знаками установили ещё один: "Кочка". А на самом повороте, прямо на ровную, гладкую, широкую дорогу вывалили несколько машин бетона, и получилась самая настоящая кочка. Хочешь, не хочешь, а поезжай не спеша.

Развалилась кочка на дороге, объемная, неподъемная, лежит - гордится. Как не гордиться, если прямо при тебе сказано вслух:

-Ни на одной дороге такой кочки нет. И вообще это единственная на свете НУЖНАЯ кочка.

Позиция у кочки - лучше не бывает. С одной стороны рощица-красавица, с другой -

поля, далеко с насыпи видно, а дорога просматривается в оба конца до самого горизонта.

Вот степная птица села на кочку - мышей с высоты высматривает. А вон машина мчится, аж стелется, аж от дороги отрывается, но перед кочкой - тормозит, вежливо урчит мотором, хоть и недовольна, переваливает через нее и снова мчится: авария невозможна. А птица улетела и опять вернулась. Благодать.

Лежит кочка и об одном только слегка горюет: если бы не рощица, утром можно бы на восход смотреть. А так - деревья мешают да еще шумят. Даже ночью от рощи нет покоя - всегда шумит, даже без ветра ухитряется, так жизнь любит. Мешает кочке. А ведь ей, бетонной, и без рощи покоя нет: от зари до зари машины наползают и сползают. Тишины хочется. Однако и удовлетворение есть, потому что нужная работа. Ни одной аварии не допущено.

Думает кочка: "Убрали бы эту рощицу. Дубочки-грибочки... Кому оно нужно? Красота... Да что такое красота? Что она может? Остановить автомобиль? Спасти кого-нибудь?.. То-то!.."

Но вот пошли машины все в одну сторону. А там, откуда они шли - гул и вспышки. Всё ближе гул, всё ярче вспышки. Война.

Когда прошли все машины, за кочкой поставили пушку - стволом в сторону гула. Из гула выползли новые машины, и пушка стала в них стрелять. Очень скоро прилетела машина, похожая на птицу, и сбросила на пушку взрыв. Кочку встряхнуло, оцарапало, пушка перестала стрелять.

Думает кочка: "Если бы в рошу спрятались, их бы не заметил никто, и пушка была бы цела. И вообще, лучше было бы туда сбросить этот взрыв".

Подожли машины с той стороны. Тяжелые, на гусеницах. Никогда раньше по этой дороге не ездили на гусеницах. В кочку выстрелили из танкового орудия, но от старого бетона снаряд отлетел. Люди вышли из танков, походили вокруг кочки, сказали: "Да-а, это покрепче брони", потом подогнали несколько клыкастых машин и столкнули кочку с дороги.

Кочка была оскорблена. Вместо благодарности за столько лет безупречного труда - снаряд, клыки, под откос! Кого угодно оскорбит такая грубость, такая глупость, такое непонимание.

А люди посмеялись, полюбовались уцелевшей рощицей, потом влезли в броню и поехали на гусеницах дальше.

Правда, недалеко они уехали и обратно не вернулись. Был им навстречу гром, был огонь, была на дороге копать, потом убрали железный лом и втаскивали кочку на ее законное место. Стрельба удалилась туда, откуда пришла, и больше не возвращалась.

Кочка снова была нужна и довольна. Одно вызывало у нее легкую досаду: за всю

войну ни один снаряд не упал в рощу, ни одну даже ветку не сломали, будто старались не навредить этим бесполезным деревьям, этим ненужным цветам...

Потянулись годы за годами. Сбитые снарядами дорожные знаки поставили на место, машины мчались, переваливали, тормозя, и мчались снова. Но как-то раз одна остановилась. Люди взошли на кочку, и она услышала разговор.

-Водители жалуются: кочка им надоела.

-Зато никто не разбивается.

-Но люди недовольны. Ведь кочка - это насилие. Люди хотят видеть, что им доверяют.

-Что же они предлагают?

-Снести эту старую рощу и выпрямить дорогу. Просто удивительно, как до этого раньше не додумались...

Слушая беседу, кочка то пугалась, то успокаивалась за свою судьбу и наконец обрадовалась: поняли-таки, что рощу надо сносить. Это было главное, что до нее дошло, а о том, что она сама кому-то надоела, кочка не беспокоилась: безопасность превыше всего, потерпят. На выпрямленной дороге ее будет лучше видно да и лежать приятнее.

Немного погодя кочка даже пожалела рощу. Она уже как-то притерпелась к ее вечному шуму, к ее птичкам, а без ранних восходов можно и обойтись...

После первого визита люди приезжали еще несколько раз, ходили в рощу и вокруг - наверно, прикидывали, откуда удобнее рубить да как вывозить деревья.

Затем настал день, когда начались работы. Правда, клыкастые машины не появились, лесорубов не было тоже и вообще никто больше не заинтересовался рощей. Это было странно: как же выпрямлять дорогу, если не трогать деревьев? Подумав, кочка представила длинный ажурный мост, который будет переброшен через эти дубы и березки. Он, пожалуй, украсит местность, хотя это и не имеет значения. А ее, кочку, поместят, конечно, на самой верхней точке моста. Это повысит безопасность движения и придаст мосту неповторимость: он будет единственным в мире обладателем кочки да еще такой, в которую стреляли из танкового орудия!.. Был, правда, еще вариант - тоннель под рощей. Но его кочка отвергала без колебаний: подкоп - это вред корням деревьев, это борьба с грунтовыми водами, это, наконец, темнота и духота - совсем не для нее, активной участницы победоносной войны. Нет-нет, подкоп не годился. Только мост.

А вот и поселок для строителей моста.

Работы начались, правда, не рядом с рощей, а по другую сторону дороги. В поле вырос целый поселок из мелких домиков, но жить там стали не строители. Посреди поселка возвели еще гостиницу в несколько этажей, а рядом с поселком зачем-то устроили большую

автомобильную стоянку. И дорожных знаков перед кочкой наставили еще больше.

Только вот сама кочка почему-то оказалась не нужна. Её столкнули с дороги вторично, однако не оставили валяться под насыпью, а водрузили на ней щит с надписью: "Отдых на кочке". Глядя на эту смешную надпись, никто не мог проехать мимо. Все сворачивали к поселку, чтобы отдохнуть, перекусить и показать механикам свою машину. Люди и без кочки перестали спешить у этого опасного поворота.

Кочка долго лежала в обиде. Особенно её задело, когда через несколько лет надпись на щите сменили, написали: "Отдых у рощи". Будто кочки никогда не было и не с неё все начиналось...

Однако еще через несколько лет рядом с кочкой выросло несколько берёзок, и она смирилась.

-А что, - думала кочка, - так даже лучше. Никто по тебе не ездит, никто не ругается. Правда, из-за насыпи рощи не видно, но ведь уберут же ее когда-нибудь, эту насыпь...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Если дело сделано мастером, это сразу видно. Возьмите обыкновенный карандаш и подстрогайте. При мне. Ножиком. И я сразу увижу, мастер вы или нет. Если ножик остёр, если рука тверда, если карандаш получился похожим не на обрубок бревна, а на улыбку молнии, вот тогда можно говорить о мастерстве. Но это, конечно, мастерство малое. Да и сам разговор - просто к слову, чтобы дальше было понятно, почему все так вышло. А рассказ пойдет об одной двери.

Изготовил ее мастер. И инструмент заточить, и карандаш подстрогать этим инструментом (хоть стамеской, хоть топором), и составить этим карандашом чертеж, и дверь по этому чертежу сделать - всё было при нем. Дверь получилась такая, что посмотреть издали - большая плитка шоколада. Вся из кубиков, а посреди - прямоугольник. Если же подойти да присмотреться - это уже не плитка шоколада, а настоящая картинная галерея: на каждом квадрате вырезано мелкой резьбой - цветы, бабочки, зверюшки, а в прямоугольнике - целый пейзаж. Всё тонко, всё точно, смотрел бы да смотрел. А отойдешь - узор исчезает, и снова шоколадка. Только с большой латунной ручкой. И сверкает латунь, как золото, но без важности: берись и входи. И надпись над дверью: "Добро пожаловать". Ну просто хочется войти. А потянешь за ручку - тяжелая дверь идет легко, не скрипит и остановится точно там, где перестанешь тянуть. И распахнуться не старается, и захлопнуться не спешит. Приветливая дверь. Потому и видно: сделана для людей и делана мастером.

Работа у двери, известно, беспокойная: целый день взад-вперед. У многих и ночами

покоя нет. Поэтому изнашиваются двери быстро. Особенно если наружная да в какой-нибудь конторе - такая и десяти лет не протянет. Но нашей двери повезло. Когда только к ней подходили, каждый сразу видел, что сделана мастером. А к мастерству и отношение особое: каждый ее берёт - не дёргал, не хлопал, не пинал ногами и не ковырял узоры перочинным ножиком. Стояла дверь на входе как раз в контору и работала почти круглые сутки. А сохранялась многие годы, потому что и хозяева, конторские работники, за ней присматривали: когда надо, смазывали, когда надо, лаком покрывали.

Однако известно всем, что ровной жизни ни у кого не бывает. Меняется погода, меняется настроение, меняются и времена. Другие люди пришли работать в контору и не понравилось кому-то, что дверь без пружины. А вдруг сама откроется? А вдруг забудут затворить? Тогда что же, улицу обогревать?.. Был приказ, пришел столяр, забил гвоздь и нацепил пружину.

Теперь открываться дверь стала туго. Чтобы войти, надо было хорошо рвануть за ручку. Тяжелая дверь шла с трудом, а когда человек входил, она ударяла его в спину. Ясно, что и относиться к такой двери люди стали иначе. Когда проходили, её не придерживали. Весь день она хлопала, аж во всей конторе звенели стекла. При выходе её к тому же пинали ногой, а уж потом хлопали.

-Дверь портится, - заметил начальник конторы. И велел столяру прибить понизу латунный лист. Он сказал: - Дверь красивая, ручки желтые, и лист надо жёлтый.

Но латунного листа не нашлось, столяр прибил железный и помазал его жёлтой краской. Теперь посетители пинали ногой в железо и оставляли на краске чёрные следы.

Дверь не долго терпела такое безобразие, и однажды пружина оборвалась.

Но прежнее равновесие, созданное руками мастера, было уже нарушено. Дверь больше не останавливалась в любом положении, удобном для нас. Каждым кубиком она помнила пружину и против своего желания стремилась на свободу.

-Дверь открывается и хлопает, - сказал начальник конторы. - Поставить новую пружину!

В дверь забили новый гвоздь и нацепили новую пружину, еще туже. Но она оборвалась еще быстрее. А дверь стала хлопать прямо-таки со злостью.

В конторе тоже произошли перемены. Дела там перестали кончаться миром, тихие прежде голоса сменились криком, руки людей стали грубыми, и после каждой беседы в конторе посетители обязательно старались хлопнуть дверью.

Короткие ночные часы перестали быть для двери часами отдыха.

-Всё из-за меня, - переживала дверь. - Как поставили первую пружину, так и началось! Я всем мешаю, у людей портится нрав. А от этого - никаких дел.

Она решила принять меры.

Когда утром начальник конторы явился на работу, он увидел перед дверью толпу. Это те, кто пришел пораньше, не могли открыть дверь. Только ручку оторвали.

-Она перекосилась, - доложили начальнику. - Надо ждать столяра.

Столяр на работу опоздал, и все на него напустились. Начальник объявил ему выговор, но приказ об этом написать не мог, потому что в контору ведь не войдешь.

-Если будет выговор, - сказал столяр, - я дверь чинить не стану.

Все принялись просить начальника отменить выговор, и он сдался, потому что больше стоять на улице ему не хотелось. Решено было выговор не объявлять, а ограничиться устным замечанием. Тогда столяр сходил за инструментом и открыл дверь.

Про этого столяра надо сказать, что мастером он не был. Хотя и знал, что к чему, но твердости в руках не имел, потому что настоящего интереса к работе никогда не испытывал. Но было у него одно полезное качество: он мастерство понимал и ценил. Эта дверь ему с самого начала очень нравилась, он сам ни одного гвоздя не стал бы в неё забивать, не то что уродовать красоту железным листом. Он просто не мог ослушаться приказа. Но всегда ждал от двери какой-нибудь выходки, поэтому теперь, открывая дверь, сказал начальнику строго:

-Щас я её сниму совсем и сделаю всё, как раньше было. И больше губить вещь не дам.

-Что-что? - переспросил начальник.

-Что слышали, - ответил столяр. - Если в чем не понимаешь, так надо спрашивать специалистов.

-Это ты-то специалист? - Начальник рассмеялся. - Да я тебя уволю, никто и не заметит!

-Ладно, - сказал столяр. - Сам уйду.

-Только сначала сделаешь дверь, - сказал начальник.

-Ну, это само собой, - сказал столяр.

Он снял дверь и два дня ее ремонтировал. Осторожно удалил с неё железный лист, выдернул все гвозди, заделал все отверстия, зачистил, восстановил цвет морилкой, заменил петли, привинтил ручку и так установил дверь на место, что и старый мастер не сделал бы лучше. Вот на что способен человек, если по-настоящему увлечется.

На третий день столяр уволился. Он бы, может быть, и остался, если бы начальник оценил его работу да извинился. Но тот так ничего и не понял:

-Не захотел ставить пружину? Ничего, без тебя поставим.

И вот тут начинается непонятное.

На следующий день, когда конторские пришли на работу, они увидели, что двери нет совсем. Бросились искать - ни следа. Послали за столяром, который уволился. Он прийти

отказался, но велел передать, что никакой двери в глаза не видел. Его все же попытались привлечь к суду, но суд конторе отказал: следствие не нашло никаких улик против столяра.

А пока суд да дело, все внутренние двери в конторе, все окна, все форточки, даже все столы и стулья стали быстро рассыхаться. Был большой грохот, когда начальник, распекая нового столяра, ударил кулаком по столу, а стол распался. И тут же еще сильнее загрохотало, когда под начальником рассыпалось кресло. В конторе на всех этажах начали скрипеть полы, высунулись шляпки гвоздей, горбами изогнулись плинтуса, стали потрескивать балки перекрытий и даже деревянные линейки покоробились, а цифры на них постирались. Доска с надписью "Добро пожаловать" упала прямо на начальника конторы.

Так длилось неделю, после чего инспекция велела немедленно освободить дом ввиду аварийного положения.

Вам интересно, чем кончилось?

Контора куда-то переехала. Её начальник выписался из больницы и уехал в другой город. Все деревянные конструкции в доме заменили. Старая дверь, похожая на шоколадку, так и не нашлась, поэтому сейчас решают, из чего делать новую - из дерева или из металла и стекла.

Конечно, вам больше всего хочется узнать, куда дверь подевалась? А мне тоже хочется. Я тоже не знаю. Того столяра по дружбе спрашивал, но он отказывается:

-Если бы я взял... Да разве дверь спрячешь?

Остается думать, что дверь сама снялась с петель и улетела. Я в это не особенно верю, но даже если и так, то не в лес же она полетела. Где-нибудь работает в приличной конторе. И с улицы, конечно, видна. Только поискать - контор ведь много.

КОРНИ ДОМА

На окраине города сломали старый домишко. Не один его сломали, всю улицу. Было там только старье, из прошлого века - ветхое, серое, перекошенное.

Этот домишко, правда, не был ни кривым, ни ветхим. Имел он только один изъян: когда старого хозяина выселяли в новую квартиру, снял он резные наличники с обеих окошек и с собой увез, на четвертый этаж. А стены, крыша, пол - всё стояло бы еще век-другой. Но подогнали бульдозер, толкнули... Перед бульдозером что деревянное устоит?

Когда вылез бульдозерист из кабины, подходит к нему старичок. Спрашивает:

-Не жалко было ломать?

-А что, дедушка, твой был дом?

-Мой. Сваи под него еще мой дед забивал. Отец новую крышу покрывал. Я наличники

резьбой украсил. Старуха моя цветы развела. Хороши были цветы-то?

-Как хороши, как свежи были розы, - сказал бульдозерист. - Однако, дедушка, был приказ, а мое дело маленькое.

-Это плохо, - сказал старик.

-Что плохо-то?

-Дело у человека не должно быть маленькое. Большой быть должна любая мелочь. Иначе - не прорастешь.

-Всё ясно, - сказал бульдозерист. А сам подумал: "Чокнулся дед. Прорастать собрался, как будто его посеяли". Дальше думать не стал, а поскорее залез обратно в кабину и - пошел крушить!

-Ничего тебе не ясно, - сказал старик ему вслед. - Потом поймёшь.

Ушёл и больше на это место не вернулся.

А на месте этом, согласно генеральному плану, полагалось воздвигнуть контору. В три этажа высотой, с кабинетами, с инструкторами, секретарями и управляющими. Свое-то здание в центре города у них пришло в негодность.

Не успел рассеяться бульдозерный дым, а контору уже строят. Уложили блоки бетонные, стали класть кирпич и перекрывать панелями многопустотными. До второго этажа успели дойти, как однажды утром обнаружили трещину. По всей стене. Конторские чиновники набежали, окружили, охают: "Мы такую работу не примем, нас и так на прежнем месте чуть не поубивало".

Хорошо, строители согласны. Развалили эту стену, выправили блоки, выложили заново кирпичи, дошли без хлопот до самого верха, а как только закончили крышу, оно и началось. В том же месте трещина. От фундамента до крыши. Пока думали, что бы это да как быть, за три дня вся стена развалилась. Никого не придавило, но - начинай сначала.

Убрали кучу кирпича, что от стены осталась, оттащили павшие панели и увидели, что бетонные блоки что-то из-под земли выталкивает, будто огромный гриб растет.

Убрали блоки, подогнали бульдозер. Он начал чистить - да и застрял. Выскочил бульдозерист, посмотрел - и вспомнил:

-Там же свая! Когда я здесь домишко ломал, дед сказал, что он на сваях.

-Что за дед? - спрашивает начальник стройки.

-Хозяин дома.

Стали смотреть сваи. Из лиственницы сделаны. Лиственница - вечное дерево. Несокрушимое. В земле только крепче становится.

-А почему же сваи лезут из земли? - спрашивает бульдозерист.

-Земля их выталкивает, как занозу, - кто-то мудро объясняет.

И стали все думать, что же теперь совершить. Три этажа стоят, а одной стены нет. Хочешь, не хочешь, а надо воевать со сваями.

Ждать, пока земля их вытолкнет? А куда девать инструкторов, секретарей и управляющих? Да и несерьезно это - насчет занозы. Выдернуть сваи автокраном? Пробовали. Не идут. Решили: спилить им верхушки и - укладывать блоки. Не полезут они больше.

Подкопались под каждую сваю и срезали им верхушки бензопилой. А контора торопит. Осень скоро, непогода... Уложили блоки, стали быстро-быстро стену класть. Но едва начали третий этаж, стена снова треснула.

-Ну, тогда вот что, - сказал конторским начальник стройки. - Взрывать эти сваи нам никто в городе не позволит, поэтому ходите на службу, куда хотите, а этот объект я замораживаю.

-То есть как?

-А так, что до весны никакие работы вестись не будут. Сейсмическо-геологическая обстановка неустойчива. Если хотите, жалуйтесь.

А кому пожалуешься на сейсмическо-геологическую обстановку? Конторские, хоть и бюрократы, а тоже соображают. Кого-то где-то потеснили и вселились на зиму в другую контору.

Остался объект пустой. Дожди его мочили, снега его засыпали, мороз его знобил, и никто до весны его не навещал. Кроме того бульдозериста. Еще когда увидел, что сваи полезли из земли, вспомнил он слова старика хозяина: "Иначе - не прорастешь". Странное всегда запоминается. Вот и не давали ему эти слова покоя, всю зиму донимали. И он похаживал на окраину, посматривал: неужто вправду прорастает?

Но рабочий день кончается поздно, а в сумерках да под снегом много ли увидишь? Дом разваливается - это точно, а что сугроб как будто выше становится, так это и метелям под силу. К слову сказать, зима выдалась тогда снежная.

К весне, однако, стал бульдозерист замечать, что вокруг объекта снег оседает, а там, где рухнула стена, будто бы всё растет. Не утерпел, принес лопату, стал снег разбрасывать. Раз-другой копнул, а снег-то и весь, земля пошла. Рыхлая, копать легко. Он - давай копать! Еще раз-другой копнул - дерево! Разгреб, думал - верхушка сваи, а не тут-то было. Балка, новенькая! А уж под балкой - те самые сваи. Он наутро - к начальнику стройки: так и так.

Тот - в машину и на объект. Проверил и велел найти старика, бывшего хозяина.

Нашли старика, всё ему рассказали и спрашивают:

-Что сие может означать?

-Спросите у вашего бульдозериста, - дед говорит. И ехать с ними на объект не

захотел: - Сами кашу заварили, сами и расхлебывайте.

Спросили бульдозериста. Он подумал, похмурился и не ответил, ушел задумчив.

Начальник стройки думал было подождать ещё, посмотреть, как оно обернется. Но конторские тут как тут: "Размораживай, иначе..."

Разморозили. Убрали обрушенную стену, перекрытия, блоки. Расчистили вокруг этой балки, что на сваях лежала, а там она не одна! Целый венец выложен из новеньких бревен! Как их только в прошлом году не заметили? Или зимой кто-то подстроил?..

Велят бульдозеристу: "Отодвинь-ка эти балки в сторону." А он отказывается.

-Почему?

-Не буду и всё. Хоть увольняйте.

Увольнять не стали, убрали балки без него. Но сваи-то из земли торчат. Решили, что выход один: надо их все же выдернуть. Один из конторских так и сказал: "Зло надо рвать с корнем!"

Подогнали экскаватор, он выбрал землю вокруг свай. Глубоко ковшем своим выбрал. Но сваи стоят так же крепко, а глубже он ковшем своим не достает.

-Спилим! С такой-то глубины больше не вырастут!

-Не-е-ет! - говорят конторские. - Рвать надо.

Строителям неохота рвать, упираются: технику, мол, жалко. Но под конец уступили: подогнали автокран, завели трос. Пришел бульдозерист, говорит: "Зря стараетесь". Но его не слушают. Потянули раз, другой... Чуть не уронили в яму автокран.

Потом пробовали тянуть трубоукладчиком, разными лебедками, вручную под эти сваи подкалывались... Не видать им конца и не выдернуть.

-Ладно, - конторские сдались, - можете спиливать.

Спилили сваи, завалили ямищу, уложили блоки бетонные, достроили все три этажа, покрыли крышу, настелили полы, застеклили окна и - скорее вручили конторским ключи: "Вселяйтесь!"

Начала контора обычную свою жизнь, про сваи скоро забыли. А через месяц, в самый разгар второго чаепития - толчок! Не сильный, но все услышали. Снизу. Осторожно. И до конца рабочего дня не было толчков. Вообще их больше не было. Но стало тревожно. Всем постоянно казалось, будто очень медленно давит что-то снизу. И еще через три дня та же самая стена треснула. Не сильно, чуть заметно. Как будто чёрная паутинка пробежала по штукатурке. А назавтра уже было видно небо.

Контору закрыли. На дверь повесили табличку: "Не входить! Аварийное здание". Инструкторам, секретарям и управляющим снова отвели углы по разным учреждениям.

Бульдозерист наведывался, посмотреть. Качнул головой и молча ушел.

Горсовет махнул на это здание рукой: столько сил на него потратили, что дешевле было построить новое, в другом месте...

Через год прибыл к тому месту бульдозер. Вылез бульдозерист, походил вокруг, сказал: "ПРОРОСЛО" и начал работать. Залез в кабину, запустил мотор - убрал обломки кирпичных стен, растолкал по сторонам перекрытия и блоки. Тут как раз подошел грузовик с вещами. Друг-шофер, жена, детишки стали таскать пожитки в дом. А когда вселились, друг отвез бульдозериста к тому старику, бывшему хозяину.

Дом у старика теперь в девять этажей. Розовый, бетонный. Но не такой, как все. На каждом окне - резной деревянный наличник, белой краской выкрашен.

Поднялся бульдозерист на четвертый этаж, звонит в дедову квартиру. Тот ему открыл и улыбается:

-А-а-а, это ты! Ну, заходи, рассказывай.

Сели пить чай, бульдозерист и говорит:

-Ты прости, дедушка, я ведь тогда не понял тебя.

-Знаю, - старик отвечает. - И то знаю, что теперь всё понимаешь. Как там мой домишко? Пророс?

-Пророс. Как новенький стоит.

-А что ему делается? - Деду весело. - Знающие люди ставили.

-Так-то так, да только наличники-то ты унёс, - жалуется бульдозерист. - Он так и пророс без наличников. Некрасиво.

-Ага, - старик улыбается. - Ты не только понял, ты и почувствовал. Ну, тогда молодец. Будут тебе наличники. Всем соседям сделал и тебе сделаю. Неси матерьял. Доски кедровые. А захочешь, могу тебя научить.

Что же сказал Кунг обо всех этих отношениях? Он сказал:

"У тех, которые считаются неживыми, одно свойство: душа у них - у всех! - не злая. Простая и нежная. Нужно только её понять. Тогда все между собой поладят".

Однако мне кажется, что и вещь может родиться сразу с неправильным характером. Душа - душой, а и характер - дело не последнее.

Был в нашем роду один Сенька. О нём Кунг уже упоминал, когда рассказывал про телефон. Так вот, что за вещи встречались этому Сеньке, есть ещё несколько историй.

Вещи у людей чему-то учатся, но и люди среди вещей хоть как-то, да меняются.

ШЛЯПА

Купил Сенька новую шляпу. Хороша была и старая, но Сенька любил погордиться. Оделся во всё новое, гуляет. Посмотреть на Сеньку раз, так и ещё два захочется. Кудри выются, глаза блестят, рубаха розовая на нем хрустит, ботинки скрипят, пряжки позвякивают

Одна шляпа на Сеньке молчит. У нее хлопот больше всех. Что ботинки? Топ да топ. Что ремень? Защелкнулся раз - брюки и не свалятся. Что платок носовой? Торчи и торчи из кармашка, у Сеньки насморка не бывает, лоб у Сеньки не потеет... А почему лоб не потеет? Потому что от солнца полями прикрыт. Почему кудри выются столь красиво? Потому что из-под шляпы. Да еще следи постоянно, чтоб тебя ветром не сдуло. Да еще тень бросай на Сенькины глаза, когда Сеньке надо их спрятать. А главное - все мысли, которые у Сеньки в голове, никуда из-под шляпы не денутся, всегда при нем.

Молчит шляпа, гордится больше самого Сеньки, сидит крепко, поворачивается только вместе с головой, кивает не каждому, а по выбору, и ни перед кем не снимается.

И слышит шляпа внизу разговор.

-Скрип-скрип, - говорит левый ботинок. - Шляпа-то управляет головой.

-Стук-стук, - отвечает правый ботинок. - Это потому, что мыслям ходу не даёт.

"Отчего же не давать, - думает шляпа. - На то они и мысли... Только надо по очереди, по очереди, не всем сразу. Нужная мысль - пускай проходит. А всем прочим надо еще потолкаться в голове, созреть как следует.

Вот мелькнула в Сенькиной голове мысль: сумку тяжелую старушке поднести. А шляпа ей ходу не дает, смотрит - что еще за мысли в очереди стоят. И видит: ага, пора сворачивать совсем в другую сторону - там кто-то пятак обронил, подобрать надо, а то пропадёт пятак. Хорошая мысль, почему не пропустить? А за ней - другая, тоже достойная: не один, поди, пятак потерян, пойти поискать...

Сунул Сенька в карман пятак и пошёл искать еще. Шляпа крепко сидит, никаким другим мыслям ходу не дает, Сенькину голову к земле наклонила - гонит и гонит: ищи пятак!

Весь день ходил Сенька с опущенной головой, искал под ногами. Нашел к вечеру много всякого: несколько пуговиц, все разные, полкоробка спичек, медную гайку, рыболовное грузило, новенький карман от пиджака, замок без ключа, очень блестящий ключ от другого замка да еще половину рублёвки: ничего не купишь, а выбросить жалко. Хотел искать вторую половинку, да уж темно. Решил: завтра найду. И пошел домой.

Вернулся домой - ноги гудят, шею ломит, спину крутит, весь в пыли. Шляпу кое-как нацепил на гвоздь, ботинки тесные бросил под стол, даже не вытер. Упал в пыльной одежде на кровать, гудящие ноги задрал выше головы да и заснул.

-Вот это да, - говорит под столом левый ботинок. - Вот это размялись.

-Вот это руководство, - говорит правый ботинок. - При такой шляпе разносимся в два счета.

Шляпа это слушает и еще больше собой гордится. Она-то и не устала, и не запыхалась, и изнашивать ее не надо, а работа - налицо: всех загоняла! "Ну, -думает, - так ли еще завтра потрудимся!"

Утром Сенька глаза продрал, на половинку рубля поглядел, быстренько оделся и побежал искать вчерашний день.

К вечеру ботинки у него скрипеть перестали, разносились, однако ноги побил еще сильнее. Крепко за день постарался, нашел еще два десятка разных пуговиц, полбраслета от часов, почти новую расчёску с выломанным зубом да копейку денег.

Шляпа, однако, свое дело делала, над мыслями держала полный контроль. В гости Сеньку звали - не пустила. Работу предлагали - согласия не дала. Зачем работать, коли добро под ногами валяется? Даже поесть не позволила: заслужи сначала.

Домой Сенька вернулся чуть живой, вчерашнего дня не нашедши. Голодный котёнок - под ноги, он его накормить хотел, да шляпа не позволила: сам поешь, дармоеды подождут. А как снял Сенька шляпу, все мысли разлетелись, ни одной не уловил и про котенка позабыл. Упал на койку прямо в ботинках и заснул как убитый.

На третье утро Сенька оделся, обулся, шляпу нахлобучил и думает: "Куда теперь пойти?" Эту мысль, конечно, шляпа ставит в очередь и ждет, когда придут другие. Вот приходит мысль: "К маме схожу". Шляпа ее не пускает: к маме с подарком надо идти, а подарка еще не нашли. "Бабушку проведаю". Шляпа и эту мысль - в очередь. А сама ждёт. "Пройдусь для начала", - думает Сенька. Вот это шляпа разрешает.

А ботинки переглядываются, шнурками потертыми недовольно шевелят.

-Вчера ободрался весь, - говорит левый.

-А у меня сбился каблук, - жалуется правый.

Шляпа это слышит, но смотрит свысока: "В любом деле есть недостатки, надо привыкать".

Вышел Сенька на дорогу и побрел, в землю глядя. А в шляпе гордость: "Выше голову!" Задрал Сенька голову, плетётся дальше. А шляпа: "Шире шаг!" Пошел Сенька быстрее, под ноги не глядит. А ботинкам того и надо. Выбрал кочку левый, нашел ямку правый - и вот Сенька уже на боку, а шляпа в стороне валяется. И мыслям Сенькиным от этого свободно.

-На что время трачу! - бормочет Сенька и встаёт. - Как живу? Куда иду?

Ботинки радуются.

-Умен! - говорит левый.

-Теперь далеко не пойдёт, - говорит правый.

А умный Сенька встает, слегка отряхивается, поднимает свою новую шляпу и насаживает ее на свою умную голову. Да поглубже, покрепче, чтоб не свалилась больше.

-Что творишь? - стонут ботинки. - Брось ее!

Но Сенька их не понимает. Мысли в его умной башке уже выстроились в очередь, а шляпа их сортирует: "Эта подождет, эта повременит, а вот эту можно пропустить". И пропускает всего одну мыслишку: "Позавчерашний день, что ли, поискать..."

Шагает Сенька не спеша, смотрит себе под ноги.

Что-то он найдет сегодня?

ГНЕЗДО

Обидела Сеньку новая шляпа. Добрым мыслям ходу не давала, на пустую беготную толкала, стали про Сеньку говорить: "За дурной головою и ногам нет покою". И хоть, правда, не было в голове у Сеньки царя, а понял и он, что от такой жизни одна морока. Сегодня искал вчерашний, завтра - позавчерашний день, а через неделю начал уж спасения искать.

Встал утром Сенька, осмотрелся и загрустил. На столе - все его сбережения - половина рублевой бумажки: ничего не купишь. Под столом - стоптанные ботинки. Об ноги котенок трется, плачет, есть просит. Костюм на Сеньке помят, рубаха розовая не стирана, платок носовой чёрен. Только шляпа на вешалке сияет, на голову просится.

И вспомнил Сенька: мысли-то пропадали, когда он шляпу надевал, одна суета в голову лезла.

-Та-ак, - сказал Сенька. - Шляпа, значит, головой командовала.

Схватил шляпу - и в окно ее!

И сразу стало Сеньке радостно, мыслям просторно, рукам свободно, а ногам легко. Вспомнил он, что мама не навещена, бабушка не проведена, вспомнил, что работа хорошая предложена, - и бросился за дверь. Тут о Сеньке и все слова, кроме одного: жил он в высотном доме, аж на шестнадцатом этаже, а совсем недалеко просыпалась после зимнего покоя весёлая березовая роща.

Дальше будет про его шляпу.

Вылетела шляпа из окна, подхватил её ветер и забросил на крышу. Закатилась сердитая за трубу, лежит и думает: "Совсем от рук отбился этот Сенька. Уже и шляпу надевает мимо головы. Да что надеть - в руке удержать не может! Ну, ничего, сейчас

примчится. Поищи-ка меня за трубой, ха-ха!"

Лежит она час, второй, ждёт-пождёт - никто не идет. Однако бодрится: "Не может Сенька меня отыскать. Ну, ничего, найдет. Шляпу на крыше искать - не то что полрублевки во всем городе".

Но вот и вечер настал, и ночь прошла, а Сенька не явился. Приходили два кота, погоняли шляпу вокруг трубы - вот и все.

Утром стало вдруг темнеть, надвинулась из-за города черная туча, сверкнуло ужасно, потом ударило со всех сторон и сразу налетел вихрь. Завертел шляпу, забросил вверх, там ее подхватило и понесло в рощу.

"Конец, - подумала шляпа. - В кустах потеряюсь и пропаду".

Но до рощи она не долетела, а с лёту наделась на железную верхушку электрической опоры. Крепко наделась, почти как на Сенькину голову. Радуетесь шляпа: "Ничем здесь не хуже. Даже лучше. У Сеньки было две руки, а здесь - целых шесть. В каждой руке - две гирлянды изоляторов да толстые провода. Сила в них чувствуется громадная... Ног было две у Сеньки, а здесь - целых четыре, стоят крепко, значит, и ходить будут хорошо. Железные - не устанут. А на таких толстых проводах мы и другие опоры с собой уведем - вот будет дело!"

Сидит шляпа на электрической опоре, ждёт мыслей. Как появятся мысли, она их в очередь выстроит, самые достойные отберёт и в дело пустит.

Ждёт-пождёт - мысли не идут. Пусто в железной голове. Только ручищи железные напрягаются, а провода гудят и на ветру качаются.

Почему-то страшно стало шляпе. Чёрная туча совсем рядом, совсем низко, молнии сверкают, гром гремит.

-Пронеси, нечистая сила! - причитает шляпа. - Сгинь-пропади, в меня не попади.

Однако не пронесло. Самый центр грозы оказался над шляпой, ударила молния в верхушку опоры и ушла по ней в землю. А в шляпе оставила дыру. И запах неприятный, горелый.

Шляпе дурно, шляпе обидно, понимает она, что теперь-то Сенька на неё, на такую, даже не посмотрит. Да и мысли его при таком изъяне уже никак не удержишь. Потеряла шляпа силу, стала не лучше любой тряпки. Вот и страдает.

А тут налетел еще один вихрь, сорвал дырявую с железной головы и на этот раз зашвырнул прямо в рощу да еще точнёхонько на вершину старой берёзы, в самую развилку.

Картина получилась - печальнее некуда. Книзу дном шляпа торчит, будто милостыню просит, оживающими ветками со всех сторон зажата, а из тучи прямо в неё хлещет вода. Но в шляпе не задерживается, через дыру вытекает.

Шляпа от испуга оправилась, огляделась и думает: "Нет худа без добра. Если бы не молния, не было бы дырки, если бы не дырка, захлебнулась бы я первым же дождем, а так еще поживем!.."

Только гроза улетела, появляется новая туча, еще чернее. Не сверкает, не гремит, зато вся тонким криком кричит-вскрикивает. Это еще что такое? Не новая ли опасность?

А это галки. Огромная стая. Все черные, все вскрикивают.

-Долетели! - кричат.

-Наши гнезда! - кричат.

-Будем жить! - кричат.

Долетела стая до рощи, разбилась на пары, села на деревья. Каждая пара - на свою березу.

Тут и поняла шляпа, что это кругом за комья из сухих веток. На каждой вершине по два, а то и по пять. Это галочки гнезда. Куда-то птицы улетали, надолго, теперь вернулись. Наверно, вчерашний год искали.

"Ну, эта компания нам подходит, - думает шляпа. - Здесь мы и с дыркой покомандуем".

-Молодежь! Строить себе жилища!

Это командует старый вожак.

Молодые тут же начинают собирать сухие ветки. Смотрят, как у старших сложено, и себе сооружают. Конечно, роняют материал, рассыпается у них, но помощи не спрашивают, потому что у старших свои дела - их-то гнёзда подразвалились, на ветрах подрастрепались, требуют ремонта.

Слышит шляпа голос:

-Хор-р-рошая р-развилка! Только др-р-рянь какая-то застр-ряла. Выбр-р-росить, что ли?

И садится рядом какой-то черный юнец. И начинает клювом шляпу трогать.

Шляпе страшно: "Сбросит наземь, буду гнить!" Шляпа в гневе: "Глуп до чего! Не видит счастья своего!"

Однако подружка у этого молодца умна. Мигом сообразила:

-Др-р-рянь-то дрянь, да дыр-рка в ней невелика. Заделаем тр-равой, вот и гнездо готово.

-И то! - соглашается молодец. - Только всё же обложим ветками, а то перед соседями неловко.

И стала шляпа гнездом. И вывелись в ней птенцы, крикливые, прожорливые галчата. Родители носили им червяков, а когда дети подросли, стали носить игрушки.

Собрался в шляпе целый склад блестящих мелочей: колпачок авторучки, несколько монет, золотое колечко с красным камушком, обломок лезвия, несколько бусин. А однажды заботливый папаша принёс бумажку.

-Зачем бумажка? - спросила заботливая мама.

-Это половинка рубля, - ответил отец-молодец. - Найду вторую, купим что-нибудь. Я лечу искать.

-Нечего заниматься глупостями, - возразила галка-мама. - Дети вон не кормлены! Слетай-ка к столовой, поройся в обедках. Да вилок больше не таскай, дети могут уколотся.

Слушает их шляпа и думает: "А ведь тут не покомандуешь".

-И принеси еще сухой травы, - просит галка-мама. - Надо заделать дырочку в гнезде.

"А хорошо, что я от Сеньки улетела, - думает шляпа. - И самой никаких хлопот, и ему полезно - пускай сам о себе заботится".

ЛЫЖИ

Сделать лыжи мудрено. И дерево не всякое годится, и тесать, и строгать надо умеючи, и гнуть по науке. А главное - правильно высушить и хранить в сухом, прохладном месте. Иначе вся работа насмарку: перекосит лыжу, завернет винтом - ровно не поедешь.

Самое плохое, когда попадутся две кривые лыжи за раз: обе норовят ехать не туда. Но и здесь возможны три случая. При одинаковой закрутке лыжи норовят свернуть в одну сторону. Тут еще как-то можно приспособиться. А при разной - либо стараются столкнуться, либо разбегаются. И думает уже лыжник не о цели, а о том как бы за лыжами уследить. Помается день-два да и спрячет кривульки подальше, а то и на дрова изведет. А сам, если деньги, пойдет в магазин новые покупать. Но теперь уж, на ошибке ученый, первые попавшиеся не возьмет, в руках повертит да вдоль посмотрит, да друг к дружке приложит. Да еще свяжет покрепче и распорочку вставит, чтобы при хранении не покособились.

Другое дело, если изготовить лыжи самому. Тут можно взять пихту - она не коробится. Можно досочки сыскать пошире - тогда ни в какой снег не провалишься. Можно крепления сделать такие, что хоть в валенках ходи, а не хуже, чем в ботинках на пружинках. Словом, подумай хорошенько - всё изобретешь, всё найдешь.

Но Сенька - человек не задумчивый, легкий человек. Он за лыжами ходил в магазин, покупал не выбирая, крепления привинчивал как попало, а когда на лыжне оказался, потащили его лыжи в разные стороны.

И дело-то было не на прогулке. Рядом со стартом играл духовой оркестр, для каждого лыжника стреляли из пистолета и махали флажком, каждого фотографировали, у каждого

был номер, а все судьи - с хронометрами, то есть с очень точными часами - засекали и секунды, и даже доли секунд.

Ковыляет Сенька по лыжне, все его обгоняют, а он ноги себе выворачивает, с двумя лыжами справиться не может. Стартовали не все разом, а по очереди, Сенька был в середине, а когда самый последний мимо него вперед пробежал, стало Сеньке ясно, что быть ему первым только от хвоста. И когда приковыляет он к финишу после всех, то хоть один человек, а обязательно засмеётся. И в газету могут сфотографировать: "Пришел последним, всех подвёл". А могут и вовсе не дожидаться. Не заметят, забудут, немного подождут и уедут. Явится он к финишу, а там - ни флагов, ни зрителей, ни фотографов, одни бумажные стаканчики из-под чая.

Словом, решил Сенька, что хватит ему соревноваться, а надо повернуть поперек и двигать прямо через лес, прямо по целине - прямо в город. Благо соревнования проходят на горе, а город - под горой. Даже трудиться особенно не надо: съехал с горы, березовую рощу пересёк - и дома.

Однако решил сначала поменять лыжи местами - вдруг легче станет. Надел кое-как правую на левую, левую на правую, попробовал бежать - нет, не лучше. Лыжа на лыжу наезжает, носом клюнешь хоть так, хоть этак.

Снова поменял Сенька лыжи местами - этак вроде привычнее - и поехал с горы. Решил: будь что будет. А о том, что было, конечно, думать не стал.

А было вот что. Началась эта некрасивая история еще летом. Случилось так, что на фабрике, которая выпускала клюшки для хоккея и лыжи, осталась только голубая краска. Директору об этом доложили.

-Неважно, - сказал директор. - Красьте голубым все лыжи и все клюшки. Для нас первое дело - выполнить план. А для плана главное не цвет, а количество штук.

И стали все красить голубым. А контролерам, которые проверяют качество продукции, велели проверять не очень строго, потому что лыж для плана могло не хватить.

Лыжи на этой фабрике выпускали спортивные и прогулочные. Спортивные для прочности склеивали из многих реек эпоксидной смолой, а прогулочные выпиливали из цельной доски. Разумеется, контролёры должны были проверять спортивные лыжи с особой строгостью, потому что у них более ответственная работа: бракованные лыжи для рекорда не годятся.

Одному из контролёров не понравилась какая-то спортивная лыжа - очень уж была кривая. Он отложил ее в сторону и стал проверять другие. Рабочий, который шел мимо, решил, что отложена прогулочная лыжа, и не глядя перенес ее в другую укладку. А приемщик, который знал, что одной пары спортивных лыж не хватает, схватил одну пару из этой

укладки и незаметно подложил ее упаковщику спортивной линии... Не стоит нам разбираться в этом деле так подробно. Главное, что в магазин вместе с партией спортивных лыж незаметно, инкогнито, контрабандой проникла одна прогулочная лыжа. Она была кривая и случайно оказалась в паре с той самой спортивной лыжей, которую хотели выбросить, да не выбросили на фабрике. И поскольку две кривые лыжи стояли вплотную друг к другу, кривизна их не была особенно заметна.

И вот, когда лыжи были выставлены для продажи, та из них, которая была сделана из цельной доски, услышала чье-то восклицание:

-До чего же противно, чтоб мне сгореть! Нас выкрасили, как доски! Кто захочет покупать?

-Да-да! - раздался другой голос. - Наш цвет - это цвет скорости, а цвет скорости - красный!

-Глупости, - возразила прогулочная лыжа, которую оскорбило прозвище "доска". - Скорость зависит не от краски и не от лыжи.

-А от чего же? - спросила ее кривая соседка, которая знала о своем недостатке, чувствовала себя от этого скованно и была бы рада любому оправданию.

-Конечно, от лыжника! - воскликнула прогулочная лыжа. - Настоящий мастер на любых лыжах промчится быстрее всех.

Лыжи вокруг зароптали.

-Это кто же здесь умнее всех? - раздался поблизости резкий голос великолепной лыжи, на которой стоял "знак качества". - Эй, сёстры! Да в наши стройные ряды затесалась доска!

-Едва отесанная доска! - заскрипели со всех сторон. - Не знакомая с эпоксидной смолой! Про-гу-лоч-на-я!

-Да еще и кривая! - заметила красотка со "знаком качества". - А эта "спортсменка" рядом с ней давно бы все открыла, но она сама бракованная, вот и прижимается, чтобы не заметили!

-Позор! - загалдели клееные красавицы. - Долой из наших рядов!

Но тут подошел Сенька. Он не глядя взял первую попавшуюся пару лыж, и это оказались как раз те самые, которым кричали: "Долой!".

-Надеюсь, мы подружимся, - сказала прогулочная, когда они остались наедине.

-Это еще почему? - услышала она в ответ.

-Ну как же, - сказала "доска" миролюбиво. - Раз уж нам вместе работать, то хорошо бы наши недостатки превратить в достоинства. Мы обе могли бы на лыжне так изгибаться, чтобы лыжнику было удобно...

-Вот еще! - холодно ответила клееная спортсменка. - Не ты ли недавно болтала, что настоящий мастер на любых лыжах промчится быстрее всех? Вот и пусть он мчится. А я напрягаться не собираюсь.

-Мастер - мастером, - ответила вежливо "доска", - но ведь и мы с вами - пара. Если мы...

-Мы - с тобой! - пара?! - спортсменка расхохоталась. Рядом с кривой "доской" она почувствовала себя совсем иначе, чем в магазине. - Да знаешь ли ты, что я дороже тебя в три раза? Знаешь ли ты, что я легче тебя наполовину? Знаешь ли ты, наконец, что я вдвое тебя прочнее? Какая же ты мне пара?

-Но работать-то нам вместе, - пробормотала смущенная прогулочная лыжа.

-Работать будем каждая на своей ноге! - отрезала спортсменка. - А человек, если он настоящий мастер, сам разберется, какая из нас чего стоит...

Тогда кончилось терпение у "доски".

-Что ж, - процедила она. - Была бы честь предложена. Одна стараться я не буду.

Так была решена Сенькина судьба.

Оказавшись на соревнованиях, лыжи, конечно, представления не имели, какое важное дело им доверили - отстаивать спортивную честь Сенькиного цеха. Они видели просто снег и лыжню. А главное - они были в споре. Всё прочее не имело для них значения.

В работе лыжи понадеялись на Сеньку. А Сенька понадеялся на них, потому что лыжником он был никудышным, просто из ряда вон. Обе лыжи сразу поняли это, едва он ступил на лыжню.

-Слабак, - сказала спортивная.

-Может быть, посодействуем? - предложила прогулочная.

-Этому бестолковому? - возмутилась спортивная. - Да лучше я сломаюсь.

Прогулочная не ответила, и они побежали - в разные стороны.

Когда измученный, от всех отставший Сенька остановился, чтобы поменять их местами, спортивная вдруг сжалась над ним и заявила прогулочной, что согласна посодействовать, если она так настаивает. Однако "доска" была уже так обижена, что просто не ответила. И когда бедный Сенька сделал первый шаг, прогулочная лыжа немедленно наехала на спортивную.

Когда Сенька снова менял лыжи местами, они все уже ненавидели друг друга.

-Пропадите вы пропадом! - сказал в сердцах Сенька. - Не хочу больше вами управлять!

И помчался с горы.

Лыжи прыгали и вихлялись, зарывались в сугробы и выскакивали наружу. Просто удивительно было, как Сенька не падал.

Когда же впереди оказалось дерево, лыжи, конечно, не захотели объезжать его с какой-то одной стороны. Прогулочная потянула влево, спортивная - вправо... Дальше они помчались под гору без Сеньки, каждая в свою сторону...

Летом двое друзей, Митя и Евгеша, гуляя в лесу за городом, нашли голубую лыжу.

-Новая, - сказал Евгеша.

-Кривая, - сказал Митя. - Брось.

Они двинулись дальше и скоро нашли еще одну голубую лыжу.

-Та была клееная, - сказал Митя, - а эта - доска. Разные люди потеряли... Может, вернемся за той?

-А зачем? - ответил Евгеша. - Они обе кривые.

СЛОВЕСНОСТЬ

Шёл Сенька по незнакомой местности. Шел - думал о своем, по сторонам смотрел без интереса. Деревья шумят - Сенька не замечает. Птички поют - Сенька не понимает. Ветерок что-то шепчет в самое ухо - Сенька не вникает.

И тут ему навстречу - целая компания: Слово, Словечко, Словцо, Присловье, Пословица, Условье, Словарь и Славословье.

-Здравствуй, - говорят. - Куда идешь?

-Не ваше дело, - отвечает Сенька.

-Ты что, других слов не знаешь?

-И знать не хочу, - отвечает Сенька.

-Напрасно. Это опасно. Пойдем с нами?

-Не по пути, - отвечает Сенька.

-А мы вернемся, - говорит Слово.

-Крутанемся, - говорит Словечко.

-Поворотим, - говорит Словцо.

-Повернем оглобли, - говорит Присловье.

-Куда б ни повернуть, лишь бы шею не свернуть, - говорит Пословица.

-С нами пойдешь - нигде не пропадешь, - говорит Условье.

-Пропадать, - говорит Словарь, - это в данном случае означает подвергаться неудаче, терпеть неудобство, попадать в беду, погибать.

-С нами идущий прославлен да будет! - провозгласило Славословие.
-А мне слава ни к чему, - говорит Сенька. - Я просто мимо иду.
-Слава согласия не спрашивает, она сама выбирает, - говорит Пословица.
-Ну, это ништо, - отвечает Сенька. - Я буду выбирать. Так и быть, возьму с собой
Слово - в чужих местах сгодится. А остальные - дальше идите.
-Нам врозь нельзя, - говорит Слово.
-Либо все вместе, либо никак, - говорит Условье.
-Куда иголка, туда и нитка, - говорит Пословица.
-Неразлейвода, - говорит Словечко.
-Мы - Словесность, - говорит Словарь.
-Мы взаимоспособствуем, - говорит Словцо.
-Мы друг другом сильны, - говорит Присловье.
-Нами владеющий силы свои приумножит! - сообщает Славословье.
-А я и так не слаб, - говорит Сенька. - Меня только тронь!
-Ошибаешься, - говорит Слово.
-Путаешь, - говорит Словечко.
-Темнишь, - говорит Словцо.
-Сильная рука свалит одного, сильный ум - тысячу, - говорит Пословица.
-Дурак - сам себе враг, - говорит Присловье.
-Одно слово не найдешь, - говорит Условье, - можешь все потерять.
-Слово - основное средство человеческого общения - говорит Словарь.
-Слава словам! - провозглашает Славословье.
-Дык и я о том же! - сердится Сенька. - Мне только Слово и нужно. Остальные - пусть себе идут. А не хотите - привет вам от меня. Шумно с вами.
И пошел Сенька своей дорогой.
-Пожалеешь, - сказал Слово ему вслед.
-Накажешься, - сказал Словечко.
-Наколешься, - сказал Словцо.
-Не в коня корм, - сказал Присловье. - Слезами умоешься.
-Глупым слыть - битым быть, - сказала Пословица.
-Сколько знаешь, столько и сможешь, - сказал Условье.
-Нонсенс, - сказал Словарь. И пояснил: - Бессмыслица, глупость, нелепость.
-Глупость - это надолго! - воскликнуло Славословье. - Ах, это так надолго! Может быть, даже навсегда!
-Не ваше дело! - грубо откликнулся Сенька. И ушел. Конечно, ушел он не далеко. На

первом же повороте остановили Сеньку местные жители:

-Чей будешь?

-Не ваше дело, - отрезает Сенька.

-Откуда идешь?

-Не ваше дело, - отвечает Сенька.

-А далеко ли?

-Не ваше дело, - повторяет Сенька.

-А что ищешь?

-Не ваше дело, - твердит Сенька.

Местные жители взяли его крепко под руки и спрашивают:

-А что ты видел? А что ты знаешь?

-Не-ва-ше-де-ло! - Сенька вырывается. - Невашедело! - Других слов у него нет.

-Не знает культурного обращения, - говорят местные жители. - Надо поучить.

Поучили и отпустили. Идет Сенька, побряхтывает, постанывает, почесывается. Пытается вспомнить, что же такое надо было говорить местным-то. Да не может: голова болит, и те слова, что знал, - все напрочь забыл, и от которых отказался - тоже почему-то не вспоминаются. А на втором повороте встречают его новые жители:

-Чей будешь?

Молчит Сенька.

-Откуда идешь? Далеко ли? Чего ищешь? А что видел? А что знаешь?

На все вопросы молчит Сенька.

-Да он глухой! - кто-то говорит.

-Нет, он немой, - кто-то возражает.

-Он просто шпион! - кричит третий. - Бей его!

-Ой, не надо! - сразу отвечает Сенька. - Меня только что били.

-А за что?

Подумал Сенька, что им ответить, подумал, ничего не придумал и говорит:

-Не ваше дело.

-Тогда ясно, - хмурятся местные. - Словесности тебя обучали. Изячной беседе с приличными людьми. Но не доучили. Надо еще.

Поучили и отпустили.

Ковыляет Сенька, а впереди - третий поворот. Нет, думает, спешить не будем. Сел и давай вспоминать слова и словечки, пословицы да присловья. Сидел, сидел - ничего не высидел. Откуда вынешь, если не положено?..

Решил Сенька поворачивать назад. Лесом, лесом - дойти до того места, где

Словесность оставил, извиняться да просить: не пойдете ли со мной? Туговато без вас среди населения.

Ломится Сенька через лес, потому что боится по тропинке, и слышит, как деревья шумят: "Ш-ш-шут горох-х-ховый!", птички свистят: "Про-стак! Про-стак! Пу-стак! Пу-стак! Ду-ра-чина! Ду-ра-чи-на!", ветерок в самое ухо шепчет: "Прощ-щ-щиталс-с-ся! Пос-с-спе-ш-ш-ши!.."

Но как Сенька ни спешил, а на старом месте только эхо застал.

-Опоздал! - слышится с одной стороны.

-Прозевал! - слышится с другой.

-Профукал! - слышится с третьей.

-Не хлопай ушами!

-Не плюй в колодец!..

-Парадокс - это неожиданное явление, способное изменить ваше мнение...

-Если долго мучиться, что-нибудь получится!

-Слава тем, кто ищет, слава тем, кто находит!..

Стоит Сенька в печали, слезами умывается, всё, что здесь слышал, вспоминает, и бормочет:

-Слепой был. Глупый был. Битый стал. Парадокс постиг. Словесности жажду. Искать буду!

И побежал искать Словесность. С большой котомкой наготове - слова в нее собирать.

Не встречали Сеньку с котомкой?

НЕСНОСНЫЙ ШНУРОК

Шли два брата - Нетерпеливый и Терпеливый. Родились они близнецами, отличались только характером, даже одежду носили одинаковую.

Вот они идут. Терпеливый посвистывает да поглядывает по сторонам. Жара ему нипочем, ветер ему не досажен: галстук наружу выбьется, Терпеливый обратно под куртку его затолкает - только и всего. А Нетерпеливый изводится, сам не свой. У него на новом ботинке через каждые 29 шагов развязывается шнурок - спасу нет! Уж он его и затянет, и перетянет, и ослабит, и на два узла, и по-морскому - всё только на 29 шагов. Думает Нетерпеливый: "Не поменяться ли шнурками с братом?" Да неудобно. Брат скажет: "Что за глупости?" Думал, думал Нетерпеливый и придумал. Говорит:

-Братец! Тебе ботинки не жмут?

-Не жмут. А что?

-Давай поменяемся на пробу. Мои жмут.

-Ну, давай.

Поменялись.

-Ну, что, не жмут?

-Не жмут.

-Вот и хорошо.

Пошли дальше. Теперь у Терпеливого шнурок развязывается. А он все равно посвистывает. Пройдет 29 шагов, завяжет шнурок - и дальше свистит.

Смотрел на это Нетерпеливый, смотрел да и спрашивает:

-Не надоело?

Брат говорит:

-А ничего. Подносится, оботрётся, будет держать.

Шли-шли... Не снашивается шнурок. А Терпеливый все посвистывает да подтягивает. Брат опять спрашивает:

-Не надоело?

-Надоело! - Терпеливый засмеялся, выдернул шнурок из ботинка, бросил на дорогу и дальше пошел, посвистывая.

Лежит шнурок, сучает, пыль его заносит. Скоро ему конец, потому что уже один кончик из пыли торчит. Тут идет Рассеянный. Он братьям навстречу попался, не заметил, что один без шнурка, потому что у самого шнурков нет вовсе. Идет, пыль ногами гребёт. Выгреб новый шнурок, обрадовался:

-Не было вовсе, теперь есть один. А там и второй найду.

Втянул шнурок в правый ботинок, погреб дальше. Прошел 29 шагов, шнурок развязался. Рассеянный не заметил. Шел-шел, совсем шнурок из ботинка вымотался, упал на дорогу впереди Рассеянного. Он обрадовался:

-Вот и второй нашел!

Зашнуровал левый ботинок, пошел дальше. Шнурок и тут развязался да так выпал, что новый хозяин и не заметил.

Валяется шнурок уже на мостовой и радуется: пыли нет, теперь быстро найдут. Но дело-то в городе. У всех свои шнурки, все спешат, никто под ноги не смотрит. Долго шнурок лежал, все на него наступали, но к вечеру всё же подборщик нашелся. Скупой.

Шнурки у Скупого - все на узлах, до того износились. Еще, наверно, с прошлого века. Он находке обрадовался, один старый шнурок из ботинка вытянул кое-как, в карман спрятал, а новый - на его место.

Идет Скупой, гордится. Прошел 29 шагов - развязался шнурок.

Сто раз его Скупой завязывал, на сто первый сказал:

-Ты упрям, да я упрямее. Тебе нет сносу, а мне это и наруку. Я хоть всю жизнь буду наклоняться, а тебя не брошу.

"Ничего, - думает шнурок, - ещё посмотрим".

Сто дней прошло, шнурок не снашивается и не перетирается, 290 тысяч раз наклонился Скупой, а все не сдается:

-Врешь, - говорит, - я тебя упрямее!

На сто первый день к вечеру закружилась у Скупого голова, когда он к шнурку наклонялся, и полетел он с моста в реку. Народу рядом было много, спасли Скупого, однако шнурок он потерял в реке, вместе с ботинком. То-то горевал!

Плывет ботинок по реке, шевелит концами шнурка, будто усами, рыбы его боятся. Так и доплыл до океана.

Тут легко догадаться, что ботинок проглотила вечно голодная акула, а ее поймали рыбаки и вытащили на берег. Шкуру крепкую акулью осторожно сняли, чтобы сделать барабан, а потом заглянули в брюхо, потому что знали: глотает эта хищная тварь что попало. От ботинка нашли одни гвозди да подковки полупереваренные, а вот шнурок был целехонек.

-Хорошая вещь, - сказал самый старый из рыбаков, - но я знаю эти синтетические шнурки. Они развязываются на 29-м шагу.

-Чем же тогда эта вещь хороша? - спросил молодой рыбак.

-Ты уже не ребёнок, - сказал старик, - но ты еще и не мужчина. Заведешь детишек - поймёшь.

И он отдал несносный шнурок своей малолетней внучке. И внучка была очень рада новой игрушке, из которой можно сделать и червячка, и колечко, и ручеёк, и бантик, и много-много всякого, особенно подразнить котенка.

А через день внучка сказала:

-Дедка, принеси мне еще такой шнурок.

-Потеряла? - спросил дед.

-Не-а. О весь изойвался.

Когда Кунг заканчивает историю про шнурок, он всегда спрашивает: "Ну, который же из них - Сенька?" И никто из нас с первой попытки не угадал. Сразу называли брата Нетерпеливого. Потом - Терпеливого. Потом - Скупого. Пока всех не перебирали, кроме внучки. И оказывается, что Сенька - это старый рыбак. Уже мудрый, уже дед. Вот так человек меняется за жизнь.

Но это ОДИН человек может за ОДНУ свою жизнь измениться до

неузнаваемости. Или один зверь, да-да. А целый народ - человеческий или звериный - меняется очень медленно. Народ может даже погибнуть, потому что не успел измениться.

Но о целом народе в короткой истории много не расскажешь. Поэтому сейчас будут две длинные, на несколько ночей.

Кунг всегда рассказывает, как кино показывает. Посмотришь, послушаешь - да и заснёшь крепко. А ему того и надо. Ему спешить по делам. Всю родню обойдёт, с другими кунгами посоветуется, а когда опять задремлешь некрепко, придёт досказывать.

КАМНЕЕД

ПРИСКАЗКА ПЕРВАЯ

Большой, зелёный, под землёй живёт, камнями питается - кто?

Ответ: Большой Зелёный Камнеед.

Что будет с камнем, если бросить его в бездонный колодец?

Ответ: Его проглотит Камнеед.

(Загадки народа Безоли)

ПРИСКАЗКА ВТОРАЯ

Если не ошибаюсь, эта жуткая история произошла сказочно давно. Однако правнук моей покойной прабабушки помнит её очень хорошо, а ему я вполне доверяю.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Прежде чем расскажу историю Камнееда, я должен сделать пояснения. А вам советую прочитать их внимательно, иначе потом не всё поймёте.

Перенесёмся в те времена.

Посреди Индийского океана, под двадцатым градусом южной широты, процветает независимая республика Безоко. Островов два - Оро и Оло. Пролив между ними настолько узок, что не разъединяет, а соединяет их, как быстрая речка, через которую сильному человеку легко перебросить камень. Не очень, правда, большой. Местность кое-где скалиста, кое-где лесиста, небо всегда чисто, как, наверно, в раю. Растения и животные в этом раю разнообразны и красивы. Люди и животные живут в согласии, друг друга не едят, а питаются

плодами, которые свисают с деревьев и торчат из земли повсюду во множестве. Ананасы, бананы, манго, папайя, мамея, морковь, репа, различные орехи, груши, дыни, патиссоны, картофель, конечно... да зачем их все перечислять: главное, что всем хватало. Под двадцатым градусом южной широты не растут только клюква да берёза, столь полезные от простуды, но на островах Старой Посейдонии никто и не знает, что такое простуда. Достаточно взглянуть на глобус, чтобы понять, что в раю климат нисколько не лучше, чем в доброй Старой Посейдонии.

Республика Безоко ничего не производит, не ввозит и не вывозит, потому что ни деньги, ни товары здесь никого не интересуют. Здесь у всех всё есть: еды довольно круглый год, одежда не нужна, потому что всегда тепло, и переночевать можно под любым деревом. Здесь нет письменности, бумаги, карандашей, чернил и прочего: быстрее дойти до человека и поговорить, чем посылать ему письмо. Из всех наук изучаются только сказки. Зато изучают эту науку всю жизнь. Самые первые люди в республике - те, кто знает сказок больше всех и лучше всех умеет рассказывать. Таких людей избирают Советчиками. И во всём слушаются. А чтобы стать Главным Советчиком, нужно самому сочинить больше всех сказок. Например, лучшим Советчиком всех времён считается Незабываемый Анс. Он жил давным-давно, оставил после себя двести две сказки, причём все до единой - стихами.

Океаны, свет и небеса
Льются без начала и конца,
А из них, живая, не спеша,
Вечная рождается душа...

Здорово, да? Но сейчас не до сказок. Продолжим. Население островов имеет постоянную численность, не знает болезней. Называть этих людей можно дикарями, папуасами, аборигенами, старопосейдонцами, безоками, хоть марсианами - они не обидчивы, они всё равно знают больше. А сами себя они для разнообразия именуют по месту проживания: на острове Оро живут оряне, на Оло - оляне, просто и коротко. Да и эти названия ничего не значат. Вы можете всю жизнь прожить на Оло, а завтра переплыть пролив и на пару дней (или до конца жизни) стать орянином. Очень удобно. Даже акулы, которыми так знаменит Индийский океан, не помешают вам в этом деле, потому что акулы в пролив никогда не заходят. (Видимо, причина в том, что обе реки Старой Посейдонии - Жила и Жула - сбрасывают свои пресные воды как раз в самую середину пролива, и два непривычных пресных потока, извергаемых проливом в разные стороны, вызывают у океанских хищников недоверие и страх).

Короче говоря, вы уже заметили, что лучшего приюта для бездельников на Земном шаре не найти. Но как раз бездельников на островах и нет.

Можно сказать, что граждане Старой Посейдонии - люди высокой физической культуры. Самые страшные их сказки посвящены бездельникам, которые погибают от голодной лени рядом с едой. Или обжорам, которые носят на руках собственные животы и никогда не бывают, бедняги, сытыми.

В Безоко нет толстых!

В Безоко передвигаются только бегом!

В Безоко каждый день, перед обедом, проводятся островные соревнования по какому-нибудь виду спорта, а каждое полнолуние - первенство страны.

Виды спорта здесь разнообразны. Главное место в них занимают быстрота и выносливость. Например, кольцевой забег по береговой линии с двукратным переныриванием пролива чемпион страны осиливает всего за сутки, а чемпионка отстаёт от него всего на пол-деления (по солнечным часам). Лучший результат в нырянии через пролив - пять ударов сердца. Лучший прыжок в высоту - на три головы выше своего роста. В длину с места - два своих роста. С разбега - четыре. Вы не станете чемпионом, если подтянетесь на руках только пятьдесят раз. Но вы прославите своё имя, если сумеете проплыть от устья пролива до устья впадающей в него реки Жилы: из-за быстрого течения это ещё никому не удавалось. Вас будут уважать, если вы на одной ноге допрыгаете до вершины Холма. Вас будут почитать, если вы взбежите на Холм, используя руки вместо ног. Есть на островах борьба, которая напоминает самбо, но без болевых приёмов. Есть метание и толкание камня, размером равного голове человека - этот вид спорта особенно нравится молодёжи. И совсем нет кулачного боя и поднятия тяжестей - это считается вредным.

Есть на островах соревнования по танцам, которые, правда, запрещено проводить больше двух суток подряд. Есть конкурсы певцов и сказочников. Раз в год проводятся концерты шутников (считается, что шутка - дело серьёзное, его наскоро делать нельзя).

Ещё немало интересного можно порассказать о нравах Старой Посейдонии, но это как-нибудь при случае, потому что пора переходить к делу. Сейчас займёмся делами не столь весёлыми, как хождение на руках, и ещё более серьёзными, чем сочинение шуток.

Поговорим о делах, которые потрясли Посейдонию.

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

Принцессы бывают сказочно прекрасны. Герои - сказочно отважны. Колдуны - сказочно богаты. Короли, как правило, сказочно глупы.

Большой Зелёный Камнеед был сказочно несчастен. Всех крупных животных на Земле давно описали учёные, некоторых даже успели истребить охотники, а Камнееда не

знал никто даже в родной Посейдонии, потому что он водился только там и к тому же существовал всего в одном экземпляре, а жил под землёй, на глубине шестнадцати метров и ни разу на поверхность не поднимался.

Он, может, и поднялся бы, да не знал о ней ничего.

Камнеед вообще ничего не знал, кроме того, что камни можно есть. Он не знал своего имени - некому было позвать. Не знал, что он - Большой - не с кем было сравниться. Не знал, что он - Зелёный, потому что под землёй всегда темно. Не знал, откуда появился. Не знал, есть ли в темноте другие камнееды, а если бы встретил, то ни за что не узнал бы, потому что... Ну, в общем, понятно.

Вот чего у Камнееда было много, так это мыслей. Каждую мысль он продумывал множество раз. Возвращался к старым мыслям, чтобы возникли новые. И очень любил это занятие - думать. Да и понятно: чем же ещё заниматься в одиночестве, в тёмном подземном мире?! Думай себе и думай. Да грызи камни на здоровье.

О чём же мог думать самый одинокий из зверей в тёмной подземной глубине?

В том-то и дело, что там не было совсем уж темно, а Камнеед - это не слепой крот, у него нормальные зрячие глаза. К тому же он всегда разговаривал сам с собой. И это тоже понятно: заговоришь сам с собой, если больше не с кем.

- Как был бы интересен мир, если бы вот эти твёрдые, не очень вкусные камни светились поярче, - бормотал Камнеед, разгребая залежи какой-то металлической руды.

- Как, должно быть, прекрасно выглядело вот это, если оно когда-то было живое, - говорил он, вглядываясь при свете гнилушки в отпечаток папоротника на угольной глыбе. А потом со вздохом глотал эту вкусную и аппетитную пищу.

Камнеед был мечтатель. Он никогда не спал и поэтому не мог наслаждаться снами. Да и что бы он увидел во сне? Темноту да бледные вспышки рудного излучения и гнилушек вековой давности. Зато мечты его были яркими и совершенно необыкновенными - для такого простого подземного существа. Когда его могучие лапы раздвигали горные породы, в скрежете камней ему чудились чьи-то певучие голоса, которые пытались что-то ему объяснить, о чём-то пели, куда-то звали. Однажды под ним обрушился свод глубокой пещеры, вымытой в кислом известняке грунтовыми водами. Камнеед узнал, что такое полёт вниз. Он падал, кувыркаясь и размахивая лапами в пустоте. Такое случилось в его жизни всего однажды, но хватило на бесконечное множество придуманных полетов - и вверх, и в стороны, и кругами. Часто случалось ему слышать журчанье подземных рек и ручьёв, гул подземных морей, доступный только утончённому слуху мечтателя...

По довольно о Камнееде. Пока его беспокойное время не настало, надо обязательно вспомнить об одном событии, которое произошло на островах Оро и Оло примерно за год до

того, как Камнеед свалился в пролив.

Тогда выдался один необыкновенно жаркий месяц. Не было на небе ни облачка. На первенстве страны не удалось поставить ни одного рекорда, за исключением ныряния в длину по течению. Да и то чемпион просил не считать его результат рекордным, потому что, как он сказал, "просто не хотелось выставлять из воды голову и глотать эту жару".

А после жары всё и началось.

Три дня дрожала земля, а воздух будто помертвел. Потом всех на острове - и людей, и животных - охватил неодолимый панический страх. У некоторых стариков даже было плохо с сердцем.

"Голос моря", - говорили старики. - Быть беде.

За горизонтом слышался гул, который не нарастал, а как бы шел мимо. Вдали над океаном появилась бесконечно длинная гряда чёрных туч, но и они не пошли к островам.

На четвёртый день там, откуда слышался гул, возникла белая полоска. Она двинулась прямо к островам Старой Посейдонии. Это была Волна. Раз в несколько лет она непременно приходила, но никогда не причиняла бед, потому что не могла осилить крутые скалистые берега. И теперь тоже люди ждали её без страха. Знали, что она - всего лишь след большого далёкого шторма, ломавшего корабли и деревья где-то за горизонтом. Вместе с волной ждали обломков, по которым можно было догадаться о малой части больших бед, обрушенных океаном на кого-то вдалеке.

"Голос моря" уже смолк, и страхи оставили людей, но старики продолжали твердить своё: "Быть беде".

Волна пришла и ударила в скалистые берега. Каменная твердь содрогнулась, но устояла и отшвырнула Волну обратно в океан. Волна послушно схлынула и усеяла пляж принесенными обломками. Люди на всякий случай подождали её возвращения (такое иногда бывало) и, не дождавшись, высыпали на пляж - посмотреть и обсудить обломки.

То были, как всегда, обрывки рыбацких сетей с самыми различными поплавками, обломки мачт с обрывками снастей, доски с заржавленными гвоздями и прочий хлам, пригодный в этом райском месте разве что для костра. Но была и диковина.

В прошлые годы случалось, что Волна приносила тела захлебнувшихся людей, привязанные к доскам и брёвнам. Их, по обычаю, с тяжёлым камнем на ногах опускали в океан с обрыва на самом глубоком месте. (Есть народы, которые предают покойников огню, другие скармливают земным червям, третьи съедают сами, а в Старой Посейдонии их отдавали рыбам и крабам - не самый плохой обычай).

На этот раз Волна оставила на песке плотик с живым человеком. Точнее сказать - с едва живым. Приведа в чувство согревающим растиранием, его разглядели.

Человек был невелик ростом, уважительно худощав, лохмат, спокоен и, казалось, вовсе не огорчён своей печальной участью.

Конечно, первое чувство всякого спасённого - радость. Но из этой радости всегда выглядывает печаль: по родине, по утраченным друзьям, по оставленным делам, по имуществу, наконец. И хотя народу Безоко тоска по имуществу незнакома, даже этого мелкого чувства люди не увидели в глазах спасённого. Взгляд его был прост и бесконечно безмятежен. Даже у новорождённого младенца больше забот, чем было у обладателя этих удивительных светлых глаз.

Что первое он сделал, когда очнулся? Похлопал себя по груди слабой ладонью и произнёс: "Трон". На это имя потом и откликался.

Гость ел и пил, что давали, и всегда слабо улыбался. Но его улыбку никто не мог понять. Она не выражала ни радости, ни благодарности, ни обыкновенного веселья. ПРОСТО улыбка. Представляете? Да, это трудно представить. Всё дело - в глазах.

Через месяц он запомнил почти все слова их несложного языка. А ещё через месяц старый сказочник Унс, который помогал ему привыкать к новой жизни, рассказал своей жене Уне удивительную историю.

- Вчера я закончил работу над новой сказкой. Это помню весьма хорошо. Дело было сразу после обеда. Ты ведь знаешь, какая у меня память...

- Ох, - сказала Уна со смехом, - что было до обеда, а что после, могу и я рассказать тебе - хоть за целый месяц. Почему ты говоришь о таких пустяках?

- А ты дослушай, тогда поймёшь. Я закончил сказку и решил испробовать ее на прищельце. "Трон, - сказал я ему, - ты послушаешь мою сказку?" Он улыбнулся и кивнул. Я спел ему сказку, подождал немного, чтобы его мнение успело сложиться, и только открыл было рот, чтобы обратить его внимание на одно важное для меня место, как вдруг почувствовал, что не знаю, о чём хочу спросить.

- Да как же это так? - Уна нахмурилась. - Ты ещё не нашёл слов для вопроса, а уже открыл рот?

- О нет, гораздо хуже! Как видишь, я подробно помню всё, что тогда происходило, но я НЕ ПОМНЮ СВОЕЙ СКАЗКИ! Да-да, я забыл её начисто, едва только закончил петь.

Уна посмотрела на него с подозрением.

- А что сказал о твоей сказке Трон, ты помнишь?

- В том-то и дело, что он не сказал ничего! Когда я замолчал, он улыбнулся и стал смотреть куда-то вдаль, поверх моей головы. Я даже оглянулся - узнать, что он там разглядывает. Но не заметил ничего достойного, кроме двух мальчишек, которые учились бегать на руках.

- Но ты спросил его о сказке?

- У тебя нет ума! - рассердился Унс. - Как же можно спрашивать о том, чего сам не знаешь?!

Уна тоже рассердилась.

- В таком случае, - сказала она, - тебе надо хорошенько подумать, сочинял ли ты вообще что-нибудь. А то: "Работал над сказкой!.." Может, ты и остальные свои сказки забыл?

- Нет, - он вздохнул, - я их не забыл.

- Тогда тебе надо хорошо выспаться, - сказала Уна. - А потом немного понырять в проливе - это успокаивает. Только ныряй в тихом месте, между устьями рек. Не забывай хотя бы, что ты уже не юноша.

Огорчённый Унс улёгся под кустом жасмина.

ЯВЛЕНИЕ КАМНЕЕДА

Вот и пришло его время.

Постоим на орянском берегу пролива и посмотрим на ту сторону, где скалы нависают над водой высоким обрывом. Год назад, когда океанская волна принесла на остров плотик с Троном, она в этом месте не поднялась и до половины обрыва, не сорвала с него и малого камушка. Эти косые гранитные рёбра кажутся несокрушимыми и неприступными. На самом верху они подпирают плодородный слой почвы, на котором буйно зеленеет дикий тропический лес.

Но вот, кажется, мы и дождались. Посмотрите, посмотрите вон туда, шестнадцатью метрами ниже леса. Видите, каменное ребро будто бы дрогнуло? А вот уже заметны трещины, посыпались мелкие обломки... Ещё удар изнутри - летят большие камни и с тяжёлым плеском исчезают в быстрой воде. Дрожат наверху деревья. Быстро освобождается в несокрушимой скале пролом и в нём показывается оскаленная пасть с острыми сверкающими зубами. Две огромные кротиные лапы загребают с боков те обломки камней, что не успели сорваться вниз, и ловко забрасывают их в пасть. С непередаваемым хрустом чудовище жуёт камни, высовывает из пролома тяжёлую бронированную голову и вытарачивает удивлённые глаза. От яркого света глаза часто моргают, от неожиданности пасть перестаёт жевать, а лапы тем временем, будто сами по себе, делают ещё несколько движений. Вслед за короткой шеей появляется мощное туловище, одетое в тёмно-зелёную броню. Передние лапы теряют опору, задние делают ещё толчок, и Большой Зелёный Камнеед обрушивается в пролив.

Такого зверя никто на Земле ещё не видел, мы первые. Но не будем забывать, что у всех жителей нашей планеты есть некоторое сходство между собой. По этому сходству мы, люди, соединяем их в отряды, виды, подвиды и ещё по-разному. На кого же походит то чудо, которое сейчас ахнет в воду? Пожалуй, на десятиметрового крокодила, только без хвоста, лапы и туловище - мощнее, а голова - много крупнее и короче. Ну и броня - спереди очень жёсткая, а по туловищу более гибкая, для ловкости... Всё! Извиваясь и восторженно взрывывая, чудище исчезает в волнах. Конец ему!

Но не тут-то было. Вынырнув и оглядевшись, оно плывёт к нашему берегу, потому что разглядело неширокий пляж, на который легко выбраться. Давайте на всякий случай исчезнем.

...Быстрое течение немного снесло Камнееда, но он всё же успел попасть на самый край песчаного пляжа. Вылез на сушу, лёг и огляделся. В его глаза никогда не попадало столько света, они всё ещё моргали и уже немного болели. Камнеед быстро научился щуриться, и ему стало легче.

Мир, который он выдумал и о котором мечтал во тьме, явился вокруг него! Это показалось бы сном, если бы Камнеед знал, что такое сон. Но это могло оказаться яркой выдумкой. Такой, какие бывают, если очень сильно удариться головой...

Камнеед закрыл глаза и решил полежать без движения.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Он долго не открывал глаз и думал.

Сначала попробовал вспомнить, ударялся ли головой. Нет, не ударялся. Правда, только что упал в воду с немалой высоты. Но о каменный пол пещеры он когда-то ударился куда сильнее, чем сейчас о воду. И то виденья не были такими яркими. К тому же здесь они появились ещё до падения.

Он лежал у самой воды и хорошо слышал её плеск и журчание. Для верности нащупал воду лапой и пошлёпал: настоящая, много. Это из неё он только что вылез.

Тогда Камнеед подумал ещё и лизнул песок, на котором лежал. Вкус обыкновенный. Тогда он вспомнил, что полоса песка неширока, а дальше виделся каменный массив. Он слегка приподнял одно веко и увидел что-то напоминающее каменную стену. Пополз туда, хоть и боялся снова провалиться. Не провалился. Дополз до камней и куснул.

Нет! Это не было видением! Он попал на самый край своего мира: дальше была пустота, а из пустоты лилось бесконечно много света!

Больше Камнеед не раздумывал. Могучими задними лапами, которые были почти вдвое длиннее передних, оттолкнулся и, высоко подпрыгнув, полез по каменной стене наверх. Раньше он только думал, что есть такое направление - вверх, но пробираться туда внутри скалы было неудобно да и не нужно: камни - везде камни. Так и ползал на 16-метровой глубине. Теперь же каменная стена сама вела его кверху, и двигаться было легко, ничего не раздвигая, ничего не прогрызая: знай погружай когти в скалу.

Он мигом поднялся на обрыв, глотая на лету обрывающиеся камни, удивился вкусу плодородной почвы и восхищённо замер среди раскидистых магнолий, на которых как раз цвели и благоухали крупные белые цветы. Это было сказочно красиво, как и свежая трава, на которой он лежал.

- Я такой же, как вы! - вскричал Камнеед, оглядывая себя.

Он обнаружил, что пластины его брони и формой, и цветом схожи с листьями магнолии, поэтому, конечно, попытался заговорить с ближайшим деревом. Но дерево говорить не умело. Оно только красиво шелестело на ветру большими тёмно-зелёными листьями.

- Что ж, - огорчился Камнеед, - видно, у вас другие слова, для меня непонятные. К тому же вы совершенно не умеете ходить. Очень жаль. Вероятно, мы слишком дальние родственники.

Не будем удивляться, что Камнеед знает столько слов. Он ведь очень много думал - вот и выдумал. Вспомним, что и светлый мир, о котором он мечтал под землёй, оказался точно таким, как он представлял. Поистине сказочное совпадение. Или перед нами просто сказочно талантливый зверь. Не будем же удивляться, если сейчас Большой Зелёный Камнеед встретит человека и запросто с ним заговорит.

- А этот цветок самый большой, - сказал Камнеед, глядя вверх.

- Я не цветок, - раздался тонкий голосок. И цветок двинулся.

- Ах, - воскликнул Камнеед, - неужели я наконец разговариваю не с собой?

- Конечно, нет, - ответил цветок. - Ты разговариваешь со мной.

И цветок немного спустился с магнолии.

- Кто же ты? - спросил Камнеед.

- Я - Оль. А ты кто?

- Я не могу этого сказать, - Камнеед вздохнул. - Я об этом и сам думаю.

- А чем ты занимаешься? - спросила Оль.

- Я живу, - ответил Камнеед.

- Где?

- Там, - Камнеед похлопал до траве лапой.

- В земле? А что ты там делаешь?

- Думаю. И ползаю.

- А когда выходишь наверх? Днём или ночью?

- Что такое: "Днём или ночью"?

- Ночью темно, а день - это сейчас.

- Я наверху впервые, - сказал Камнеед. И добавил: - У меня там всегда ночь".

- Это неинтересно, - сказала Оль. - Это грустно.

- Да, - согласился Камнеед.

- Что же ты там ешь?

- Камни.

- Значит, твоё имя - Камнеед. Ты согласен?

Камнеед охотно согласился.

- Но вот ещё что, - сказала Оль. - Если под землёй есть другие камнееды, значит нужно, чтобы у всех были разные имена. Иначе выйдет путаница. Ты согласен?

- Это мудро, - ответил Камнеед. - Я вижу, что ты знаешь намного больше меня. Поэтому, Оль, называй как хочешь, я согласен.

Она подумала и решила.

- Полное имя, пожалуй, тебе такое: Большой Зелёный Камнеед. Потому что на наших островах больше тебя нет никого. И зелёный ты тоже один.

- Очень хорошо, - сказал Камнеед. - Теперь ты расскажи мне о себе. Здесь ещё есть такие, как ты?

- Да, конечно. Нас таких много. Мы - люди.

- Как же тогда твоё полное имя?

- Девочка Оль. Но давай лучше будем называться как друзья: ты - просто Камнеед, а я - просто Оль.

- А что такое "друзья"?

- Друг - это тот, кому ты веришь. Друзья всегда и во всём верят друг другу. А есть ещё ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ. Это значит, что они готовы друг за друга умереть.

-О, - сказал Камнеед, - я знаю, умереть - это страшно. Но всё равно я хотел бы иметь Лучшего Друга. - Он подумал немного и спросил: - Как же нам быть друзьями? Ведь ты живёшь там, наверху?

- Нет! - Оль засмеялась и прыгнула на траву. - Я просто сначала испугалась, что ты меня съешь. Вот и влезла на дерево.

- О нет, - сказал Камнеед, - я не съел бы даже самый вкусный камень, если бы он со мной заговорил. А ты ведь мой друг. Да к тому же несъедобна.

- Но ты очень страшен, - объяснила Оль. И спохватилась: - То есть, такой вид, как у тебя, люди считают страшным.

- Как жалко, - вздохнул Камнеед. - Значит, от меня все будут убегать? И ты бы убежала, если бы не сидела на дереве?

- Да, - призналась Оль. - Я туда влезла, чтобы сорвать цветок.

- Сорви и мне, - попросил Камнеед.

Оль поднесла ему свой цветок на ладошке и положила на бронированный нос.

- Спасибо тебе, - сказал Камнеед и понюхал цветок. - Это замечательно, когда друг делает другу такой подарок. Теперь возьми его себе, в подарок от меня.

Оль взяла цветок и спросила:

- Можно мне тебя потрогать?

- О да! - воскликнул Камнеед. - Это очень дружески будет!

И Оль погладила его по зелёному лбу, который был прочнее любого камня.

- А знаешь, - сказала она, - ты совсем уже не страшный. Ты добрый.

Большой Зелёный Камнеед шумно и глубоко вздохнул. Ему показалось, что он сейчас умрёт от удовольствия, потому что столько радостей, как теперь, у него не случалось за всю жизнь.

- Ты опять уйдёшь под землю? - спросила Оль. Камнеед задумался. Потом признался:

- Я очень много ем. А здесь у вас красиво, но голодно.

- Значит, уйдешь...

- Да нет! Мне и самому туда не хочется. Ведь много еды - это ещё не всё, что нужно...

Я поживу тут внизу, под обрывом. Меня не прогонят твои люди?

- Они только могут испугаться, - сказала Оль. - Но ты их не бойся. У нас никто никого не убивает. Правда, есть один, которого все боятся...

- Он не людь?

- У нас один из людей называется человек. Нет, он человек.

- Но он ест человеков?

- Нет... Я сама не знаю... Я ещё маленькая. Только знаю, что его надо бояться.

- Он может тебя обидеть? - спросил Камнеед грозно.

- Говорят, он маленьких не обижает.

- Значит, больших? Ты вырастешь...

- Да я его и не видела никогда. Не знаю. Но он никого не ест, это точно.

- Тогда ладно, - Камнеед успокоился. - Он, наверно, просто страшен с виду, как я... Но если будет нужно, зови меня.

- Да, - Оль улыбнулась, - с тобой никто не справится...

Они поболтали ещё немного о разных вещах. Оль рассказала Камнееду несколько сказок, и они ему очень понравились.

Когда упал короткий южный вечер, Оль побежала домой, а Камнеед спустился на пляж, перекусить.

Они так и не заметили, что из близких зарослей жасмина за ними внимательно следил своим безмятежным взглядом невысокий худой человек по имени Трон.

ГОЛОС

Пища на краю земли была не так свежа и не так вкусна, как в глубине. Однако желудок от этого не страдал, и, значит, с этим можно было примириться.

Камнеед прилёг в том месте, где сходились песок пляжа, вода и скала, похрустел гранитом, но жевать ему быстро надоело. Вернее, он просто забыл об этом.

Южные сумерки быстро сгустились в черно-синюю тьму, наполненную светом звёзд. Самые яркие руды под землёй не шли в сравнение с этим зрелищем. А когда поднялась полная Луна, Камнеед забыл не только еду, но и самого себя.

Луна двигалась! Она была живая!

Он негромко заговорил с ней, но она не услышала. Он позвал погромче, так что дрогнули скалы. Но ответа не получил.

- Не слышит, - огорчился Камнеед.- Или не понимает... Ладно. Может быть, увидит меня и тогда заговорит. Буду ждать.

Он стал смотреть на Луну. Она поднималась всё выше и уменьшалась. Камнеед испугался, что это она уходит, но она, будто услышав, перестала уменьшаться и посветлела.

Он всю жизнь смотрел бы на Луну, на её отражение в воде, и ему бы никогда не надоело. Но тут раздался негромкий Голос.

- Большой Зелёный Камнеед, - прошелестело откуда-то сверху.

Его звали по имени! Но, кажется, это была не Оль.

- Кто говорит? - спросил Камнеед.

- Это говорит Ночь. Слушай и запоминай.

- А можно тебя увидеть?

- Ты видишь меня. Я вокруг. Слушай и запоминай... Завтра у людей большая охота...

- Что такое "охота"?

- Ловить других, чтобы съесть.

- Я знаю, люди не едят друг друга.

- Завтра ты увидишь охоту. Спаси Трона. Он твой друг...

- Но Оль мне говорила...

- Оль знает не всё. Спаси Трона. Никуда не уходи.

- Ладно, - сказал Камнеед, - спасу, если смогу. Только никого съедать я не буду!

- Это не нужно, - ответил голос. - Помоги Трону...

И до самого рассвета Ночь после этих слов молчала, потому что на краю обрыва Трон спрятал трубку, через которую шептал, отошёл в свои кусты и заснул.

А бессонный Камнеед следил за движением Луны и пытался понять, что же такое он услышал от Ночи. Но так ничего и не понял.

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Для сна Трон нарочно выбрал такое место, чтобы первый же лучик Солнца попал ему в лицо. Поэтому поднялся он рано, стряхнул на себя побольше росы, чтобы не бегать к роднику, осторожно выглянул с обрыва и, убедившись, что зелёное чудовище мирно расширяет пляж, побежал в другую сторону.

- Большая охота начинается, - тихо пел он на бегу, - большая охота, сказочно большая, на людей...

По широкой, хорошо утоптанной тропе он вскоре добрался до большой поляны и затаился в кустах. С того места, где он находился, была хорошо видна бамбуковая жердь солнечных часов, которая отбрасывала длинную утреннюю тень прямо на запад.

Когда тень приблизилась к самому толстому бамбуковому колышку, на поляне стали быстро собираться люди. Все они, как и Трон, не носили одежды, только их кожа была гораздо темнее, чем у него. Все были красивы лицом и хорошо сложены, двигались бесшумно и легко, разговаривали негромко, но их певучие голоса достигали любого края поляны.

Трон стал слушать.

Едва тень жерди коснулась толстого колышка, на большой камень рядом с солнечными часами взобрался Главный Советчик.

- Очередное полнолуние первенство начнём! - объявил он.

Люди ответили весёлым топотом босых ног.

- Всё как всегда, - продолжал Главный Советчик. - Сначала все получают удовольствие от соревнований на поляне, а потом, до завтрашнего вечера, большой забег по берегу. После забега до утра - костёр, пляски, пение и...

- Сказки! - подхватил дружный хор. Руки взлетели над головами и ударили в ладоши, ноги отбили несколько тактов радостного танца.

- Согласие! - крикнул Главный Советчик.

- Согласие! - ответили люди и разбежались по краям поляны. Там они расселись на большие камни, которые были в великом множестве сложены специально для зрителей. Малыши, как птицы, облепили деревья.

Трон терпеливо наблюдал, как обнажённые атлеты боролись друг с другом, толкали и метали камни, прыгали и подтягивались, крутились, кувыркались, изгибались и делали ещё и ещё что-то, мало для него интересное.

- После метания шеста будем готовы бежать! - объявил наконец Главный Советчик.

И тогда Трон оставил свой пост. Он крадучись отошёл от людей и бросился к берегу пролива.

Камнеед услышал сзади быстрое движение и оглянулся. По узкой тропинке, доступной только двум лёгким ногам, с обрыва вниз бежал человек. Он был худ и светел кожей, гораздо светлее маленькой Оли.

- Если ты друг, помоги мне! - закричал человек ещё издали. Подбежав, добавил, задыхаясь: - Если враг, убей скорее!

- Я друг тебе, - сказал Камнеед. - Чем помочь?

- За мной гонятся, хотят убить. Но я не сделал зла. Спрячь меня.

- Полезай, - Камнеед открыл пасть. - И оттуда рассказывай.

Согнувшись, человек перешагнул опасные зубы и присел на корточки рядом с тяжёлым, пыльным языком. Камнеед осторожно закрыл пасть, но оставил несчастному щель, чтобы не задохнулся. Выглядывая сквозь решётку зубов, человек заговорил.

- Ты ведь Камнеед, правда?

- Ыгы, - ответил Камнеед, боясь повредить ему языком.

- Значит, меня преследуют из-за тебя.

- У-гу-гу?

- Потому что я посмел за тебя заступиться.

- Ы?

Камнеед хотел спросить: "Как?" Но в это время наверху послышался шум.

- Брось скорее в воду камень! С меня размером!

Камнеед исполнил просьбу, и по воде кругами пошли волны. Шум быстро приближался. С обрыва стали прыгать люди. Они пролетали над узким пляжем и головой вперёд ныряли в воду. Затем выныривали на другом берегу пролива и мчались куда-то один за другим.

- Они приняли камень за меня, - сказал человек, когда все исчезли за поворотом. -

Думают, убежал на соседний остров. Выпусти меня теперь.

Он вылез и обошёл Камнееда, чтобы разглядеть.

- Могуч. Сильнее тебя здесь нет никого. И всё же решили убить.

- Кто?

- Вот эти, которые за мной гнались. Это ещё не все, их много. Они умеют, они тебя убьют.

- За что?

- Когда-то камнееды жили здесь во множестве. И всех люди истребили ради крепкой брони. Броня у тебя лёгкая и прочная. Если за нею спрятаться, никакой враг не страшен. А эти люди хотят отобрать землю у других людей. Это называется - война. Те люди будут свою землю защищать: ножами, мечами, стрелами, копьями, камнями... Вот и нужна броня.

- И нас убивают только ради шкуры?! - Камнеед обиделся.

- Да! - торжественно ответил обманщик. - Ты - последний.

- Как же они узнали обо мне?

- Рассказала девочка Оль. Всю ночь был совет. Решали, как тебя убить. Я протестовал. Тогда утром решили убить меня. Но я убежал.

Камнеед задумался, потом сказал:

- Значит, это Оль...

- Не думай о ней плохо, - уверил хитрец. - Она ведь и не знала ничего. Из ныне живущих никто не видел живого камнееда, их истребили очень давно. Оль просто рассказала, что видела...

- Как же меня будут убивать? - спросил Камнеед. Ему было грустно. Он узнал, что особенно грустно бывает, если ты только что по-настоящему радовался.

- Тебя хотят убить человеком!

- Че-ло-веком?

- Да. Если камнеед съест человека, он отравится и умрёт. Это страшная человеческая тайна. Но я тебе её выдаю, потому что не хочу твоей смерти. Пусть лучше убьют меня.

- Тебя никто не посмеет обидеть, - зарычал Камнеед. - А меня никто не сможет убить, потому что я никого из них не трону.

- Прекрасно! - воскликнул человек. - Но вот беда: жить с тобою под землёй я не смогу, а если ты останешься здесь, чтобы защищать меня, люди будут тебя дразнить, чтобы кого-нибудь съел, или придумают что-нибудь ещё, чтобы тебя погубить. Нет! Лучше скройся от них под землёю, могучий добрый Камнеед, пусть они растерзают меня одного!

- Ни за что, - возразил Камнеед. - Девочка Оль не может теперь быть моим другом, но у меня появился новый друг - это ты. И я тебя в беде не оставлю. Мы вместе победим или

вместе погибнем.

Человек долго думал, будто боролся с сомнениями. Он что-то бормотал, будто спорил сам с собой. Камнеед терпеливо ждал. Он уже после встречи с Олью поверил в человеческую мудрость.

Наконец новый друг вскочил и посмотрел Камнееду в глаза - они прищипались как раз перед его лицом. Человек был очень бледен.

- Хорошо, - сказал он. - Будь по-твоему. Мы заключаем оборонительный союз против людей. Но убивать их мы не будем. Мы не так жестоки, как они.

- Да! - подтвердил Камнеед с чувством, и соседняя скала дрогнула от его голоса. Но человек даже ухом не повёл.

- Открою тебе ещё одну тайну, - сказал он. - С этой тайной мы победим людей, никого не убивая. Сам я не мог бы, потому что меня легко убить во сне.

- Зато я никогда не сплю! - сообщил Камнеед.

- Правда? Тем лучше. Ночью я буду спать у тебя во рту, а днём мы будем воевать.

- Как же воевать, не убивая?

- А вот как. Скажи мне что-нибудь. Например, что было сегодня ночью?

Камнеед подумал и сказал:

- Ночью я смотрел на небо и видел звёзды. Луна не захотела со мной разговаривать. А Ночь сказала мне шёпотом, что сегодня у людей большая охота, что они будут кого-то ловить, чтобы съесть, и что я должен спасти какого-то Трона....

- Довольно! - сказал человек. - Так что ты мне сейчас рассказывал? Повтори.

- Я ничего тебе не рассказывал, - удивился Камнеед.

- Так расскажи. Что ты делал ночью, что видел, что слышал?

- Ночью я... лежал вот здесь... глотал камни... и слушал плеск воды.

- Больше ничего не можешь вспомнить?

- Нет.

- А я могу сделать так, что ты сейчас это забудешь. Повтори, что было сегодня ночью?

- Ничего не было.

- Вот видишь. А сейчас я тебе верну твою мысль. Ну-ка!

И Камнеед тут же вспомнил, что ночью он глотал камни и слушал плеск воды.

- Больше ничего не было? - спросил человек.

- Нет.

- Вот и хорошо. Понял теперь, ЧТО я умею?

- Кажется, понял, - пробормотал Камнеед. - Ты умеешь отнимать мысли...

- Да!

- ... и возвращать их обратно?

- Если захочу!

- Как страшно, - сказал Камнеед. - Без мыслей я всё равно что камень.

- Но тебя-то я не обижу, - сказал человек. - А у них, у этих убийц, мы отберём все дурные мысли, все злые мысли. Тогда нам нечего будет их бояться.

- Ты прав, - сказал Камнеед. - Это надо сделать поскорее, дорогой... Мыслеед.

- Мыслеед? - человек засмеялся. - А что, хорошее имя. Когда-нибудь пригодится. Но пока у меня есть другое. Зовут меня Трон.

- Очень приятно, - сказал Камнеед.

- Ты никогда не слышал такого имени? - спросил Трон.

- Никогда.

Доверчивый, простодушный Камнеед! Бедное благородное чудовище! Так и не догадался, что его уже обидели - отняли прекрасное воспоминание о Луне, о звёздах, а заодно - и о ночном шёпоте с обрыва...

ВОЙНА

Первенство страны закончилось на следующий день, и всё это время Оль была очень занята: дети собирали плоды манго, а взрослые, кто не участвовал в соревнованиях, давили из этих плодов сок для вечернего пирса - в больших глиняных чанах. И надо было ещё запастись дынями, ананасами, виноградом, клубникой и подоить коров и коз. Надо было сплести гирлянды для победителей... Словом, свободная минутка выдалась у Оли только к вечеру второго дня, когда до праздника оставалось одно деление на солнечных часах.

Она прибежала под свою магнолию, надеясь найти там нового друга. Она принесла ему фрукты, потому что не могла считать камни хорошим угощением, да и тяжелы они. Но Камнеед под деревом не нашла. Тогда она выглянула с обрыва на пляж. Пусто было и там.

Оль тихо пошла обратно, роняя ненужные фрукты. Что могло случиться?

Подходя к стадиону, она почему-то не услышала шума. Ей показалось, что в той стороне вообще никого нет.

- Может, я не туда забрела? - Оль огляделась. Нет, шла правильно, стадион скрыт только вон теми кустами.

Она ускорила шаг и, выйдя из кустов, увидела, что поляна полна людей. Но люди стояли молча.

Как всегда делали дети безоко, удивлённая Оль быстро взобралась на дерево, чтобы

увидеть сразу всё. Вот что она увидела.

Люди стояли к ней спинами, а перед ними высился посреди поляны сложенный днём костёр. Но никто его не зажигал. Все смотрели дальше, за костёр. Там, на другом краю поляны, стоя на задних лапах, возвышался оскаленный Камнеед. У него на голове застыл человек с поднятой рукой.

- Слушайте! - крикнул человек. - Сегодня здесь не будет костра, и вы не будете делать, что хотели. Сегодня вы разойдётесь. А завтра утром сюда должны прийти только советчики, все до единого. И не вздумайте сделать что-нибудь не так, как я сказал.

Он топнул ногой, Камнеед рявкнул. Костёр обрушился. Люди отшатнулись.

- Р-р-р-разойдись! - гаркнул человек и присел, вцепившись. Чудовище прыгнуло вперед. Прыжок получился большой, до самых развалин костра. Люди закричали и бросились бежать. С деревьев посыпались дети.

Оль припала к ветке и затаилась, как при первой встрече с Камнеедом. Она видела, как зверь опустил на передние лапы и проглотил несколько камней, которые люди с таким трудом сюда прикатали. Человек спрыгнул на землю, зачерпнул глиняной кружкой из чана побольше мангового соку и налил. Потом он захватил с собой корзину фруктов, прыгнул в пасть Камнееда, и чудовище огромными прыжками ускакало в лес.

Оль слезла с дерева и подошла к корзинам с плодами. Жалко было ей, что все труды пропали даром. Было непонятно, почему её друг стал таким злым. Она взяла с собой небольшую корзиночку фруктов и пошла на то место, где впервые встретила Камнееда. Ей казалось, там легче будет что-нибудь понять.

До заката было ещё далеко, и она вволю подумала под своей магнолией. Съела все финики, грушу и персик, но ничего насчёт Камнееда не поняла. Тогда она оставила корзинку на траве и снова подошла к обрыву. На краю пляжа увидела Камнееда. Человек уже вылез из его рта, ел фрукты, сидя на камне, и они разговаривали. Удалось расслышать одно только слово, которое человек выкрикнул - "война".

Оль заплакала и убежала под своё семейное дерево.

НОЧНОЙ СОВЕТ

- Всё было хорошо? - спросил Камнеед.

- Угу, - ответил Трон, выплёвывая косточку от персика. - Они послушались.

- Кого же они хотели съесть у костра вместо тебя?

- Самого слабого, - сказал Трон не задумываясь.

- Какая жестокость! Людоеды! Ты прав, нужна война!

- Вот именно! Война!

- Почему же ты сейчас не отнял у них все мысли?

- Сразу со всеми мне не справиться.

- А всех по одному ловить - слишком долго, - сказал Камнеед.

- Не будем никого ловить. Все слушаются советчиков. Завтра советчики придут, и я прочищу им мозги. Я оставлю им только мысли о еде и о любви. Ну, ещё о плясках...

- Это будет хорошо, - оценил Камнеед. - О любви и о плясках.

-... и нам нечего будет бояться, - закончил Трон.

- Пусть они боятся, - сказал Камнеед.

- Им тоже не надо будет бояться, - сказал Трон, - у них останутся только три мысли.

- Мне их немного жаль, - сказал Камнеед. - Может быть, оставить им еще мысли о красоте?

- Это слишком сложные мысли, - возразил Трон. - Они могут завести их слишком далеко. Хватит того, что красота есть понемногу в любви и в плясках.

- А звёзды? А Луна? А Солнце? Ты посмотри, как красиво!

- Обо всём этом пусть они знают только одно: солнце встало - пора вставать, солнце село - пора спать. И нечего им пялиться на звёзды - звёзды зовут в небо, а небо опасно.

- Чем оно опасно?

- Тем, что оттуда падают. Ты ведь падал?

- Падал.

- Плохо было?

- Первый раз плохо, потому что с непривычки и на камни, а второй уже хорошо - я в пролив падал.

- Ну вот... Погрызи камней да будем спать.

Камнеед подкрепился и спрятал Трона в свою пасть. В пасти было пыльно, тесновато и твердо, но это всего на одну ночь, подумал Трон. Надо, чтобы зверь поверил всем выдумкам, а дальше будет проще.

Засыпая, Трон подумал, что надо бы сходить на разведку, узнать, что замышляют советчики. Но ведь они не так глупы, чтобы собраться в обычном своём месте. Их при луне не сыщешь, а на засаду наскочишь обязательно. К тому же Камнеед, этот преданный дурачок, может увязаться следом, а с ним - какая разведка... И он решил не тратить силы на сомнительное дело, а сберечь их до утра, до решающей схватки.

В это время Оль под родительским деревом заканчивала рассказ о знакомстве с Камнеедом.

- Что же ты не сказала сразу? - упрекнул отец.

- Было некогда, праздник. Я хотела потом вас с ним познакомить. Он добрый.

- Добрый, - сказала мать. - Так рывкнул, что костёр завалился. У меня до сих пор звенит в ушах. А зубы какие! Он мог тебя проглотить...

- Нет, - сказала Оль. - Он добрый и любит цветы. А ест одни камни.

- Трон тоже любит цветы, - сказал отец. - А Трон - злодей.

- Расскажи о нём, - попросила Оль. - Если бы знала, я бы ещё вчера предупредила Камнееда, чтоб не верил ему.

- Пойдём со мной на Совет, - сказал отец. - По дороге расскажу.

Пока дошли до дерева, под которым собрались советчики, Оль узнала, что злодей умеет подсматривать за чужими мыслями, а главное - может их отнимать.

- Насовсем? - спросила Оль.

- Да. Ни одной мысли никому не вернул.

- У него лопнет голова, - уверенно сказала Оль. - У меня своих мыслей бывает столько, что она лопается, а куда же складывать чужие?

- Значит, у него есть место, - вздохнул отец.

- Зачем же ему столько мыслей, папа? Он хочет, чтобы его избрали Главным Советчиком?

- Запомни, - сказал отец, - народ никогда не изберёт Главным Советчиком человека, которого все боятся. Такой человек не годен даже в простые советчики.

Тут они пришли.

- Почему ребёнок не спит? - был первый вопрос Совета.

- Сегодня ребёнок полез на Совету, - сказал отец. - Моя дочь знакома с чудовищем.

- Он мой друг, - быстро добавила Оль.

- Др-у-у-уг? - удивились советчики.

- Что же это за зверь? - спросил Главный Советчик Инс. - Он очень страшен. Даже в наших сказках такого нет.

Оль рассказала всё, что знала, и закончила так:

- Имя Камнеед ему понравилось. И дружить ему понравилось. И на прощанье он сказал. Если что, зови меня. Он не мог обмануть. Он такой простодушный, такой добрый...

- Это проделки Трона, - сказал Унс, который первым пострадал от Мыследа. - Трон его или обманул или запутал. Оль сказала, что Камнеед любит думать. Значит, Трон мог сказать так:

"Не будешь слушаться, отберу все мысли".

- Камнеед не знает, что надо молчать и отворачиваться, - подхватил Инс.

- Да, - сказала Оль, - Камнеед очень любит смотреть в глаза. Он ведь под землёй никому никогда в глаза не смотрел.

- А через глаза и через голос Трон пробирается в мысли, - сказал Унс. - Пропал бедняга Камнеед...

- Если сейчас ничего не придумаем, - сказал Главный Советчик, - тогда пропали мы все.

- А что он нам сделает? - возразил советчик Енс. - Будем отворачиваться и молчать.

- Он тогда прикажет Камнееду растоптать нас или съесть, - сказал Олин отец. - Надо бороться.

- Ты прав, дорогой Онс, - произнёс Главный Советчик. - Но - как бороться?

Советчики долго молчали.

- Вот что сделаем, - предложил наконец Инс. - Утром выслушаем требования Трона и попросим у него...

- Просить? - воскликнул горячий Енс. - У злодея?! Убить его!

- Это не речь советчика, - заговорили все сразу. - Народ перестанет нам доверять, если мы ТАК будем решать вопросы. Инс, договаривай.

- Мы попросим у него отсрочку до вечера, чтобы подумать. Да, попросим, чтобы усыпить его бдительность. Зная, чего он хочет, мы легче придумаем, как с ним бороться.

- Это верно, - сказал Унс. - Чем больше знаем, тем больше можем.

- Если только он не накормит нами Камнеёда, - заметил Енс.

- Камнеед сказал, что не съел бы даже самый вкусный камень, если бы он заговорил, - вспомнила Оль.

- Ещё неизвестно, что наплёл ему о нас этот Трон, - сказал Енс. - Может быть, он уже готов нас всех проглотить. А все прочие мысли забыл - с помощью Трона.

- Этому спору не видно конца, - сказал Главный Советчик. - А ребёнку давно пора спать. Давайте завтра сделаем так. Мы соберёмся рядом с Западной трибуной, у самой большой кучи камней, а Онса и Оль спрячем за камнями. Думаю, что Трон не решится нас уничтожить - мы ему зачем-то нужны. Но если он всё же это сделает, Онс и Оль будут свидетелями и все расскажут людям. Согласие?

На том и порешили.

СТРАННЫЙ, СТРАШНЫЙ ТРОН

Утром всё вышло не так, как хотел Трон, и не так, как ожидали советчики. Оль спряталась в камнях, Онс укрылся недалеко от неё, но к приходу Камнеёда с Троном весь лес

и все камни вокруг поляны стадиона были заполнены спрятавшимися людьми. Народ боялся Камнеда, но никто не хотел оставить в опасности свой Совет.

Большими скачками явился Камнед и высадил из пасти Трона. Тот мельком поглядел на членов Совета и стал уплетать из корзин вчерашние фрукты - он вообще ел много и часто, потому что прежде питался мясом животных, а люди безоко животных не убивали... Утёршись кулаком, злодей прошёлся перед советчиками и сердито спросил:

- Почему не выполнено условие?

- Люди пришли против нашей воли, - ответил Инс.

- А уйдут пусть по вашей. И быстрее. Иначе я свистну, и мой друг всех перетопчет. Можете им сказать, что мы выпустим вас отсюда живыми, пусть не беспокоятся. Но пусть убираются на берег пролива, на самый пляж, и ждут там!

Советчики, посовещались, и Инс громким голосом передал людям требование Трона.

Хмурые люди быстро ушли, все в одну сторону. Камнед стоял посреди поляны и грозно рычал, скаля ужасные зубы и гремя броней.

Трон обследовал камни позади советчиков, обнаружил там Онса и попытался заглянуть ему в глаза. Онс вырвался и скрылся в лесу. Оль в ужасе прижалась к земле в своём убежище под камнями, но Мыслеед её не заметил и вернулся на прежнее место перед советчиками. Поглядел на них внимательно и отошёл к чудовищу. Камнед подставил ухо, выслушал его шёпот и прыгнул к противоположной трибуне. Там он сел на задние лапы и стал наблюдать за происходящим. Иногда подбрасывал какой-нибудь валун, ловил его ртом и с хрустом жевал - настроение хоть куда!

А враг людей подошёл и улыбнулся Совету.

- Итак, без лишних слов, вот мои условия. Вы прямо сейчас избираете меня Главным Советчиком и даёте слово делать всё, что я скажу. Я вашему слову доверяю. Согласие?

-Чтобы согласиться с тобой, надо понять тебя, - сказал Инс. - Ни у кого из нас нет тайн от других, а теперь это особенно важно, потому что ты хочешь управлять делами народа. Ты согласен ответить на прямые вопросы?

- Нет! Или вы выполните мои условия или...

-... или ты убьёшь нас, - Инс усмехнулся. - Как в старинных сказках, которых ты уже столько отнял у людей. Ну что же, убей. Тебя из-за нас убивать не будут. Тебя оставят одного.

- Я знаю, - тихо и зло сказал Трон. - Все и так от меня прячутся. Но учтите, я научился отнимать мысли и не глядя в глаза. Вот сейчас я знаю всё, что думает каждый из вас. И могу в один миг все ваши мысли отобрать... Нет, три мысли оставлю, иначе вы умрёте.

- Даже так? - сказал Унс. - Какие же это три мысли?

- О еде, о любви и о плясках. Дикарями станете! Неужели не страшно?

- Если говоришь правду, - ответил Инс, - то, конечно, страшно. Однако мы и не прячем своих мыслей, как ты. Что я скажу дальше, ты уже должен знать, но я скажу это для моих товарищей. Превратишь нас в дикарей, в животных или убьёшь - люди нас не оставят и не забудут. Но ты своего без нас не добьёшься. Отвечай, зачем тебе власть?

Это был приказ, и у Трона не осталось выбора: убить или ответить. Он немного постоял, сверля советчиков своими светлыми, но уже не безмятежными, а яростными глазами. Советчики тоже смотрели ему в лицо. Это был настоящий бой.

- Хорошо, - процедил наконец Трон, - уговорили... Зачем мне власть, вам интересно? Затем, чтоб навести у вас ПОРЯДОК! Вы ведь стадо, стая, вам ВОЖДЬ нужен, а не советчик!..

- Вождь, - сказал задумчиво Инс. - Это тот, кто ведёт, так? Ну и куда бы ты хотел вести наш народ? На какие-нибудь соседние острова? Так их поблизости нет. А там, откуда буря принесла тебя, все земли уже заняты, мы помешаем другим людям. Да и хорошо нам здесь, не хотим мы отсюда... А если тебе угодно вести народ вокруг наших островов по берегу, то пожалуйста: каждое полнолуние можно это делать, и все охотно побегут за тобой, только...

- Только бежать надо быстрее всех, - сказал Инс, и советчики засмеялись.

- А стать Главным Советчиком легко и без нашей помощи, - продолжал Инс. - Запомни все сказки нашего народа, сумей рассказать их лучше меня и сочини ещё десяток своих.

- Побольше, побольше, - добавил Инс. - И лучше в стихах.

- А ты бы молчал! - прервал его Трон. - Где твои-то сказки?

- Да, - старик вздохнул, - ты отобрал их у меня. - Но люди мне их рассказали, и я снова ими владею. Разве не видишь? Ведь я не отвожу глаза, предатель!

Оль видела Трона в щель между камнями, и в эту минуту ей показалось, что сейчас Мыслеед высосет из старика всю его память, и Инс покатится вниз по камням. Но Инс не покатылся. Вместо этого он рассмеялся и вдруг сказал:

- Трон, дружище, ты что там стоишь, как чужой? Иди к нам! Смотри, сколько разной еды! Поешь - и давай попляшем!

Оль услышала шаги по камням и тут же увидела Инса. С детской улыбкой старый поэт подбежал к Трону и стал плясать вокруг него танец дикаря. А Трон стоял как каменный и неотрывно смотрел на оставшихся советчиков.

- Верни ему мысли! - загремел голос Инса.

- Ну-ну, - злодей поморщился, - зачем так грозно? От страха, что ли? Ну-ка,

разберёмся...

Он внимательно всмотрелся в глаза советчиков и сделал удивлённое лицо.

- Кто бы мог подумать! Не от страха! От гнева! Как благородно! Ну что ж, усилим впечатление...

Он схватил пляшущего старика за руку, повернул к себе и впился взглядом. Унс перестал приплясывать, его радостное лицо стало тупым и безразличным.

- Банан хочу! - сказал он невнятно. - Финик хочу! У! У! У!

Отвернулся и запрыгал к корзинам, где вчерашние фрукты.

- Одна мысль осталась, - Трон уже не хмурился, он улыбался безмятежно, как всегда.

- Ты обещал не убивать, - сказал Главный Советчик.

- А я и не убил. Я сделал его счастливым. Кто думает, тот страдает и, следовательно, несчастен - вы ведь знаете. А этот - не думает. Только хочет. Он до того счастлив, что даже не знает о своём счастье. Хотите к нему? Это не больно... Ну, кто следующий?

И он стал всматриваться в лица советчиков. Оль подумала, что в эту минуту она бы не выдержала и отвела бы глаза. Ей было страшно и стыдно.

- Что ты сделал со всеми сказками, со всеми мыслями, которые отнял у людей? - услышала она голос Инса.

- Я все их забыл! - Трон засмеялся. - У меня очень плохая память. Иначе я и без вашей помощи давно был бы у вас вождём.

- Повторяю, - сказал Инс, - нам не нужен вождь. Нам нужны только советчики, первые среди равных, признанные людьми. Обманом и силой этого не достичь, пойми, чужеземец! Пойми и не обижай наш народ хотя бы из благодарности: ведь мы спасли тебя после бури.

- Вот я и хочу вас отблагодарить, - Трон улыбнулся. - Я хочу подарить вам истинные блага цивилизации... Короче: да или нет? Мне надоела болтовня. Выбирайте - со мной или с ним?!

При последних словах он махнул рукой в сторону хрюкающего у корзины с едой несчастного Унса.

- Нам надо подумать! - резко сказал Главный Советчик.

- Нет! - резко ответил Трон.

- Тогда убей нас и потеряй доверие Камнеда!

Эти слова Инс выкрикнул так громко, что Камнед, кажется, услышал.

Трон вздрогнул, побледнел и едва заметно отшатнулся.

- Вот как, - пробормотал он. - Что ж, хорошо... Сколько времени вам нужно?

- До утра.

- Нет.

- Когда же?

-Сегодня вечером, - сказал Трон. - На этом же месте. И без людей. Согласие?

- Согласие, - ответил Инс и быстро добавил: - Ответь на последний вопрос. Почему ты не отнимаешь мысли у детей? Только не обманывай, мы это умеем видеть.

Трон немного подумал и махнул рукой.

- Ладно, отвечу, как есть. НЕ УМЕЮ. Детские мысли ловить - всё равно что большой лопатой из тарелки щи хлебать. И щи расплещу, и тарелку разобью... Поняли хоть?

- Что такое лопата и щи, мы не знаем, - сказал Главный Советчик. - Но примерно поняли: неуклюж, убить боишься. Так?

- Ну, примерно так...

Он круто повернулся и, прихватив две корзины фруктов, побежал к Камнееду. С разбегу прыгнул в открытую пасть и ускакал.

- Бедный старый товарищ, - услышала Оль голос Инса и стала выбираться из-под камней. Вылезла и увидела, что советчики жалеют Унса, а он протягивает им финики и совсем разучился говорить.

- Оль, ты всё поняла? - спросил Инс.

- Да.

- Что нам делать, как ты думаешь?

- Не приходите к нему вечером, - сказала Оль. - Он очень злой.

- Но он испугался, ты заметила? Он боится, что Камнеед перестанет ему верить. Значит, он обманул Камнееда?!

- Надо всё Камнееду объяснить, - сказала Оль. - Я пойду. .

- Куда? - спросил хором весь Совет.

- К нему. Он мой друг. Он поверит.

И Оль побежала через поляну.

- Назад! - услышала она голоса советчиков. - Запрещаем!

Но она прибавила ходу и знала, что не догонят. Она бегала быстро, ей было уже десять лет.

ДРУЗЬЯ БЫВШИЕ И НАСТОЯЩИЕ

- Я за хрустом камней почти ничего не расслышал, - сказал Камнеед, когда на пляже Трон вылез из его пасти. - Так ты мне объясни, что там у вас получилось.

Трон ответил коротко:

-- На вечер перенесли.

Но Камнеед не отставал.

- А почему плясал один из них? Чему радовался?

- Это у него не от радости, а с горя, - сказал Трон. - Когда я заявил, что не отдам на съедение моего друга Камнееда, этот старик очень расстроился и пошёл есть фрукты. Он сказал, что от фруктов станет очень вкусным, бросится к тебе в пасть, ты не удержишься, проглотишь его, отравишься и умрёшь. А ему всё равно скоро умирать - он старый.

- Ты постоянно ешь эти фрукты, - Камнеед засмеялся, - ты постоянно сидишь у меня на языке, но ты не кажешься мне вкусным.

- Это хорошо, - сказал Трон и содрогнулся, представив, что могло случиться наоборот, и Камнеед слопал бы его.

- А этот высокий, - продолжал допрашивать Камнеед, - с которым ты разговаривал больше всех, он сказал очень громко непонятные слова: "Убей нас и потеряй доверие Камнееда". О чём это? .

- Что-то я не помню этих слов, - солгал Трон. - У меня вообще плохая память... Но эти люди очень любят, когда их убивают.

- Почему? - Камнеед ужасно удивился.

- Это, видишь ли, такая религия, - опять солгал Трон. - То есть вера. Они верят, что после смерти вознесутся на небо и будут вечно порхать, как птички, среди облаков.

- О-о-о, и среди звёзд, - протянул Камнеед мечтательно. - Если бы это была правда, я очень бы хотел, чтобы меня скорее убили.

-Ну-ну-ну! - Трон рассердился. - Перестань сейчас же! Это глупая выдумка людей, чтобы не так страшно было умирать. А попадают они в землю, в землю, не к птичкам и не к звёздам!

- Что-то я в земле никого из них не встречал, - сказал Камнеед. - Может быть, ты ошибаешься?

- Я не ошибаюсь, - Трон сердился, но говорил спокойно. - Там, где я жил раньше, умерших людей закапывают в землю. Да! А здесь их привязывают за ноги к камню и сбрасывают рыбам и крабам. В океан.

- Вот видишь, - Камнеед обрадовался. - Там - в землю, тут - в воду, а где-нибудь - и в небеса! Ах, как хорошо-то!

- Веришь ты в глупости! - закричал на него Трон. - А верить нельзя ни во что! Ни - во - что - кроме - силы!

- Как? - удивился Камнеед. - А в дружбу?

Трон не ожидал такого подвоха и на миг растерялся.

- Это само собой, - сказал он, чуть помедлив. - Дружба - первое дело... Ты тут подкрепишься до вечера, а я погуляю да искупаюсь.

- Тебя не съедят рыбы? - беспокоился Камнеед.

Но Трон его уже не слушал - он бежал, шлёпая босыми ногами по кромке воды, подальше от этого глупого чудовища.

- Дай мне только въехать на тебе в Совет, - бормотал злодей, - я тебя отправлю и к рыбам, и на небеса...

Во время этого разговора оба они не слышали, как прыгнула с дальней скалы в океан девочка Оль, как она увернулась от акулы, как плыла, сколько могла, против течения в проливе, как вылезла, качаясь, на берег и долго кралась в камнях за спиной у Камнееда, пока не приблизилась к нему вплотную.

Камнеед хрустел несвежими камнями и думал, что эта война ему уже надоедает. Люди о чём-то разговаривают между собой, пляшут, едят и кричат, а он только смотрит и рычит, будто не умеет говорить. Последнее особенно странно. Если бы Трон позволил ему заговорить с людьми, то, может быть, уже давно бы обо всём договорились...

В очередной раз он махнул лапой, разгребая валуны, и вдруг замер: защищённая одними руками, под большим камнем сидела Оль!

- О-о-о! - простонал Камнеед, в ужасе от того, что чуть её не убил.

Оль быстро вскочила и сделала ему знак молчать.

- Что, бывший друг, убить меня хотел? - и улыбнулась. На ладошке протянула небольшой цветок магнолии, который ещё раньше сбросила сюда с обрыва, а потом подняла.

- Или ты уже не любишь цветы, а любишь убивать людей? - Тут её лицо стало печальным.

- Я никого не тронул даже коготком, - ответил Камнеед громовым шёпотом. - А вот меня хотят убить.

- Кто?

- Твои добрые люди, которые никого не едят.

- Ах вот как! Ну и зачем же тебя хотят убить?

- Чтобы взять мою броню и напасть на других людей. Вот!

- Ой, что делать? - Оль вдруг испугалась. - Твой проклятый ДРУГ уже бежит сюда. Сейчас он меня убьёт и будет обманывать тебя дальше.

- Он мне обещал никого не убивать, - твердо сказал Камнеед.

- Он уже убивал! Когда на поляне ты лакомился нашими камушками, он сказал советчикам, что может у любого отнять все мысли, и тогда человек умрёт. Откуда он это знает, если не убивал?

Трон был уже близко, но Оль скрывала от него голова Камнееда.

- Он боится потерять твоё доверие, - быстро сказала Оль. - Сейчас он убьёт меня на твоих глазах, а мысль об этом сразу у тебя отнимет. Но знай, что и тебя он потом убьёт. Здесь убивает только он!

- Живо полезай ко мне в пасть, - велел Камнеед. - Я ничего не понял, там доскажешь. От языка в стороне держись.

Когда Трон подбежал, Камнеед пластом лежал на песке и, закатив глаза, стонал.

- Что с тобой? - спросил Трон добрым голосом. Купанье его успокоило, да он и впрямь встревожился. - Уж не проглотил ли ты человека?

- зуб болит, - простонал Камнеед и почувствовал, как во рту бедная голенькая девочка прижалась к холодной твёрдой щеке и боится, как бы язык её не расплющил.

- Что, камень твёрдый попался? - Трон спросил с таким участием, с такой добротой в голосе, что Камнееду стало стыдно его обманывать, такого хорошего и беззащитного.

- Угу, - прогудел Камнеед, прикусив язык, чтобы совсем не двигался. Он вспомнил слова Оли об убийстве и о доверии. Значит, там, на стадионе, он не ослышался: новый друг Трон кое-что скрывает?

- Меня-то впустить сможешь? - Трон обеспокоился.

- У-у, - Камнеед всем своим видом показал, что рта ему не открыть.

- Вот так дела, - Трон озадачился. - Без тебя-то мне к ним нельзя...

- Угу, - согласился Камнеед, - Ыдём.

- Как же мы пойдём?

- Гы упегеди, а я га тобой.

Трон понял и стал карабкаться по тропинке наверх. Камнеед пополз за ним, стараясь отстать подальше.

Камнеедов язык лежал смирно, и Оль, потирая ушибленные места, начала тихонько говорить. Пока дошли до поляны стадиона, она успела передать ему разговор злодея с советчиками, и рассказала, как Трон расправился со своим учителем Унсом.

- Это всё равно, что убийство, - сказала Оль уже на стадионе. - Смотри, вон он пасётся.

То, что было когда-то поэтом-сказочником, сидело теперь среди корзин со вчерашними фруктами, жевало и разглядывало на ладони выплюнутые косточки.

- Теперь ты мне веришь? - спросила Оль. Камнеед задрожал всем телом и зарычал. Трон обернулся и помахал ему рукой:

- Хорошо! Давай! Громче! Зубки, зубки им покажи!

Камнеед гневно замолчал и ударом лапы превратил в порошок подвернувшийся валун.

- Отлично! - крикнул Трон. - Стой там!

А сам пошёл к советчикам.

Подниматься на задние лапы Камнеед не стал, а лёжа на брюхе приоткрыл пасть. Оль выскользнула наружу и притаилась у его щеки.

- Что делать? - прошептал Камнеед. - Я не могу его убить. Я вообще не умею убивать.

- Подождём, - сказала Оль. - Может быть, советчики что-нибудь придумали. Подойди к ним поближе.

Она залезла Камнееду в пасть, и он одним прыжком оказался у Трона за спиной. Тот обернулся и прошептал:

- Зачем подошёл? Не надо их слишком пугать.

- Ничего, - только это и смог процедить Камнеед, потому что всё время поглядывал на Унса и от жалости к нему всё больше ненавидел бывшего друга.

- Ладно, стой за мной, - разрешил бывший друг. - Так даже лучше.

И продолжал слушать, что говорил Главный Советчик. А Инс уже заканчивал свою речь:

- Наш народ собрался на пляже и не расходится, Трон. Он идёт тебя. Ты должен выйти и всем сказать, куда хочешь вести, если станешь вождём. Народ испуган тобою и согласен тебя избрать. Не Главным Советчиком, а просто Главным, раз уж тебе так хочется. Но чтобы люди тебя слушались, им надо объяснить, что у тебя на уме. Иначе люди разбегутся. Ты, может быть, сумеешь переловить их поодиночке, но всех вместе никогда не соберёшь. Останешься один среди леса... Если тебя выберут, мы должны будем находиться при тебе советчиками. Народ наш умеет жить без приказов, но никогда не жил без советов. Ты идёшь?

Трон коротко оглянулся на бронированную голову Камнееда, уверенно засмеялся и сказал, насмешливо соблюдая обычай:

- Согласие. Идём.

- Верни мысли Унсу, - тихо сказал ему Камнеед. В глазах Трона мелькнуло сначала удивление, потом страх, потом ярость и наконец опять не стало никакого выражения.

- Дорогой друг, - сказал он тихо, - я уже не могу, я не в силах это сделать, хотя мне очень хочется вернуть ему мысли. Их было так много, что я их все уже забыл. Я могу только отнять последнюю, но тогда он умрёт. Давай не будем его убивать.

-Зачем же ты отнял у него все мысли?

- Я только защищался, - ответил Трон и улыбнулся безмятежно.

- Он ведь тебя...- начал Камнеед, но услышал, как Оль заколотила кулачками по его щеке. Это означало, что надо сдержаться, и он сдержался.

- Хорошо, - сказал он. - Согласие.

- А скажи, Трон, - спросил тем временем Главный Советчик,-- не видел ли ты сегодня девочку десяти лет?

- Я видел сегодня утром толпу детей, - ответил Трон и подозрительно посмотрел на Камнеед, так как хорошо понял, о какой девочке его спросили.

- Уперед! - рявкнул Камнеед с закрытым ртом, не глядя на Трона, чтобы мыслями не выдать Оль.

- Так он умеет разговаривать! - советчики сделали вид, что удивились. - О, Камнеед, скажи что-нибудь!

Камнеед зарычал и отвернулся. Он уже понял, что если сразу встанет на сторону Совета. Трон мигом расправится со всеми и с ним в том числе. Тогда Оль так и останется в его пасти навеки.

- Вперёд! - приказал Трон.

Первым пошёл Инс, за ним - советчики вместе с Онсом, который заменил в Совете бедного поэта. Следом шел злодей. Камнеед сделал вид, что замешкался, и немного приотстал.

- Что делать? - спросил он Оль и приоткрыл пасть. Но она, вся в синяках, вылезать не захотела.

- Милый Камнеедик, нам нужно дойти до людей. При всех Трон побоится и не тронет советчиков.

- Да-да, - вспомнил Камнеед, - он говорил, что не может справиться со всеми сразу.

Он открыл пасть и двинулся за Троном.

У всех на виду, вонзая длинные когти в скалу, чудовище спустилось на площадку, которая была немного выше пляжа. Туда же по тропе сбегали советчики и Трон.

-Сойди с площадки, - велел Камнееду Трон, - а то она под тобой обломится.

Камнеед прилёг на песок рядом с площадкой, положил на неё голову и приоткрыл пасть. Оль пробралась к самым передним зубам, чтобы наблюдать.

Трон вышел вперёд и обратился к людям, столпившимся на песке.

- Народ Безоко! - сказал он торжественно. - Я рад сообщить вам, что начинается новая жизнь. Большой просвещённый мир, из которого я прибыл, протягивает вам руку помощи и дружбы. С сегодняшнего дня вы должны начать жить по-другому... У вас нет одежды - это нехорошо. Вы питаетесь одними плодами - это тоже нехорошо. Вы знаете только песни и сказки - этого мало. Вы совсем не готовы к войне, а ведь на вас когда-нибудь кто-нибудь обязательно может напасть. Это совсем никуда не годится. Жизнь ваша бедна, скучна и неинтересна. Чтобы избавиться от этих недостатков, вам нужен вождь, который научит вас

настоящей жизни и поведёт по пути развития.

- Что ты нам предлагаешь? - спросил за всех Главный Советчик.

- Для начала, - сказал Трон, - надо установить границу.

- Что это такое и для чего?

- Граница, - важно сказал Трон, - это основа всего в мире. Вон там растут деревья, а здесь, на песке, они не растут. Между лесом и песком есть граница, через которую не смеет переступить ни лес, ни песок. Там, где небо касается земли, проходит граница, через которую не смеют переступить ни небо, ни земля. Там, где вода касается скал, проходит граница воды и земли. И там идёт постоянная битва, в которой побеждает то вода, то суша. Жизнь - это борьба на границах: света и тьмы, добра и зла, самой жизни со смертью. Так всё устроено в природе. Между людьми тоже всегда и везде были и есть границы. И между вами, жителями двух островов, сама природа провела границу вдоль пролива. Так почему же вы противитесь природе и не боретесь на границе?

- Как же не боремся?! - крикнули из толпы. - Каждое полнолуние соревнуемся, кто скорее переплывёт!

- Это неверно! - Трон так страшно закричал, что голос его сорвался и захрипел. - Это против природы! Всё наоборот! Оряне не должны пускать к себе олян! А нога орян не должна ступать на остров Оло!

- Почему? - спросили из толпы.

- Да потому что вы - разные! Вы живёте на РАЗНЫХ островах! На Оро солнце восходит раньше, а на Оло оно заходит позже - разве это равенство? Река Жила полноводнее реки Жулы, я сам проверял - разве это справедливо? На Оло растут целых два баобаба, а на Оро нет ни одного - это, по-вашему, равенство? А то, что на Оро всегда больше чемпионов и детей, вам не кажется подозрительным? Почти все бананы растут на Оро, почти все финики - на Оло, морковь вся - на Оро, а козы почему-то - все на Оло!.. Да как можно с этим мириться!? Вы, два свободных и независимых народа, устраиваете соревнования, кто скорее пересечёт границу! Да весь культурный мир засмеёт вас!

- Что же ты предлагаешь? - крикнули из толпы.

- С завтрашнего дня начнём всё делить. Вот тогда вы узнаете, что такое настоящая жизнь. А мы с моим другом Камнеедом будем вас судить и наказывать виновных.

Чтобы скрыть свой гнев и протест, Камнеед зажмурился и так скрипнул по скале когтями, что полетели жёлтые искры. Люди подумали, что он угрожает им, и отшатнулись.

- А как же сказки делить? - спросили из толпы. - Как же песни? Как же полнолунные соревнования?

- Всё будет, - успокоил Трон. - Но не так часто. Вам за делами станет некогда этим

заниматься. А когда всё поделим и установим пограничные посты, тогда бросим сказки и начнём брать от природы побольше, чтобы жить нам богаче. Будем рубить деревья и строить из них корабли. Будем плавать по морям и завоёвывать новые земли. Мы прославим Старую Посейдонию на весь мир! А все сказки вы сдадите мне на хранение.

В эту минуту Оль выскочила из пасти Камнееда и бросилась на край площадки.

- Не верьте ему! Он хочет сделать нас животными! Он хочет отнять наши мысли! Он их отнимает и тут же забывает! Он уже погубил Унса! У нас никогда больше не будет сказок, если мы ему поверим!

Народ грозно зароптал и начал надвигаться.

- От него нет пользы! - кричала Оль. - Он может только грабить и убивать! Он хочет нас всех...

Трон с улыбкой взглянул на неё пустыми глазами, и девочка упала на камни.

Люди отшатнулись. Отец бросился к Оли.

- Предатель! - загремел голос Камнееда. Трон перевёл глаза на него, но зверь уже прыгнул. Его огромное зелёное тело взметнулось над площадкой, страшная когтистая лапа ударила так, что площадка раскололась на несколько частей, а советчики упали без чувств.

На том месте, где стоял Трон, осталось бледное влажное пятно. От ужаса людям захотелось убежать, но горе сковало их ноги. Население двух островов досмотрело трагедию до конца.

Онс поднялся с песка и поднял бездыханное тело дочери. Камнеед осторожно наклонил свою страшную голову и бережно взял из волос Оли маленький цветок магнолии. Так он стоял с минуту, потом выронил цветок и медленно побрёл к скале. Ни на кого не оглядываясь, медленно карабкался вверх. Когда до края обрыва осталось шестнадцать метров, он быстро прогрыз нору и навсегда пропал в своём тёмном каменном мире.

ЧТО БЫЛО ПОТОМ?

Потом в Старой Посейдонии долго горевали. Народ Безоко стал называть себя народом Безоли.

Постепенно и нескоро горе сгладилось, хотя и не забылось. Все законы и обычаи соблюдались по-прежнему, и ещё несколько поколений жили спокойно и мирно, пока не случилась катастрофа, из-за которой острова Оро и Оло исчезли с поверхности планеты.

Не так уж и давно, даже, пожалуй, сравнительно недавно некая Агрессивная Держава высадила в Старой Посейдонии морской десант, перевезла всё население на Восточное

Побережье Африки (хотя, возможно, и на Западное) и начала сооружать военно-воздушную базу, базу подводных лодок и базу стратегических ракет дальнего радиуса действия. Изыскательские работы из-за спешки были проведены из рук вон плохо, и в день открытия последней базы, когда на железобетонную полосу, перекинутую через пролив, приземлился последний тяжёлый бомбардировщик, в недрах будто что-то хрустнуло, переломилось, и оба острова стремительно погрузились в океан. Никому из агрессоров спастись не удалось, так как в воронку затянуло даже все стоявшие поблизости корабли.

Долгие поиски в этом районе с применением батискафов и батисфер ничего не дали: острова канули в воду, будто сквозь землю провалились.

Что до Камнеёда, то его, как будто, видели в Северной Америке.

ВЕЛИКАЯ БИТВА

ПРОЛОГ

Динозавров давно нет на свете. Они вымерли, это знают все. Но кто мне объяснит, что это за слово - "вымерли"?

Поумирали?

Ну, и от чего же они "поумирали"? От холода? От нечего поесть? От болезней? Душераздирающая картина: динозавр, умирающий от насморка.

Нет, давайте разберёмся.

Кто такие динозавры? Это ящеры. Вроде нынешних ящериц, только очень большие. А если и не очень, то во всяком случае гораздо больше, чем ящерицы. Притом у ящерицы во рту пластинки, а у динозавра - довольно крупные зубы, покрепче и побольше охотничьих ножей. Ящерица покрыта слабыми чешуйками, а ящер - роговой бронёй. У ящерицы на пальцах крючочки, а у ящера - такие когти, как наконечник рыцарского копья. Словом, один на один никакой зверь с ящером не справится. Тем более, что питание у ящера - как раз другие звери.

В те времена, о которых пойдёт речь, у ящеров была не жизнь, а благодать. Прочих зверей кругом бегало множество, и каждого было не очень трудно поймать. А ящеры плодились медленно, было их немного, так что пищи им хватало. Согласимся, что от голода они вымереть не могли.

С севера медленно наступал холод. Одни звери к нему приспособлялись, другие переселялись южнее. Следом за ними, уплетая их за обе щеки, могли бы постепенно переселяться и ящеры.

Значит, погубили их и не холода.

Остаются болезни. Но можно ли всерьёз поверить, что из всех зверей какие-то смертельные вирусы, микробы или излучения могли выбрать только белок или медведей, скворцов или... динозавров?!

Вот из-за всех этих сомнений я и склонен поверить в историю, которую рассказала мне дальняя родственница "вымерших" - старая ящерица Ыргэнго.

Мы познакомились в пустыне Гоби, недалеко от того места, где Иван Антонович Ефремов открыл среди скал кладбище динозавров. Почтенная Ыргэнго высунулась, помнится, из правой глазницы окаменевшего черепа тиранозавра и вежливо попросила не трогать её жилище, так как это жилище родовое, много раз наследованное, и за последние 12 тысяч лет она к нему привязалась. Взамен предложила показать хорошо сохранившийся череп диплодока, самого крупного из ящеров. Мы согласились.

Потом несколько раз вечерами я беседовал со старой Ыргэнго у костра, и она поделилась воспоминаниями своих дальних, давно умерших родственников об истинной причине гибели великого племени непобедимых динозавров.

Вот её рассказ. В нём наверняка есть неточности - ведь самой истории не одна тысяча лет, - но всё же мне кажется, что многие поколения ящериц сохранили главное - правду о динозаврах. Прочтите и согласитесь: только война могла их погубить.

Рассказ ящерицы, почтенной Ыргэнго

Я помню эту историю так хорошо, будто она произошла на моих глазах, хотя на самом деле она лишь слегка коснулась острого слуха и зрения моей распрабабушки. От её имени я и расскажу, так мне легче.

Начинаю.

Это ведь неправда, что ящеры были только огромные, как вон та скала. Во-первых, они были самые разные - и летучие, и ползучие, и плавучие, и прыгучие, и бегучие, всякие. Просто мелких затоптали в драке, а больших перетащили всех на это кладбище, чтоб не валялись на пути... Во-вторых, ящеры есть и сейчас. Вот я, например. И все другие мелкие ящеры: вараны, тритоны, хамелеоны, саламандры... Между прочим, и крокодилы тоже. Не стали когда-то наши предки сражаться, вот мы всю жизнь теперь и прячемся: крокодил - в воде, варан - в песке, ящерица - под камнем, а хамелеон - тот даже цвет меняет, чтоб не заметили его.

Ну, так вот что произошло.

Знавала я одну медвежью семью. Жили по соседству, дружили берлогами. В гости ходили. Хоть медведь и не прочь ящеркой закусить, но обижать соседей у животных не принято.

Было у них два медвежонка. Хорошенькие малыши, вылитые родители: сами чёрные, а на шее - белый галстук. Красиво. Одного звали Гур, другого - Гир. Родились они в один час и были похожи во всех привычках: оба любили играть, оба любили сладкое, обоим нравилось лазить по деревьям, оба терпеть не могли мух и комаров. Одна была между ними разница: когда им что-нибудь рассказывали, Гур слушал внимательно, смотрел во все глаза, а Гир - тот вертел головой, почёсывался и всё кивал, будто внимательно слушает. Но в общем были они славные ребята, нас не обижали, а больше нюхали цветы да гоняли бабочек, чтобы их тоже понюхать.

Тогда в этих местах пустыни не было. Деревья росли толстые и высокие. А вон в ту сторону, где солнце, шла широкая долина между крутых скал. Сейчас-то скалы уже порядком разрушились...

В этой долине битва и произошла.

Вот здесь была медвежья пещера. Перед ней на поляне всегда играли медвежата. Когда появлялся какой-нибудь динозавр, они успевали скрыться в пещере. Проход был такой узкий, что динозавру не протиснуться, а пещера - глубока, когтями не достать.

Однажды на поляне стало шумно. Я выглянула из-под своего камня и увидела такое множество зверей, что пришла в настоящий трепет. Но они не обратили на меня ни малейшего внимания, а ревели всё громче, гремели рогами, скрежетали зубами и топали ногами.

-Довольно терпеть!

-На смертный бой!

-Так больше не будет!

Вот что они кричали.

Взобрался на камень мой сосед, Гор, отец медвежат. Рявкнул: "Э-эй!" и все затихли.

-Мы с вами все едим друг друга, - сказал Гор. - Это плохо, но так устроена наша звериная жизнь. Чтобы не умереть с голоду, каждый должен кого-то съесть. Мы, медведи, стараемся исправить такое положение и питаемся в основном кореньями, ягодами и холодными безмозглыми рыбами, у которых нет ума и почти нет крови. Если и съешь когда мышку или зайца, так только для их же облегчения, потому что здоровых и сильных зверят не трогаем.

Звери молча слушали и кивали. Видно, уважали соседа.

-А динозавры нарушают закон! - заревел Гор. - Они убивают каждого, кого встретят! Просто так, не от голода! Они слишком гордятся своей силой!

-Да! Это так! - заревели все на поляне.

-Они безумны! - громче всех крикнул Гор. - Они погубят всё вокруг и погибнут сами!

Их надо остановить!

-Долой динозавров!

-Смерть ящерам!

-Зубы к бою, когти вон!

-Победим или погибнем!

-На рога!

Так кричали все. Я подумала, что начнут с меня, и забилась поглубже в свою щель под камнем. Но обо мне и не вспомнили. Может быть, благодаря тому, что Гор был, всё-таки, мой ближайший сосед.

Я некоторое время просидела в щели, слушая, как дрожит земля. А когда топот прекратился, осторожно выглянула.

На поляне никого не было.

Я взобралась на камень, но и оттуда не увидела ничего.

Из пещеры выглянули соседские малыши, и я спросила их, куда это все ушли. Они, дрожа от страха, показали глазами в дальний конец долины: "Туда. На битву".

Тогда, будучи крайне любопытной и обладая острым зрением, я взобралась на скалу, под которой все мы жили.

В дальнем конце долины я увидела страшное побоище. Это было сражение всех мирных зверей, уважающих Закон, с моими дальними родичами, жестокими динозаврами. Разобрать, кто побеждает, было издали невозможно, но битва быстро приближалась.

В страхе я хотела уже спуститься вниз и спрятаться под своим камнем, но потом сообразила, что безопаснее наблюдать за битвой сверху. Нашла в скале трещину, нырнула туда и, выставив только голову, почувствовала себя в безопасности.

Я увидела всё до конца.

Мирные звери отступали. Они были ловкими и быстрыми, но ящеры шли тесным строем и убивали всякого, кто приближался. А те звери, что нападали на них сзади, могли только повалить, но загрызть - мешала броня.

Ящеры теснили зверей, пока не прижали их к лесу. Здесь, когда отступить в строю стало некуда, ряды зверей дрогнули и распались. Все убежали кто куда, благо между деревьями гигантам было труднее их ловить.

Не разбежались только мои соседи, родители Гура и Гира. Они защищали своих детей и свою пещеру. Они погибли последними. И медвежата видели, как мои чудовищные родственники погубили их отца и мать.

Я очень страдала в это время. Конечно, мне было жаль моих дорогих соседей, особенно несчастных осиротевших малюток. Но в то же время я не могла не гордиться своим

родством с могучими победителями. Оба эти чувства боролись во мне и ни одно не могло взять верх: они мне не подчинялись.

Тут раздался шелест по камням, послышалось угрожающее шипение. Я было юркнула в свою щёлку, но сразу успокоилась, так как увидела знакомую змею Кобру, которая не была опасна. Она питалась мухами и жуками.

-Ну х-х-хорош-ш-ш-о-о, - шипела Кобра. - Я отомщ-ш-щу-у...

-Кому? - спросила я, выглядывая из щели.

-А, это ты... Ну нет, ничего не узнаеш-ш-ш... Ведь ты тоже из рода ящ-щ-щеров... Это тайна. Я с-с-страш-ш-ш-шно отомщ-щ-щу. Мы вс-с-сем отомс-с-стим... Вс-с-сем вам!

И она уползла вверх по скале, поглядев на меня с кровожадной ненавистью. Капюшон её был раздут, а взгляд настолько страшен, что я решила больше с нею не встречаться.

Чтобы поздравить своих с победой, я стала спускаться со скалы. Но пока слезла, они уже разошлись. Меня, маленькую, просто не заметили.

Тогда я заглянула в пещеру к медвежатам, чтобы их пожалеть. Но правду говорят, что у страха глаза велики: увидев меня, они задрожали и бросились в глубь пещеры. Я только одно успела заметить, но это было такое, что заставило меня размышлять целую ночь и целый день.

Я была очень молода и потому неопытна. Размышляя о медвежатах, я никак не могла понять, что стало с их шубами. В пещере как будто не было таких камней и такой пыли, чтобы столь сильно испачкаться. Никогда я не видела и не слышала, чтобы медведи, будто змеи, снимали одну шкуру и надевали другую. Никогда при мне они не линяли, как зайцы, чтобы зимой быть белыми, а летом - тёмными. У них были белые галстуки, но это вовсе не означало, что там, снизу, белая шуба, а её уголок виден через прореху в чёрной шубе, надетой сверху... Одним словом, я не могла взять в толк, почему крошки-медвежата стали целиком, с головы до кончиков ногтей, белее собственных галстуков. Можно было подумать, что это вовсе не они, но ведь я узнала их голоса...

Приходилось дожидаться, пока малыши успокоятся и выглянут из пещеры: тогда я могла бы точно сказать, изменился их цвет или мне это почудилось.

Вскоре настала ночь, и я на всякий случай спряталась поглубже в трещину, которую нашла в скале, не очень высоко. Я радовалась, что во время битвы не сидела под своим камнем: кто-то из динозавров так наступил на него, что на месте моего жилища осталась куча пыли и обломков.

С первыми лучами солнца я выглянула в долину и ужаснулась. Это была настоящая Долина Смерти, вся покрытая следами вчерашнего побоища. Над всем этим кружились

крупные птицы и летучие ящеры-птеродактили на кожаных крыльях. Они кричали и дрались между собой. У летучих ящеров не было чешуйчатой, костяной брони, и от птичьих клювов им доставалось не меньше, чем птицам от их зубов, но дрались мало: мяса убитых хватало всем.

Больше в ту сторону я старалась не смотреть, а притаилась и стала наблюдать за медвежьей пещерой: не покажутся ли малыши. До самой темноты не сомкнула глаз, но они не появились,

Прошла ещё ночь, ещё день и ещё одна ночь. Я уже выходила из своей трещины, щипала травку, где её не вытоптали, ловила мошек. Медвежата не появлялись, а я только издали пыталась их позвать, но в пещеру не заглядывала, чтобы не испугать снова. Они ведь были совсем ещё крошки.

На четвёртый день стало в долине тихо. Улетели птицы, исчезли птеродактили, остались одни кости. Это были кости героев, погибших за правое дело. Я от души их жалела, хотя и ящерица. Оглядев мёртвую долину, я повернулась к пещере и увидела там движение.

-Дорогие соседи! - позвала я.

Два белых зверька замерли и боялись двинуться.

-Это я, ваша соседка, ящерка! Я сижу в щели и не выхожу, не бойтесь!

Они обернулись на мой тонкий голос, пригляделись и подошли. Оба так сильно похудели, что я заплакала.

- Бедные медвежата, - сказала я, - Как вы будете жить дальше?

Тут заплакали они, и все мы долго не могли успокоиться. Потом Гир сказал:

- Я в пещере жить буду. Там пол земляной, я в нём нору выкопал - никто не достанет. Червяки в земле живут, разные личинки и жуки - их можно съесть. Провожу Гура и вернусь туда.

- А я, - сказал Гур, - пойду на Север. Там всегда снег, там меня, белого, никто не заметит. А в нору не хочу: я солнышко люблю.

- Съедят тебя, - сказал Гир.

-- Может, и не съедят, - ответил Гур. И ещё сказал Гиру:

- Ослепнешь ты в норе.

- Может, и ослепну, - согласился Гир, - зато живой буду.

- Ну, прощайте, - сказал нам Гур. - Я вернусь. Я отомщу.

- Никак ты им не отомстишь, - Гир вздохнул. - Они вон какие...

- Почему вы оба белые? - спросила я.

- Не знаю, - ответил Гир.

- От страха, - сказал Гур. - Но это ничего. Страх можно пересилить.

-От страха можно только спрятаться, - сказал Гир.

- Ещё посмотрим, - сказал Гур.

- Или убежать, - добавил Гир. - Ты ведь убегаешь.

- Убегаю, - согласился Гур. - Но я вернусь, когда вырасту, ты увидишь. Если не ослепнешь в норе.

Он поклонился мне, обнял брата и скрылся в лесу. Гир тоже поклонился и полез к себе в пещеру. Вежливые были медвежата.

С тех пор я не видела их несколько лет.

На земле, политой кровью героев, подросли молодые деревца. Иногда, ломая их и хрюкая басом, проходил какой-нибудь ящер, но деревца снова поднимались и зеленели.

Однажды я встретила Кобру. Я шла на свидание со своим другом и уже видела его издали, как вдруг сбоку мелькнуло знакомое длинное тело, раскрылся капюшон, а в распахнутой пасти змеи сверкнули тонкие острые зубы, которых раньше не было!

Мой друг замер, не в силах убежать, а Кобра приподнялась перед ним и зашипела:

-Ящ-щ-щер! Я не забываю, как вы нас-с-с... Но так теперь и мы вас-с-с...

Она метнулась, кольнула друга зубами и откинулась. А мой бедный друг вздрогнул, закрыл глаза и умер.

-Не с-с-слабо, - просвистела Кобра. - Мы мс-с-стим!

Я не стала смотреть, как она его съест. Я убежала, наполненная страшной змеиной тайной. "Как же это, - думала я. - Как можно убить всего одним уколом?"

Это было за год до прихода Гура. А пришёл он летом, в самую жару.

Я к тому времени была совсем измучена. Ведь я узнала змеиную тайну, опасную для всех ящеров. Я должна была передать её своим. Но как это сделать, если большие ящеры меня просто не могли заметить и не могли услышать? Одному из них я как-то раз даже бросилась под ноги - и что же? Чуть не погибла, а он об этом даже не подозревал.

Я знала, что мелких ящериц хорошо различают летучие ящеры. Выбраться на открытое место и посидеть не прячась, а ещё лучше повертеться - и тебя заметят и подберут. Но могла ли я быть уверена, что меня захотят выслушать, что я успею пропищать хоть слово, прежде чем мои хрящики захрустят на ящеровых зубах? К тому же вместо ящера могла прилететь враждебная птица...

Одним словом, к возвращению Гура я так и не выполнила свой долг перед племенем ящеров и до сих пор считаю себя виновницей их гибели. Но об этом чуть позже. Сейчас - о Гуре.

Однажды летом у моей скалы остановился громадный белый медведь. Он был гораздо крупнее покойного Гора. Он очень страдал от жары. Он остановился и сразу лёг. Он посмотрел на мою трещину и позвал:

-Дорогая соседка! Я вернулся!

Я не поверила, что это испуганный крошка Гур, каким я его запомнила. Тогда белый гигант начал говорить о подробностях нашего прощания, и я вылезла из щели. Затем он рассказал о своей жизни в эти годы. Его рассказ я помню слово в слово.

Рассказ белого медведя Гура

В самый первый день я далеко не ушёл. Какой-то зубастый хищник стал меня ловить, я залез под корни большом сосны. Он меня там не достал, а повалить сосну не смог. Ушёл.

Только я двинулся дальше - налетели два птеродактиля. Щёлкали зубастыми клювами, хлопали кожаными крыльями, страшно кричали, место голое, спрятаться некуда. Я лёг, ждал смерти. Но они подрались из-за меня. А пока шла драка, ушёл и я.

Решил больше днём не ходить. Нашёл трещину в скале и передневал вместе со змеями. Безобидные твари, но вели себя как-то странно: безо всякой причины злобно шипели, потом открывали пасти и разглядывали друг друга. Потом шептались о чём-то и снова злобно шипели. Они шипели только одно слово: "МЕСТЬ". Я постеснялся спрашивать, что это они делают: уже знал, что это невежливо - выпрашивать чужие секреты. Иногда они взглядывали на меня, и в их глазах появлялась жалость, но сразу после этого их шипение становилось ещё злее.

Той же ночью я пошёл дальше на Север. Отец, когда был жив, показывал нам с братом на небе двух Медведиц - Большую и Малую. Говорил, что Малая - как раз на Севере. К ней я и шёл.

Но и так далеко не ушёл. На краю одной полянки кто-то прыгнул сбоку. Я увидел огромные лапы. Они опустились на траву, загородили мне дорогу вперёд и назад. Я завертелся, но бежать было некуда. И тогда в свете луны я увидел жёлтые глаза. Они смотрели с любопытством. А страшная пасть была закрыта, и я бы даже подумал, что она улыбается, если бы из неё не торчали вниз два клыка такой длины, что мне пришлось бы подпрыгнуть, чтобы измерить их своим ростом.

-Гы-гы-ы-ы! - чудовище действительно смеялось. - Ты в самом деле белый или это на тебе грязь такая?

-Белый, - говорю. И начинаю дрожать. Зубы стучат.

-В первый раз такого вижу, - говорит. - Назови имя.

Тут-то оказалось, что не знаю своего имени. Забыл.

-А какой ты породы?

Я и этого не знал.

-Что же это за родители, если ничему тебя не научили? Или их ты тоже не знаешь? Как они выглядят? Не бойся, не трону. Ты же мне на один зуб, да я и не голоден.

Я перестал дрожать и рассказал, что родители мои были чёрные, с белым галстуком на груди.

-Они были большие, - сказал я. - Но поменьше вас. Они бились против ящеров к погибли последними. Остальные разбежались. А мы с братиком от страха стали белые.

-Где же твой братик?

Я увидел в жёлтых глазах слёзы, совсем как у малыша. Я сказал, что братик остался рыть нору, а я иду на Север - там в снегу прятаться легче. Зверь вздохнул.

-Значит, ты сынишка храброго Гора. Жаль, что мне не пришлось подраться вместе с ним.

Зверь оказался пещерным тигром. Звали его Рык.

-Ты был медведем, - сказал мне Рык. - Но теперь ты стал кем-то другим. И братик твой - тоже. Теперь придётся вам зарабатывать другие имена, вместо забытых. Пока я буду звать тебя Малышом, но это не имя, а так, прозвище. Я провожу тебя до Севера, а там, когда подрастёшь, звери дадут тебе такое имя, какого будешь достоин.

И мы пошли вдвоём. Рык учил меня охотиться и прятаться, и никто не мог при нём меня обидеть. Он рассказывал мне о звериных обычаях. И о законах.

От него я узнал, что даже мышку нельзя убивать ради забавы, если она не нападает, а ты не голоден.

Он научил меня брать еды не больше, чем можешь съесть.

У него я научился дружбе. Это значит: всё поровну - и беда, и радость.

Но вместе мы шли всего несколько дней. Огромный звероящер вышел из-за скалы в узком ущелье. Мы повернули назад и увидели такого же. Они стояли на задних лапах и были выше деревьев.

Они были не так ловки, как мой друг, и в одиночку он убежал бы без труда. Но он не оставил меня.

-Я их займу, а ты беги на Север по ущелью. Найди подальше трещину в скале и жди меня до завтра. - Если не дождёшься - иди один. И отомсти.

Я вжался в каменную стену, от меня не было пользы в бою. А он - прыгнул на того, что ближе, и сразу отскочил. Второй пытался первому помочь, и все забыли обо мне. Я двинулся на Север.

Ужас не давал останавливаться, а жалость к погибающему другу разрывала мне грудь.

Я оглядывался, хватался зубами за камни и ветки, а лапы всё несли меня подальше от смертельных вражеских зубов. До сих пор умираю от стыда, когда вспоминаю своё бегство, хотя и знаю, что ничем не мог помочь, а только мешал бы бедному отважному Рыку.

На выходе из ущелья, в тесной расщелине я просидел два дня, не отрывая глаз от поворота, откуда мог явиться Рык. Он не явился. Я дрожал от страха, я был голоден и слаб. Но надо было жить. И выжить. И вернуться. И отомстить. За родителей и за храброго учителя Рыка.

Уроки друга не пропали даром. Я научился смотреть вперёд и намечать укромное местечко, где можно спрятаться. До этого места я мчался опрометью и там замирал, озираясь. Если не замечал вокруг подозрительного движения, то находил глазами новое укрытие - и гонка повторялась. Как и чем я питался, лучше не вспоминать. Скажу одно: я вполне узнал, что такое голод, и вполне научился его терпеть.

Вообще, дорогая соседка, самое главное, чему мне следовало научиться, было ТЕРПЕНИЕ.

Терпеть страх.

Терпеть голод и жажду.

Терпеть усталость.

Терпеть боль.

Терпеть тоску.

К этой трудной науке приобщил меня Рык, а довёл дело до конца уже я сам. И тогда стало легче. Я научился долго убегать и догонять. Я умел терпеливо сидеть в каменной щели, когда меня ждали, чтобы съесть. Я сумел однажды уплыть по реке от двух тиранозавров, которые гнались за мной по обоим берегам. При этом я часто нырял и, задыхаясь, подолгу плыл под водой, пока третий враг, птеродактиль, не перестал падать на меня с неба. Я знал, что ДОЛЖЕН выжить, и это помогало.

Было в пути несколько встреч, когда никто ни на кого не охотился. Видно, даже белый, я очень походил на отца, и меня узнавали. Расскажу об одной такой встрече - она дала полезные знания.

Я был в пути уже много дней и стал замечать, что ящеры почти перестали встречаться. Ветры дули оттуда, где по вечерам пряталось солнце. Они несли облака с холодным дождём. И хотя ещё не было снега, я понял, что Север близко.

Я пошёл смелее и немного забыл об осторожности. А когда почувствовал, что на меня смотрят из ветвей, бежать было некуда. Я замер на месте и искал глазами, куда бы метнуться.

Из чащи вышел крупный волк. Если был голоден, он мог меня съесть, не нарушая

Закона. Но я решил, что лучше уж оставить ему о таком ужине на память десяток хороших царапин, чем сдаваться просто так. Я приготовил когти. И оскалил зубы.

Волка мои приготовления к драке развеселили.

-Сын благородного Гора погибает, но не сдаётся?! Достоин своего отца!.. Я сыт, Малыш, успокойся. Но я не тронул бы тебя, даже если бы умирал от голода. Я знаю, зачем ты идёшь на Север. Я даже знаю, что ты забыл своё имя...

Кто же, кроме незабвенного Рыка, мог ему это рассказать?!

-Где Рык? - закричал я. - Почему он меня оставил?

-Его больше нет, — волк вздохнул без сожаления. - Сказать по правде, с этим старым саблезубым котом мы были врагами. Моя стая доела его, когда нашла чуть живого после драки с динозаврами. Но ты за это не обижайся. Он очень страдал от ран, мы доели его из милосердия. Он даже сам об этом попросил. А ещё он попросил найти тебя и оберечь до самого Севера. Мы это исполнили. Поверь, мы любовались твоими перебежками, твоими засадами. Ты шёл неплохо, можно было и не охранять. Но обещание есть обещание, даже если дано старому саблезубому коту.

От жалости я заплакал.

-Правильно, Малыш, - сказал волк. - Плакать о друзьях необходимо. Поплачь, потом задай мне вопросы. Ведь ты всю дорогу размышлял, не правда ли?

Я плакал, сколько хотел, а он терпеливо лежал возле, согревая меня своим боком. И был он уже не так страшен и велик, как показался сначала. Я понял, что немного подрос, пока шёл на Север. Я вспомнил, что, когда вырасту, буду гораздо больше и сильнее любого волка.

-Да, - сказал волк, будто услышав мои мысли, - ты будешь гораздо больше и сильнее любого волка. Но главное - ты будешь гораздо умнее. У медведей вообще умная голова, а ты к тому же сын мудрого Гора.

-У вас много мудрых? - спросил я.

-Как волка ни корми, медведя не вырастишь, - он усмехнулся. - Мудрым себя каждый считает, да только никто ещё не додумался, как одолеть ящеров. Силой силу не всегда сломаешь - убедились. На тебя теперь вся надежда. Поживи на Севере в безопасности, подумай как следует... Почему-то все уверены, что у сына мудрого Гора не пустая голова. Считай, что судьба всего звериного народа - в твоих лапах.

-Далеко ещё до Севера? - спросил я.

-Север перед тобой, - был ответ.

Знаете ли, дорогая соседка, что такое ДОЛГ? Я - не знаю. Но вот что чувствую: когда знаешь, что в тебя верят и от тебя ждут, появляется удивительная сила, которая больше

страха и усталости. Перед ней холод и голод - пустяки, а тоска её только увеличивает. Может быть, эта сила и есть долг. Подозреваю даже, что здесь как-то замешаны любовь и ненависть. Но любви несравненно больше: когда есть существа, ради которых не жалко умереть, только тогда жизнь чего-то стоит... Впрочем, мои мысли для вас не так интересны, как мои приключения.

На Севере я вырос вот до этих размеров, накопил силы и даже, говорят, стал мудр и храбр. Я дружен с отважными моржами, чьи клыки напоминают зубы незабвенного Рыка, хотя употребляются всего лишь для рытья земли. Умные и весёлые нерпы научили меня понимать музыку ветра. Я беседовал с китом, самым большим из зверей, он убедил меня, что суша и море бесконечны: чтобы это узнать, достаточно пойти или поплыть вдоль берега. Там же познакомился я и с двуногими существами, которые совершенно голы и вынуждены защищаться от холода чужими шкурами, которые им приходится сдирать с убитых зверей. Они несчастны и слабосильны, но хитры невероятно, и за это их никто не любит. Мне из жалости случилось спасти одного из них. Он называл меня братом, а себя - Человеком. Я научился у него многим хитростям. Вместе с ним мы придумали, как победить ящеров.

И вот я здесь. Мы готовимся дать ящерам большое сражение. Мы обманем их человеческой хитростью. И вы, дорогая соседка, их не жалейте, хоть они вам и родственники. Вам мы зла не сделаем, потому что вы живёте по Закону. А жестоких ящеров, не знающих долга и пощады, сотрём с лица земли. Это слово Гура Мудрейшего, ибо такое имя дали мне звери, которые пришли со мной сюда, чтобы победить.

Продолжение рассказа ящерицы

На эти слова мне было нечего возразить. Действительно, за многие годы я не видела от своих огромных родичей ничего хорошего и давным-давно жила по законам звериного мира, суровым, но справедливым.

-Не знаете ли, как поживает мой брат? - спросил Гур.

Я ответила, что не видела его давно, и сообщила, что хочу помочь дорогому соседу одолеть моих злых родственников, потому что после его рассказа чувствую это своим долгом.

Гур Мудрейший не отвернулся от маленькой ящерки, а приблизился, чтобы я могла говорить шёпотом. И внимательно выслушал мой рассказ о Кобре и её удивительных новых зубах.

-Так вот о чём тогда шептались в пещере змеи! - он вспомнил свой поход на Север. - Спасибо вам, дорогая соседка! Они наполнили себя злостью и вырастили во рту новое оружие! Попробуем с ними договориться!

-Только учтите, — поспешила я предупредить, - у Кобры с тех пор изрядно испортился характер.

-Что ж, - ответил Гур, - за всё приходится платить. Мы с братом заплатили за свой страх сединой. За победу над врагами придётся, может быть, заплатить жизнью, а змеи обменяли на новое оружие свою былую доброту. Будем надеяться, что не утратили своей змеиной рассудительности.

После этих слов мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я отправилась спать. Но, перед тем как юркнуть в свою трещину, успела заметить, что Гур пошёл не к родительской пещере, а куда-то в лес. Его звали неоконченные дела.

И вот настало утро последней битвы.

Под моей скалой заревели тигры, которые не собиравшись трогать оленей, и олени, которые не боялись тигров. Завыли волки, зарычали бурые и чёрные медведи. Заскрежетали когтями рыси, завизжали дикие кабаны, затрубили слоны. Скала дрожала от топота. С клёкотом парили орлы, свистели крыльями соколы, противно кричали ястребы и коршуны. Даже совы, ночные хищницы, молча слетелись на мою скалу, вертели головами и щурились на яркий свет.

Вдали, над Долиной Смерти, где жили ящеры, кружились птеродактили. Там тоже готовили к бою зубы и когти.

-Все ли знают, что надо делать? - раздался сверху мощный голос. Армия зверей затихла и подняла головы к вершине моей скалы. Я тоже высунулась до половины, рискуя быть схваченной, но на меня никто не обратил внимания. Все смотрели на Гура. Снизу его белая фигура казалась маленькой, но голос звучал очень сильно, отражаясь от окрестных скал.

Гур стоял над каменной осыпью, куда все боялись подниматься, потому что неосторожное движение могло вызвать обвал и погибель.

-Мы готовы! - закричала армия на все голоса.

-Тогда сделайте всё как надо, и победа будет наша!

Послышались голоса:

-Прощай, Гур Мудрейший!

-Прощай, отважный!

-Мы не забудем тебя!

И армия двинулась на врага.

Один Гур замер на скале. Он глядел вдаль и, казалось, вовсе не собиравшись участвовать в битве, ради которой пришёл сюда с безопасного Севера.

"Всех послал погибать, - подумала я, - а сам хочет отсидеться наверху. Напрасно я рассказала ему секрет Кобры".

Тут я вспомнила о змеях. Где они? Когда-то Кобра шипела, что всем нам отомстит, а теперь я что-то не видела её среди воинственных зверей. Может быть, она боялась, что в общей свалке её затопчут?

Я внимательно оглядела оставленное зверями место. Оно было пустынно. И всё же мне казалось, что там кто-то есть. Присмотревшись получше, я увидела, что некоторые ветви деревьев чуть заметно шевелятся. Кроме того, до меня стали долетать многоголосое шипение и свист.

Там были змеи! Тысячи змей - кобры, гюрзы, эфы, гадюки и ещё какие-то, которых я не знала, - не поползли вместе со всеми сражаться, а собрались в одном месте и чего-то ждали.

Не успела я как следует поразмыслить над всем, что увидела, как вдруг зашевелилась земля у самой скалы. Чёрная почва начала расти мягкой горкой, из горки высунулась чёрная голова с закрытыми глазами, и знакомый голос спросил:

-Есть кто-нибудь?

Это был голос маленького Гира! Забыв об опасностях, я сбежала со скалы.

-Дорогой маленький Гир! Ты узнаёшь меня?

-О, это вы, дорогая соседка! - Голос был грустным, но в мой адрес было немного радости. - Что за шум был сейчас на этом месте?

Гир вылез на поверхность, и я увидела, что он сделался ещё меньше, чем был годы тому назад. Шубка опять была чёрной, но без галстука. Лапы укоротились, но от работы сильно окрепли. Только глаза больше не видели: ни меня, ни неба - ничего.

-Дорогой Гир, - сказала я, - здесь происходит великое событие. Звери пошли на вторую битву с динозаврами. Я думаю, на этот раз моим злым родичам с ними не справиться.

-А я так не думаю, - Гир вздохнул. - Ящеры непобедимы. От них можно только прятаться.

-Дорогой сосед, - спросила я, - не хочешь ли встретиться со своим братом?

-Так он живой? Он тоже спрятался?

-Нет. Он дошёл до Севера, стал громадным и мудрым Белым Медведем, а теперь вернулся, чтобы победить ящеров. Он сидит сейчас на вершине скалы и наблюдает за сражением.

-Бойтся, как я, - сказал Гир и засмеялся. - Ящеры нас обоих одинаково напугали.

-Я ещё не всё поняла, - сказала я осторожно, - но мне кажется, что ты неправ, дорогой

Гир...

-Не называйте меня так! - сказал он. - Я не знаю такого имени. Даже если оно когда-то было моим, то теперь я заработал себе другое. Честно заработал. Вот этими лапами и этим вот носом.

-Как же теперь тебя зовут?

-Все подземные жители - мыши, черви и жуки - дали мне имя Крот. Оно мне нравится. Оно означает - Кто Роет.

-Что ж, пусть будет так, - согласилась я. - Но не позвать ли сюда твоего брата, Мудрейшего Гура?

-Мудрейшего? - Крот снова засмеялся. - Да, он действительно мудрейший: других послал умирать, а сам смотрит сверху. Для этого стоило сохранить зрение. А я рад, что не вижу семейного позора. Нет, не надо его звать. Там, наверху, безопаснее. А мне безопаснее под землёй. Лучше быть честным трусом, чем таким "мудрейшим" обманщиком. Прощайте!

-Дорогой Крот! - остановила я. - Расскажи хоть что-нибудь о себе. Твой брат вчера, едва пришёл, сразу стал о тебе спрашивать ...

-Нечего рассказывать, - буркнул Крот. - Живу хорошо, сытно, чего и вам желаю. А на разговоры уже нет времени: земля снова дрожит. Это ваши, соседка, родичи гонят сюда ваших друзей. Могут вас затоптать. Спасайтесь и прощайте.

Он поспешно заработал сильными лапами и быстро скрылся под землёй.

Я тоже почувствовала, как всё сильнее дрожит под лапами, и поскорее взобралась на скалу. Мою трещину уже пересекали быстрые тени птиц и летучих ящеров: шёл воздушный бой.

Сражение на земле тоже быстро приближалось. Да это было и не сражение, а настоящий разгром. Звери только пытались нападать, а ящеры, как прежде, шли сомкнутым строем и хватали тех, кто не успевал отскочить.

Всё же мне показалось, что звери отступают в определённом порядке и только делают вид, будто нападают. Быстрое отступление, малые потери. А тупые динозавры, смелые от своей непомерной силы, шли вперёд и ничего подозрительного не замечали.

Вот они поравнялись со скалой. Вот первые ряда ящеров прошли скалу и топчут опушку змеиного леса. Вот уже и последние их ряды втянулись под скалу. А звери, опять прижатые к стволам толстых деревьев, на этот раз не бросились врассыпную. Только теперь они вступили в настоящее сражение, и рёв поднялся до небес, где насмерть бились крылатые.

Я вспомнила о Мудрейшем Гуре, с трудом оторвала глаза от побоища и посмотрела вверх. Поверьте, я сделала это вовремя. Секундой позже я не увидела бы ничего.

На вершине скалы над каменной осыпью нависала огромная глыба, которую поддерживал всего один камень. Я часто думала, что, если бы этот камень раскололся, глыба обрушилась бы на осыпь и вызвала страшный обвал. Но камень был прочен и стоял много лет.

И вот я увидела, как великий Гур, напрягши все свои силы, вырвал камень из-под глыбы! Мало кому из зверей был бы по силам этот подвиг. Разве что слону. Да только никакой слон на мою скалу ни за что бы не поднялся.

-В сторону! - закричала я, будто Гур мог меня услышать. - Отскакивай в сторону!

Но я кричала просто от отчаяния. Я не хуже Гура видела, что отскочить некуда - глыба слишком огромна, а площадка под ней слишком мала.

Вершина скалы обрушилась, накрыла маленькую белую фигурку, раскололась на три части и покатила по осыпи, увлекая вниз чудовищный камнепад.

Я нырнула в своё убежище, но всё же успела увидеть, как застыли внизу удивлённые ящеры и как наконец бросились врассыпную звери.

Конечно, звери знали всё заранее. Они заманили ящеров под камнепад, навязали им решительный бой и в последний миг вышли из-под удара.

Динозавры соображали медленно, это их и погубило. Почти всех накрыли камни, а на тех, кто уцелел, набросились ядовитые змеи. Укол зубами - и в сторону! Ящер вздрагивал, его глаза закрывались, а ноги подкашивались. Я видела это собственными глазами, когда после камнепада поверила, что жива, и решила выглянуть.

Я видела, как летучие ящеры стали бросаться на змей. Но когда змеиное тело, извиваясь в зубастом клюве, касалось головой ящеровой шеи, кожаные крылья повисали, и птеродактиль падал в общую кучу убитых.

Такого побоища никогда раньше не видела земля. Закончилось оно полным уничтожением ящеров...

Несчастный Гур! Я первой осторожно поднялась по скале к тому месту, где он совершил подвиг. Ничего не нашла я там, кроме небольшого клочка белой шерсти, застрявшего в какой-то трещине. Я взяла его на память, но и эту реликвию на обратном пути вырвал ветер из моего ослабевшего рта.

Все победители видели моё горе. Они вздохнули и стали медленно расходиться. Мы победили, но нас некому было утешить. Бедный, бедный великий Гур. Незабвенный Мудрейший Гур.

В нескольких шагах от моей трещины путь мне преградила Кобра. Я замерла, вспоминая перед смертью погибшего в её зубах друга и свою короткую никчёмную жизнь.

-Не спеш-ш-ши, - сказала Кобра. - Выс-с-слуш-ш-шай. За тебя Гур Мудрейш-ш-ший

прос-с-сил нас-с-с. Обещ-щ-щали. Не тронем никогда вес-с-с-сь твой род. Прощ-щ-щай, с-с-славная ящ-щ-щерка...

И она скользнула со скалы, освобождая мне дорогу.

-С тех пор весь мой род и живёт в этом черепе тиранозавра, - закончила свой рассказ почтенная Ыргэнго. - А диплодока завалило вон там, ближе к скале. Немного копнув, вы найдёте его череп. Он хорошо сохранился.

ЭПИЛОГ

С большим сожалением сообщаю вам, что почтенная Ыргэнго прожила с нами недолго. Рядом с людьми она потеряла всякую осторожность, и однажды я увидел, как у самого жилища её подхватил коршун. Я быстро зарядил карабин и попытался спасти старую ящерицу. Но оказалось, что я из рук вон плохо стреляю.

Довольно суровые истории рассказывает мужской кунг в моём роду. У женского кунга нрав нежнее. Навещает он мою внучку почти каждую ночь. Но спит она слишком крепко и утром всё забывает. Запомнила всего несколько историй, рассказала кое-как, вот что получилось.

ЛИСА С ПУГОВИЦЕЙ

Оля сказала: "Пойду гулять". И стала одеваться.

Надела синие штаны с резинкой.

Надела красный свитерок с белой полосой.

Надела чёрные валенки с красными галошками.

Надела шубу чёрную, лохматую.

Мама сказала: "Застегнись".

Оля застегнула шубу, сама завязала на ней шнурки с помпончиками и стоит, смотрит вверх. Шапок у неё целых три: одна - вязаная, другая - лисья, третья - кроличья. Лежат они высоко на полке, чтобы кот не достал.

Мама спрашивает: "В какой шапке пойдёшь?" Оля отвечает: "В лисе" А сама надевает рукавички любимые, мягкие, пушистые.

Мама достала с полки лисью шапку, надела на Олю и говорит: "Пуговицу на шапке застегни, а то убежит шапка".

Оля рукавички снимать не хочет и говорит: "Я устала". Дверь сама открыла, захватила несколько игрушек и убежала на улицу.

Мама думает: "Нельзя ребёнку ходить расстёгнутым". Быстренько выключила утюг, набросила шубейку и пошла за Олей - шапку на ней застёгивать.

А Оля уже сама идёт назад. Без шапки и горько плачет.

- Где твоя шапка?

- Убежа-а-ала!

Мама говорит: "Ну, ничего. Как убежала, так и прибежит". И увела Олю домой. Там надела на ребёнка другую шапку, завязала на ней тесёмки, и пошли они искать беглую шапку.

Шапка тем временем обрадовалась, что она на свободе. Думает:

"Я - лиса. Буду охотиться".

Бежит шапка вдоль тропинки, на сугробы вползает, с сугробов катится - добычу ищет. Увидела белого зайца с красной морковкой.

- Эй, косой! Я - лиса.

- Сам вижу. Ну и что?

- Я тебя съем!

- Ешь, не жалко.

А сам морковку свою жуёт. Шапка зайца проглотила, побежала дальше. Видит - колобок. С этим даже разговаривать не стала: "Ам!" И дальше бежит.

Вдруг большой кто-то - хватя шапку и спрашивает: "От Оли убежала?"

Шапка молчит, боится.

А большой взял её за уши и понёс.

Тут навстречу ему - Оля с мамой. Оля кричит: "Дедка! Ты шапку мою не видал?"

- Вот твоя шапка. И игрушки в ней - заяц да колобок.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Оля играла с котом, и кот ей надоел, потому что стал царапаться. Она захотела уйти, потому что слышала, как дед включил телевизор. Но кот не отпускал. Он стоял на пути и "делал хвостиком", а уши у него сильно торчали, потому что Оля ему не надоела, он только разыгрался и решил на нее поохотиться. Как только Оля двигалась, хищный хвост у кота тоже двигал кончиком, а одна передняя лапа приподнималась и показывала когти.

Оля шепотом сказала: "Пусти меня". Кот тоненько завыл. Тогда она встала на носочки и закричала: "Дедка, спаси меня!"

И дедка немедленно пришёл. Он протянул коту свою ногу, и кот бросился на ногу, обхватил ее лапами, но когти выпускать не стал, потому что с детками когти можно, а с дедкой нельзя, дедка большой и строгий.

Оля сказала: "На - ко мне". И протянула руки. И дедка так быстро ее поднял, что кот не успел допрыгнуть, и Оля была спасена.

Дед сказал: "Малюля! Если будешь приставать к коту, я выброшу его в форточку". Так он всегда говорит, но кота все равно не выбрасывает, потому что кот спасает семью от мышей.

Оля сказала: "Пойдём в кресло". Дедка принес ее в ту комнату, где телевизор, и сказал: "Будем смотреть фигурное катание".

Они сели в кресло, а кот запрыгнул на телевизор, лёг и своим хвостом мешал им смотреть.

Дед спросил: "Прогоним?" Оля ответила: "Нет". И они смотрели фигурное катание с хвостом.

На белый лёд вышли двое - Она и Он. Она - поменьше. Он - побольше. Ездили до льду под музыку и держались друг за друга, чтобы не упасть.

-Дедка, они боятся?

-Нет. Просто они вдвоём танцуют.

Ах, они танцуют, подумала Оля. Тогда Он должен взять Ее на руки и кружиться, как мы с дедкой, когда ставим пластинку.

-Дед, почему они так танцуют?

-Танцы разные бывают, их очень много.

Ладно, подумала Оля, посмотрим. Она молча смотрела весь танец. Потом эти двое уехали и выехали другие. Музыка началась новая, но делали они то же самое. Так же держались, так же кружились, так же ездили.

-Дедка, Он Её поднимает!

-Это называется - поддержка.

Некрасивое название, подумала Оля. Твердое и ДЕРЖКОЕ.

-А это, дедка?

-Это - батман.

Как диван. Диван с бантиком. Ладно, пусть.

-О, а это что? Вертится...

-Это - пируэт.

Да! Это - да! Пируэт - правильное название. Прыгучее, вертящее, летящее. ПИРУЭТО.

-Дедка! Это - ПИРУЭТО! Здорово?

-Здорово... А вот, смотри-ка!

-Что это, дед?

-Олька, а я не знаю, как это называется.

А Оля знает, только не знает, что это у Нее на ноге. Ногу показывают на весь телевизор... А-а-а, понятно!

-Дедка! Я это знаю! Это - ПЕДАЛЕТ!

Интересно, догадается дед или спросит? Не догадался.

-Почему педалет?

-Потому что Он схватил Ее за педаль!

Чего это дедка так хохочет?

-Дедка, дед, ты чего?

-Олька, это у неё не педаль, это у неё конек!

-Ха-ха-ха! - теперь хохочет Оля.

-А ты чего смеешься? Деду не веришь? На коньках они, правда! Вот ходим на каток, сама потрогаешь!

Ну как ему объяснить? Сам же завтра читал: "Как на тоненький ледок выпал беленький снежок..." Там Ваня упал со добра коня на ледок. И картинка там - Ваня на коньке, конёк - с ногами и с головой, и две девчонки, которые прибежали...

-Нет, дедка, это педаль.

Дедка думает, потом серьезно соглашается:

-Ладно, малюля. Педаль, так педаль.

С дедкой легко разговаривать: если неправ, он никогда не спорит.

ПОЛТОРА ГОСТЯ

Вся семья на Олю сердится. Они говорят:

- Настоящая хулиганка.

- Такая большая, а одну не оставь.

- Не ребёнок, а разрушитель какой-то.

И много ещё всякого, за то что Оля сидела одна, а ваза разбилась.

Папа говорит: "Выдрать пора".

Мама говорит: "Я в пять лет такая не была".

Дядька Евгеша смеётся: он своё детство помнит лучше мамы.

Валетинка требует: "Чтоб склеила вазу, убийца!" Откуда только она знает столько

страшных слов? Наверно, в школе училась лучше всех.

Один дедка защищает, но и то - как-то непонятно. Он говорит:

"Это не она, это полтергейст". Ему не верят и на него тоже сердятся. Значит, он, как всегда, прав.

Но в угол дедку не ставят, а ставят одну Олю. Скучно и обидно. Она из-за этого тоже начинает сердиться, но молчит, потому что всё равно никто её не понимает.

Дедка сам приходит к ней в угол и долго молчит рядом. Потом спрашивает:

- Какой он из себя?

- Кто?

- Тот, кто вазу разбил. Полтергейст.

- Полтора гостя?

Дедка в ответ смеётся, и Оля хочет улыбнуться тоже, но от обиды у неё не получается. Она только пожимает плечами.

- А вчера будильник - тоже он? - спрашивает дед. - И стакан?

Оля кивает.

- А ты его видела? - спрашивает дед.

Оля мотает головой.

Дедка вздыхает и уходит. Наверно, тоже не верит. Или нет, он верит, но тоже хочет увидеть. А видеть тут нечего. Падают вещи - и всё тут. Оля тихо говорит в угол:

- Эй, Полтора Гостя! Ещё что-нибудь свалишь - убью!

И тут же слышится из пустой соседней комнаты звон. Оля бросается туда. Так и есть: упало блюдце с яблоком. Правда, не разбилось. Оля сжимает кулаки: "Где ты? Убью!" И слышит тихий смех, будто Котик научился смеяться. Где Котик?

Но тут входит сердитая Валетинка и застаёт Олю рядом с перевернутым на полу блюдцем. Она кричит:

- Ольга! Сейчас же подними! И сразу - марш в угол! Ещё не хватало! Бандит какой-то растёт!

Оля закладывает руки за спину и мимо Валетинки идёт в угол.

- Подними блюдце и яблоко!

Оля не слышит. Она сердится ещё больше Валетинки. Она стоит в углу, сопит и думает: "Всё равно поймаю!" Но убивать Полтора Гостя она уже не собирается: "Поймаю и отдам Валетинке. Посмотрим, как она его поставит в угол..."

ВАЛЕТИНКА

Бабушки и бабки бывают только старые. Бабушки - добрые, бабки - злые, самая злая - Баба Яга.

Когда Валетинка станет старенькая, она будет бабушкой. А сейчас она ещё новая, называть её бабушкой нельзя. Давным-давно, всего один раз, дедка назвал её бабушкой, и она на него замахнулась и обиделась. А дедка просто пошутил.

Дедка называет Валетинку - мать. Мама и дядька называют Валетинку - мама. Валетинка называет дедку - отец. Дядьку она называет - Женик или Женька или сынок. Дядька и мама называют дедку - папа или папустик. Дедка называет маму - донечка, дунечка или Валюния, а дядьку - Евгеша. Олю они все называют по-разному: Оленька, Олюшка, Олечка, малюля, малыш, зайчик, ласточка, мартышка, букашка, тюнька-юнька, дитёнок и еще по-всякому, как им вздумется, и на все надо откликаться. Только если сердятся, все зовут одинаково - Ольга.

Вот сколько приходится ребенку запоминать.

Оля тоже их всех называет. Маму она зовет только мамой. Дядьку она зовет дядькой и Женькой. Нет, иногда еще Евгешей. Дедку она зовёт так: дедка, дед и дедочка. А вот с Валетинкой было трудно. Бабушкой - нельзя, она может шлёпнуть. Мать? Не нравится, пусть дедка так зовет. Мама? Две мамы - это неудобно. Сказать, как дедка, - Надёк? Оля чувствует, что и это не годится. Поэтому она долго не называла никак. Но очень-очень хотела называть. К каждому человеку должно подходить хоть одно имя. И вот однажды Оле понравилось, как Валетинка зовет маму: "Валентина!" И мама сразу приходит. Оля увидела, что это имя - самое подходящее, и сказала очень громко, чтобы не было страшно: "ВАЛЕТИНА!" Мама сразу пришла и спросила: "Кто зовет?" Но Оля показала пальцем и сказала: "Она - ВАЛЕТИНА!" Вся семья засмеялась, а Валетинка сказала: "Я согласна. Это лучше, чем какая-то...б-баба Надя".

Это было прошлой зимой, когда Оля была ещё маленькая. А этим летом Оля увидела, что Валетинка у нее очень красивая.

Прошлой зимой дедка не разрешил Валетинке прокалывать ушки и уехал на работу. Но Валетинка проколола ушки и закрыла их волосами. Дедка вернулся, погладил Валетинку по голове и сразу увидел у нее в ушках ниточки. Он очень обиделся, пообещал отрастить бороду, повёл Валетинку в магазин и купил ей золотые серёжки с красными блестящими камушками. Теперь серёжек у Валетинки много. Вот она стоит перед зеркалом и вдевает в красивые ушки самые красивые серёжки. А свои красивые глазки Валетинка так подкрасила, что они стали просто страшно красивые. Платье на Валетинке гладкое, как живое, вся она

прекрасная, хочется ее потрогать.

Оле очень стыдно трогать Валетинку, потому что Оля только что ела по всей квартире, воевала с котом, мыла посуду, пока не прогнали, доставала из-за батареи ложку, рисовала фломастерами, и теперь она не Оля, а самая настоящая лохматая Ольга. Но потрогать Валетинку так хочется, что уже нет никакого терпения.

Подбежала, размахнулась, шлепнула изо всех сил по прекрасной круглой попке и со всех ног бросилась бежать. Валетинка всё забыла и пустилась в погоню. Оля примчалась на кухню. Там дедка, дядька и мама пьют чай.

-Дедка! Спаси меня!

Сердитая Валетинка хотела шлёпнуть, но дедка не дал. Он оказал:

-О! Два младенца - малый и старый!

Валетинка на него замахнулась и обиделась. На дедку нельзя обижаться и замахиваться. Он всё делает правильно. Но Валетинка этого не понимает. Она говорит:

-Ты кого рОстишь? Изверга рОстишь! Она меня бьет!

Что за новое страшное слово - изверг!?! Но дедка смеется и говорит очень правильно:

-Она тебя шлёпает любя, от полноты чувств.

-Да-а, - говорит Валетинка, - от полноты чувств... Синяк будет... на всё это место.

-И все на улице будут пальцем показывать, - говорит дедка.

Мама и дядька смеются, а Валетинка грозит Оле красивым кулаком и возвращается к зеркалу.

Потом они с дедкой уходят по делам, туда детей не пускают. Весь день ходят по делам, а потом возвращаются с подарками. Кукол с колясками, настоящих вертолётов и слонов опять не было в магазинах, поэтому принесли большой апельсин, разные конфеты и хорошую, крепкую расчёску. Апельсин Оля отдает дядьке, чтобы почистил, конфетами набивает карман и рот и отправляется чесать голову новой расческой.

Перед зеркалом раздевается Валетинка. Без одежды она еще красивее. У неё всё такое замечательное, что снова хочется потрогать. Но теперь Оля закладывает руки за спину, держится там за расческу и во все глаза смотрит, как раздевается Валетинка. У нее хорошее настроение, она улыбается Оле и спрашивает:

-Ну, что, мой родной? Что, ласточка?

Оля тихо спрашивает:

-Валетинка, а я буду такая красивая?

Валетинка хватает её своими прекрасными душистыми руками, душисто целует и отвечает шёпотом:

-Конечно! Обязательно! Только пойдя умойся и ложись спать, тогда скорее

вырастешь.

Но Оля хочет спросить ещё.

-А когда, у дедки будет богода?

-Какая борода?! Пусть только попробует! - отвечает Валетинка.

Оля уходит в свою комнату, обнимает кота и шепчет ему на ухо:

-Посплю, схожу в сад, потом вырасту, буду на Антона замахиваться. А уши прокалывать... боюсь.

ЗЕРНО

В мешке переполох. Лежали, болтали, вспоминали лето - как зрели-колосились, как в молотилке прыгали... И вдруг чей-то голос:

-Гречка-а-а! Да среди нас пшеничное зерно!

Сначала замолчали все, огляделись. Потом стало стыдно: одно гладкое, округлое, золотое - пшеничное! - среди угловатых и ребристых гречневых. А потом начался переполох:

-Не уколоть!

-Не поцарапать!

-Не стеснить!

-Больше воздуха!

-Наверх! Наверх его! Раздвиньтесь!

Осторожно вытолкнули дорогого гостя наверх, тогда немного успокоились. Только иногда кто-нибудь:

-Вам удобно?

-Вам не остро?

-Вам не жмет?

Пшеничное зерно держалось просто, но с достоинством. Против выдвижения не возражало, но и не возносилось. На вопросы отвечало дружески, без тени превосходства.

-Так вы на гречневом поле вызревали?

-Нет. В обычном колосе, на обычной ниве.

-Ах, нива! Конечно, нива... А как же к нам попали?

-Чистая случайность. На соседнем току из-за меня подрались два голубя...

-Какой кошмар!

-...или два воробья, от страха не запомнилось. Клювы, клювы.

-Досталось же вашим бокам!

-Да, не сладко. До сих пор вспоминаю.

-А потом?

-Один меня понёс, другой за ним погнался, и выронили над вашим током.

-И не смогли найти?

-Меня укрыли гречневые зерна. Сами пострадали, а меня спасли. Ваше единство просто восхитительно.

-Да что там, - скромно отвечала гречка. - Это дело привычное. Сам погибай, а товарища выручай - тогда все целы будем и род не заглохнет. Так что не беспокойтесь, не выдадим. Вместе в посев пойдем, лучшее место вам определим, влагой поделимся, от ветра укроем. А придётся в кашу, так где наша не пропадала...

-Я все же надеюсь на лучшее, - сообщило пшеничное зерно.

-Конечно, конечно, - согласились все. - Хлеб - дело святое. Просто у нас такая привычка: надеемся на лучшее, а готовимся к худшему. Но вам, разумеется, пошлет судьба удачу. Что же вам более всего по душе?

-Главное для любого из нас, - сказала пшеничное зерно, - это, конечно, поле. Быть посеянным, дать жизнь новым поколениям - разве бывает лучше? Однако я совсем не прочь попасть на мельницу, перетерпеть жернова...

-Какой ужас! - раздалось со всех сторон.

-Да-да, - сказала пшеничное зерно, - мы все к этому готовимся. После жерновов стать хорошей белой мукой, весело перебродить в тесте, потерпеть жару в печи - и вот ты уже хлеб! Никто не возьмет тебя грязными руками, никто не бросит на пол - люди знают цену хлебу... Вы ведь знаете, нас еще на поле называют хлебом... Лично мне хотелось бы стать сдобной булочкой. Такие булочки дают детям, а дети среди людей мне особенно по душе. В них есть доброта.

В эту минуту хозяйка зачерпнула ковшиком гречку из мешка, высыпала ее на гладкий лист и велела маленькой дочке всё перебрать, чтобы не было мелких камушков и прочего мусора, а сама занялась приготовлением овощей.

Девочка внимательно перебирала гречку, и ей казалось, будто угловатые зёрнышки о чем-то ей шепчут. И она тоже тихо шептала:

"Не бойтесь, не бойтесь. Вам будет мокро и жарко, зато потом получится очень вкусная каша". Вдруг она подняла голову и спросила:

-Мама, что это за зерно?

-Покажи! - Хозяйка поглядела сквозь очки и сообщила: - Дочь моя, у тебя в руке пшеничное зерно. Будь их много, получился бы хлеб. Но хлеба у нас и так хватает, а это зерно в каше не проварится и будет твёрдое. Поэтому брось-ка его в мусорное ведро.

-Мама! А если его посадить, оно вырастет?
-Вырастет. И в колосе будет сколько-то зерен... Десятка два, я думаю.
-И можно будет из них испечь булочку?
-О-о, для булочки таких колосьев нужен целый сноп! Надо было бы сеять и убирать, не теряя ни зернышка, года три. Можешь попробовать, но я думаю, тебе это не по силам.
-Еще посмотрим, - пробормотала девочка и спрятала зерно в карман.

ВАЗОЧКА

-Вазочка хрустальная, что ты так блестяшь?
-Солнышко играет.
-Вазочка хрустальная, снег в тебя попал!
-То-то мне и весело. Все снежинки - звёздочки.
-Вазочка хрустальная, звёздочки растаяли!
-Вот и замечательно: поблестим с водой.
-Вазочка хрустальная, в воду бросили цветы!
-Ещё больше радости - красота какая!
-Но цветы завянут, завтра их - в ведро.
-Завтра будет завтра, а сегодня - живы.
-Вазочка хрустальная, только капелька в тебе!
-Разве эта капелька хуже всей воды?
-Вазочка хрустальная, а теперь пошто блестяшь?
-Радуюсь варенью: сладко и красиво.
-Вазочка хрустальная, ты полна окурков! Отчего же ты блестяшь? Неужели рада?
-Вспоминаю солнце, воду, снег, варенье, а особенно - цветы. Этому и рада.
-Эй, осколки в ящике! Что вы всё блестите?
-Мы - хрусталь.

ЧЁРНАЯ ДЫРА

Передача "Спокойной ночи, малыши" кончилась, и Олю уложили спать. Она спросила:

-Дедка, про что сегодня расскажешь?
-Про черную дыру. Звездочки на небе - это такие солнышки, как наше, но только

очень далеко. Они горят, горят, - очень долго, - а потом выгорают, как костры, и на их месте остаются черные дыры. Кто в такую дыру попадает, тот обратно не возвращается. И вот однажды...

Оля послушала, послушала, потом глаза у нее слиплись, дедка встал и тихонько ушел.

А Оля увидела во сне много-много-много звезд. Она летела к ним, летела сама, без крыльев и без труда, а звёзды расступались, разбегались и были все равно далеко.

Тогда Оля решила выбрать одну и лететь к ней, пока не долетит. И она полетела к самой яркой звёздочке. И эта звёздочка стала приближаться. И горела всё ярче, как костер, только не вверх, а сразу во все стороны. Это очень красиво, когда костер горит сразу во все стороны. И искры летят во все стороны. И дым летит во все стороны. И потрескивает обыкновенно, как в самом костре.

А когда Оля подлетела совсем близко, звёздочка вдруг стала догорать и погасла, будто ее медленно выключили.

И сразу на месте звёздочки образовалась черная дыра. Небо кругом было черное, как бывает ночью, а дыра - ещё чернее.

И Оля стала падать в эту дыру. Она барахталась, махала руками и ногами, но зацепиться было не за что, она падала, падала, падала и влетела прямо в эту дыру. И с той стороны, за дырой, не было никаких звезд, было совсем темно, и Оля заплакала, потому что испугалась, что так будет всегда, и она больше никого никогда не увидит - ни маму, ни деду, ни куклу, ни Котика - никого и никогда.

Но вдруг зазвучала музыка, которая бывает по телевизору, и Оля увидела глобус, как у дядьки Евгеши, а вокруг глобуса полетела звёздочка - всё стало точно так, как в программе "Время".

Оля обрадовалась и полетела туда. И увидела, что это та самая звёздочка - она не погасла, а просто выпала из своего места. Оля захотела её догнать, поймать, чтобы вернуть на место, но звёздочка улетела за глобус, а Оля стала падать, падать, падать на Землю.

И упала с кровати. Вместе с одеялом.

ВИШЕНКА

Самое страшное, конечно, - попасть в руки людям. Этими руками тебя забросят в рот, разжуют, почмокают в удовольствии - и проглотят. Так бесславно и бесследно погибают на глазах у остальных все вишни с этого дерева. А на соседних растут какие-то другие плоды - зелёные, ребристые и на вид очень твёрдые. Их люди пока не трогают. Но, конечно, тоже съедят.

Так размышляла спелая красная вишенка, прячась в листьях. Ей повезло уже дважды. Сначала, когда листья были маленькие, она расцвела белым цветком раньше всех остальных

и украшала свою ветку, своё дерево, весь свой сад. Потом она была твёрдая и зелёная, и какая-то птица тронула её клювом, но глотать не стала. А листья росли, гладкие, блестящие, твёрдые - они укрыли вишенку от чужих глаз. И она к тому времени уже не хотела украшать свою ветку, своё дерево и свой сад, потому что знала - обязательно съедят. Вокруг уже давно стоял крик срываемых соседок, каждый день раздавалось человеческое чмокание, и это было весьма неприятно.

Вишенка жалела погибших и очень надеялась, что сумеет укрыться от людей и высохнуть на своём длинном черенке. Тогда, может быть, и человек на неё не позарится, и червяк в неё не залезет. Конечно, не останется и прежней налитой красоты, зато останется жизнь. Ведь что-то должно происходить с уцелевшими такое, чтобы жизнь продолжалась вечно, чтобы росли деревья - всё новые, по всей земле. А земля даже с высоты дерева была видна далеко и просторно. Какова же она оттуда, где летают птицы?! Лучше уж пусть какой-нибудь жаворонок или щегол сорвёт её и понесёт повыше в небо. Он может случайно выронить добычу, и тогда вишенка упадёт на землю, пустит корешок, станет деревом, от неё начнётся новый сад, сплошь вишнёвый и без людей...

Так она мечтала несколько дней, пока вдруг по листве не пробежал быстрый шелест, и она не почувствовала боль.

Сорвали.

Мальчишка поднял её над головой и крикнул: "Смотрите, какая огромная! Смотрите, как я могу!" И подбросил вишенку в небо.

Она летела вверх и думала: "Какой добрый мальчик. Он угадал, чего я хочу. Теперь могу оглядеться, выбрать место, куда лететь, где ещё нет вишнёвого сада..."

Но взлёт начал замедляться, потом прекратился. Вишенка не успела даже оглядеться, как пришлось падать отвесно вниз, в открытый рот безжалостного обманщика, на влажный язык между острыми белыми зубами. Эти зубы тут же вонзились в сочную красную мякоть, раздалось чмокание, и это было последнее, что услышала вишенка, потому что от боли потеряла сознание...

Бесследная и бесславная смерть, однако, не наступила. Вишенка очень быстро очнулась и с удивлением обнаружила, что снова летит. Только теперь не вверх и не строго вниз, а по кривой, под сень родного дерева. Упала на мягкую сырую почву, подпрыгнула невысоко, последний раз кувыркнулась и одиноко, неуютно застыла в неподвижности.

Мальчишка тем временем уже задрал голову вверх, выискивая новую жертву, шагнул не глядя, босой ногой, втоптал пяткой вишнёвую косточку в почву и уже не вспомнил о ней никогда. А через две недели уехал к своим родителям в северный город, где вишни не растут.

Косточка тем временем недолго погоревала в земле - да и пустила корешок. Она уже поняла, что её жизнь - не в красивой блестящей красной мякоти, а в твёрдой косточке, в самом ядрышке, которое люди никогда не едят, хоть оно и съедобно. Не стоит трудов такое маленькое ядрышко - не прибавляет оно человеку ни сытости, ни ума... Понимать всё это было очень и очень приятно. Но вишенка не возгордилась. Она уже знала цену жизни и смерти, цену полёта и падения, цену вкуса, красоты и разума. Всё приходит и проходит, остаётся только жизнь. А в жизни есть всё понемногу, и надо уметь радоваться - сейчас, уметь терпеть боль - сейчас, уметь не бояться - никогда, потому что настоящей смерти нет, а есть только разная-разная жизнь. Есть жизнь, которая кажется праздником. Есть жизнь, которая кажется хуже смерти. Есть просто жизнь, о которой можно даже не думать, пока не упадёшь в сырую землю и не появится много свободного времени...

На следующее лето под старым вишнёвым деревом выросла крепкая длинная лозина с твёрдыми блестящими листьями. Старый хозяин осмотрел её и с удовольствием сказал: "Во какая ладненькая". Вежливо выкопал и пересадил на свободное место - как раз туда, куда и хотела попасть вишенка, подброшенная год назад внуком хозяина.

...Через несколько лет Вишенка впервые зацвела.

Эти истории снились Ольге, пока она была маленькая. А когда подросла, и истории повзрослели.

ВАЖНЫЙ ГОСТЬ

Цветы были извлечены и вручены. Теперь он стоял рядом с ней. Он сиял. Она стеснялась. Ей было стыдно за свой внешний вид. Она смотрела на него и не находила слов. Она была уверена, что с простыми словами к нему не обращаются. И конечно, думала она, этот красавец может рассказать многое. Только сумеет заговорить.

"Спросить его о погоде? - думала она. - Я так давно не бывала там, где погода... Но разговор о погоде - дурной тон, его заводят, если не о чем говорить. Нет, не буду его смешить. Лучше попробую угадать, какая тема ему ближе. Судя по его внешности, что-нибудь иностранное". Так она решилась начать первая - в конце концов, хозяева обязаны развлекать гостей.

- Должно быть, вы недавно из-за границы? - спросила она.

- Йес, - ответил он.

"Судя по произношению, - быстро подумала она, - с англичанами он дела не имел. Выговор у него скорее североамериканский".

- Канзас, Невада? - спросила она наугад.

- Монтана, - процедил он, но слегка оживился.

- А к нам - через Японию? - спросила она. - Или через Европу?

- Си, - ответил он и, чуть подумав, добавил: - Яволь. "Ох, - подумала она. - Испания, Италия, Германия... Боже мой, как не завидовать, если за всю жизнь дальше России не выезжала!"

- Ну, и как там сейчас? - спросила она. И со стыдом подумала, что такой общий вопрос должен его рассмешить.

- Шарман, - ответил он. - Вундербар!.. О'кей!

"Немногословен, - подумала она. - Вероятно, такая работа".

- Сейчас угадаю, - сказала она весело. - Вы - дипломат!

- Йес, - согласился он. - Атташе.

- О! - воскликнула она. - Пресс-атташе? Или торговый? Или, м-м-м, военный?..

Она стыдилась своей назойливости, но жалко, жалко было упускать столь редкий случай столь интересного общения. Если он военный атташе, то ничего, разумеется, не расскажет. Однако хоть что-нибудь о разрядке международной напряженности она

попробует из него выдавить. Если он атташе торговый, тут легче, тут можно сразу же завести разговор о перспективах конкурентоспособности наших товаров на внешнем рынке. Ну, а если он пресс-атташе, тогда уж она найдет, что спросить... Вдруг ей стало страшно: она подумала, что он может оказаться каким-нибудь другим атташе, а она никаких других не знает! Какой же он атташе?

-Я - вообще, - ответил он туманно.

"Очень мило, - подумала она. - Со мной, кажется, не хотят разговаривать. Или ему неинтересно или я попыталась вторгнуться в область государственных тайн. Скорее сменить тему!"

-Простите, я не представилась, - сказала она быстро. - Меня зовут Оля..

-Это у вас на боку написано, - усмехнулся он. Такой вопиющей бестактности она не ожидала и на несколько мгновений растерялась. Она готовила ответ обиженный и полный достоинства, она хотела заявить, что есть вещи поважнее, чем внешность...

Но беседу прервали люди, которые вышли в прихожую.

-Олечка, - сказала хозяйка внучке, - собери игрушки в сумку и унеси в свою комнату.

-Какая старинная сумка, - заметил молодой гость, который уже собирался уходить.

-О, - сказала хозяйка, - у этой сумки славная судьба. Она ходила со мной в школу и на тренировки, летала на соревнования, вместе со мной закончила университет и аспирантуру - вполне счастливая сумка. После меня её не смогла добыть дочь, а теперь вот внучка хранит в ней свои игрушки.

-А имя на сумке сама написала? - спросил гость.

-Сама, - сказала внучка. - Мне уже четыр-р-ре года, я с этой сумкой буду в школу ходить.

-Молодец, - похвалил гость. - Приходи к нам. У меня дочка такая же, как ты. Её зовут Маша.

-Хор-р-рошо, - сказала Оля.

-Ну, до свидания, - сказал гость.

-Подождите, - спохватилась хозяйка. - Мы с Олечкой сейчас сделаем подарок вашей Маше.

Она сходила на кухню и принесла баночку.

-Это малиновое варенье. Мы сварили его сами. Если Маша простудится, напоите её чаем с малиной и накройте потеплее. Встанет здоровая.

-Спасибо, - сказал гость.

-Я сейчас заверну, - сказала хозяйка.

-Да не беспокойтесь! У меня кейс пустой.

Гость поднял с пола свой новенький чемоданчик и, приговаривая: "Кейс-атташе-дипломат-саквояж-балетка-портфель-чемодан-ящик-тара-сундук", -поставил туда банку.

-Неплохая вещь, - похвалила кейс хозяйка.

-Да так, - скромно ответил гость. - Подарили зарубежную безделушку. Зачем-то с цифровыми замками. А что запирать? Пустоту? Да и зачем запирать?

-Пустой сундук! - сказала Оля. Она засмеялась и обняла свою сумку.

"Ах, какой конфуз!" - подумала сумка.

-О кей! - рявкнул сундук и лязгнул цифровыми замками.

ГЛУПЫЙ, СТРАННЫЙ КРУ

Суд муравьев - самый правильный в мире. Потому что судят сразу все. После такого суда, конечно, все довольны. Вот так-то.

А кто недоволен - пусть уходит. Посмотрим, как проживёт один... Бывало - уходили. Но все вернулись. И живут со всеми, как муравьи. Только извинились - и живут.

Общий разум - великая сила.

Один только Кру этого не понимает. Он даже на суд не пришёл, как все, а свалился с неба. Объяснил, что во-он на той паутинке прилетел, с пауком. Спросили: да как же такое можно - муравью - летать - да еще с кем? с пауком?! Ответил, что ничего особенного: когда спешишь, то лучше всего лететь, а с кем лететь - не всё ли равно.

Вот такой глупый, странный Кру.

За это его и решили судить.

И вот стоит Кру в муравьином кругу, не стоит, а вертится, потому что положено смотреть на каждого, кто говорит, а говорят все. Вернее, все кричат.

-Кру таскает соломинки за конец, а надо - за середину!

-Кру убегает дальше всех, поэтому часто не ночует дома!

-Кру всегда бегают, а надо ходить!

-Кру всегда бегают один, а надо ходить со всеми!

-Отвечай, Кру!

Вот он и вертится. И всем отвечает.

-За конец я соломинку везде проташу, а за середину - всегда поперёк пути!

-Далеко убегаю - больше узнаю, всем же лучше!

-Бегом я меньше устаю, значит - больше делаю!

-В строю ходить - скучно мне!

Но никто не слушает его ответов. Правила для всех одни, а Кру их нарушает, разве

может он быть прав?! И с разных сторон кричат наперебой:

-Все нападали на гусеницу с боков, один Кру напал сверху!

-Все ночуют дома, один Кру себе позволяет!

-Все ходят по общей тропе, один Кру себе позволяет!

-Никто не лезет в воду, один Кру себе позволяет!

-Отвечай, Кру!

Бедный Кру вертится, пытается всех перекричать:

-А кто бы гусеницу загрыз, если бы я с ветки не прыгнул?

-А много бы вы узнали, если бы я дома ночевал?

-А кто же новую тропу найдет, если всем по одной ходить?

-А знаете, как интересно плавать на сухом листе?!

Глупый, странный Кру. Никто его не слушает, потому что мал его умишко против общего разума. И все кричат:

-Этот Кру нарушил правила, которым все следуют уже два миллиарда лет!

-Этот Кру - опасный преступник!

-Нам не нужны преступники!

-Пусть уходит! Пусть уходит!! Пусть уходит!!!

Это приговор. Можно больше не вертеться. Кру сидит посреди круга и слушает, а все кричат теперь только одно:

-Пусть у-хо-дит! Пусть у-хо-дит!..

Когда крикнули сто раз, наступила тишина. Теперь преступник должен встать и уйти.

Все молча, ждут.

Кру встает.

По правилам надо уйти молча.

Но он вдруг закладывает передние лапы в рот и совершает новое преступление.

У кого, когда и где он выучился так громко свистеть? Да за это его разорвать мало!

-Ра-зо-рвать! Ра-зо-рвать!! Ра-зо-рвать!!!

Но не успели крикнуть сто раз, потому что прилетел на паутинке небольшой паучок, подхватил преступника - и был таков.

От обиды все в кругу разом замолчали.

А преступный Кру закричал сверху:

-Неправильно судите! Неудобно отвечать, когда стоишь в кругу! Если всем собраться на склоне муравейника, тогда одному не надо вертеться! И говорить лучше не всем сразу, а по очереди...

Паутинка быстро улетала, голос Кру едва слышался... Да никто и не хотел его

слушать - глупого, странного, преступного муравья. Вот помучается один, узнает страхи, ужасы и беды, тогда вернётся и будет жить как все.

Только сначала пусть попросит прощения. По всем правилам. Выйдет в круг и сто раз крикнет: "Виноват, простите!" А мы его поспрашиваем: где бывал? как жил? что видал? И уж повернется, повертится, как миленький...

"А ХОТЬ БЫ И ТАК..."

За окном красиво пела жёлтая птичка в высокой изящной клетке. Клетка стояла на подоконнике.

-Красивый молодой листок, - слышалось из комнаты. - Жаль, что ветка прижата к стеклу - никогда ему не пошуметь, не затрепетать.

"Бедный я, бедный, - подумал листок. - Ведь это меня жалеют. Всю жизнь быть распластанным на стекле, пляться в темную комнату... Нет мне утешения".

Настали жаркие июньские дни. Хозяева выставили в форточку клетку с жёлтой птичкой, и она оказалась рядом с листком, распятым на стекле. Откуда-то из-за высоких облаков слетел к ним ветерок, и птичка заметалась по прутьям. Она рвала их слабым клювом и раскачивала тонкими лапками. Раньше она в клетке пела, а теперь молчала и дралась отчаянно.

Увидев бесполезную борьбу жёлтой птички, слетел к ней на клетку воробей:

-Ты кто такая, красавица?

-Ах, только не надо ухаживать! Я - несчастная канарейка. Я в неволе, как видите. Лучше помогли бы выломать хоть один прут.

-Это мы охотно, - согласился воробей. - Свобода - первое дело.

Они вдвоем ломали клетку, пока не выбились из сил. Отдыхая, воробей сказал:

-Бывают прутья деревянные. Там иногда удается сломать. А тут все из железа.

Дохлый номер.

-На волю хочу! - застонала канарейка.

-А ведь тебе на воле не жить, - сказал вдруг воробей.

-Да почему же?

-А вспомни, чем тебя кормят?

-Семенами конопли.

-Еще чем?

-Больше мне ничего нельзя. Но ведь на воле...

-Нет на воле этих семян, - сказал воробей. - Уж я-то знаю. Здесь пища грубая. Город...

-А хоть бы и так! - воскликнула канарейка. - Зато свобода!

-Здесь много хищников...

-А хоть бы и так! - повторила она.

-Зимой погибнешь от холода... Даже осенью...

-А хоть бы и так! - твердила канарейка. - Хоть день, хоть час, но на воле! Хоть умереть, но свободной! Не могу больше в клетке петь! Задыхаюсь за решёткой!

-Ну, - сказал воробей, - значит, ты мне родня и долго уже не проживёшь.

-Тогда уж скорей бы, - сказала канарейка, глядя на летящие высоко облака.

Вскоре клетку убрали в комнату, и больше жёлтая птичка не пела. Иногда к ней прилетал воробей и, сидя на ветке рядом с листком, стучал клювом в окно. Тогда канарейка начинала метаться по клетке, и воробей её жалел.

Однажды пожалел он и листок. Тронул его клювом и сказал:

-Бедняга! И тебе нет свободы.

И только листок захотел привычно погоревать о своей судьбе, как вдруг явилась ему совсем иная мысль: "А хоть бы и так! Зато не в клетке". От этой мысли ему стало легче, даже как-то веселее.

День за днём, ночь за ночью уходило куда-то летнее время. Кто думает, что ночами листья спят, тот ошибается. Жизнь листа слишком коротка, чтобы он мог позволить себе спать ночами. В тёмное время листья просто реже дышат, но зато больше думают, а в хорошую погоду любят небо.

Размышляя о звёздах, лист, разумеется, грустил. Он знал птиц, был знаком с ветром и высотой, поэтому легко представлял себя крылатым, летящим навстречу облакам вместе со стайей скворцов или ласточек. Он понимал страдания канарейки: жизнь в клетке - это не жизнь. Его собственный хвостик, приросший к ветке, был, конечно, помехой полёту, но с каждым днём в листке росла уверенность: хвостик - это ненадолго. Уже участились ненастья, когда похолодавший ветер трепал его вместе со всеми, и это было подобно полёту. Уже некоторые из соседних листьев и листья с других веток оторвались и улетели вместе с разными ветрами. И окрепший, потвердевший листок представлял, как где-то высоко они собираются в стаю, чтобы лететь в путешествия над миром. Может быть, их целью будут звезды... Он очень беспокоился: вдруг все уже собрались и не улетают только из-за него? вдруг не дождутся? Разве можно в таком состоянии уснуть?

Наступил день, когда наш лист остался один на всём дереве. Он уже хорошо чувствовал свою готовность к полёту, а южный ветер все прижимал его к мокрому стеклу и не давал оторваться от ветки.

-Смотрите, - послышалось из комнаты, - тот самый листок остался последним. Он

совсем красный.

"Хорошо или плохо быть красным?" - подумал лист.

-У клена не бывает красных листьев, - сказал кто-то в глубине комнаты.

-Много ты понимаешь, - ответили ему. - Сам посмотри.

-Дался вам лист, - возразил этот кто-то. - Канарейка помирает...

Лист уже знал, что жёлтая птичка скоро умрёт. Он хотел бы в последний раз услышать ее голос, он ждал, чтобы на ветку сел воробей и стукнул в стекло, но в эту минуту наконец ударил западный ветер. Он оторвал последний лист от ветки и зашвырнул его в пространство.

-Бедненький! - успел услышать лист. И подумал: "Как бы не так!"

Он летел куда-то и вспоминал бедную канарейку. Может быть, перед смертью она видела, как он вырвался на волю, и порадовалась за него?

Мелькнул воробей, летевший куда-то по своим делам. Чирикнул:

-Последний! Поддался ветру!

"А хоть бы и так, - подумал лист. - Зато лечу!"

Резвился в городе западный ветер, а с ним и красный кленовый лист. Ударился о стены, продираясь сквозь тонкие ветки обнажённых деревьев, со свистом летел у самой земли, где во множестве лежали другие листья, но не ложился с ними рядом, а взмывал под низкие серые тучи и всё кружился, кружился, кувыркался, пытаясь увидеть побольше и повсюду успеть.

У самых туч сильная струя южного ветра вмешалась в полет, завертелся вихрь, лист свернуло, развернуло, еще сильнее закружило, и он оказался в непроглядной мути дождевой тучи. Какая-то несчастная мошка, заброшенная вихрем в эту муть, всеми лапками вцепилась в край листа и вместе с ним начала обрастать влагой.

-Пропадаю, - шептала мошка. - На землю больше не попаду.

"А хоть бы и так", - думал лист и вспоминал канарейку в клетке - вот кому по-настоящему плохо.

-Сидеть бы сейчас в какой-нибудь коробочке, - причитала мошка, - никуда не лететь и чтоб кормили...

"Как бы не так! - рассердился лист и стряхнул мошку вместе с каплями влаги. - Если уж летать, то без паники, без страха, выше, дальше и как можно быстрее!"

Но скоро, отяжелев от сырости, он вывалился из облака и, медленно кружась, начал опускаться к земле.

Для свободного полета у него были все данные. Не утихнул ветер - неизвестно, куда бы занесло наш лист. Но весь воздух внезапно затих, притаился, тучи стали удивленно

сталкиваться и перемешиваться, а лист, слегка накренившись, просторной плоской спиралью пошел к земле.

Внизу горел костер, дым от него голубым столбом упирался в облако, а вокруг этого столба, всё ниже и ниже, все ближе и ближе к дыму планировал красный кленовый лист.

Он падал в огонь. Это было неизбежно.

"А хоть бы и так! - успел подумать лист. - Еще взлетим!"

Так и произошло. Он опустился в огонь, вспыхнул, обуглился и тут же, вместе с дымом, устремился к небу.

ВЫШЕ ЛЕСА

Одна осинка росла не так, как все. Когда рядом такие же вверх тянулись наперегонки, она всё крепче вцеплялась корнями в землю. Искала питание в самых глубинах и всё глубже запускала корни. Тонкий чернозём прошла, в глине укрепилась, в песке мокром распространилась, а всё ей мало. Где встречала камушек - обходила, а когда дошла до скального грунта, зацепилась за каждую трещинку. И поскольку дальше скалы в землю не уйдёшь, начала она теперь тянуться вверх - с той же силой, с какой искала питания в глубине. Сухие сучья старых деревьев целились покалечить её тонкую кору, чужие ветки застилали ей дорогу, но она сучья обходила, ветви раздвигала и кудрявой кроной пробивалась, пробивалась к Солнцу, к Луне и звёздам, к ветрам и дождям - и однажды пробилась. А пробившись, обнаружила, что очень далеки светила, дотянуться до них так же невозможно, как пронзить корнями скальную породу.

Тогда осинка огляделась вокруг. После усердного копания в земле и усиленного стремления к небу это очень приятно и поучительно - оглядеться по сторонам. Она восхитилась мощью кедровых стволов, белизной берёзовой коры, острым изяществом ёлочных силуэтов. Она удивилась умению птиц летать, а зверей - скакать. Огорчилась некоторым насекомым, которые питаются чужими соками и даже чужой плотью. Задала обо всём этом вопросы своим соседям, но ответы её не удовлетворили: "Птицы летают, потому что плохо бегают. Звери бегают, потому что не умеют летать. Все живые едят друг друга, потому что хотят есть". Так отвечать умела и она сама.

Ей захотелось обратиться к тем соседям, которые росли подальше. Но их было плохо видно и слышно из-за ближних соседей, и она нашла решение: надо вырасти над ними, тогда можно будет увидеть и услышать многих.

Осинка стала расти дальше и через небольшое - по древесным понятиям - время обнаружила, что весь лес - одного роста. Только она возвышается над всеми да кое-где -

очень редко и далеко - торчат над общей массой зелени засохшие до неузнаваемости кроны каких-то деревьев.

Дальше рассказывать не о чем. Одной сухой вершиной над лесом стало больше.

БОЛЬШЕУХИЕ

Шёл мышонок ночью по лесу. Ничего не боялся, ни от кого не прятался, шел-посвистывал, никто его не тронул. Сова летела, увидела его, захохотала:

-Эй, дурачок большеухий! Скоро подрастешь?

Хорёк бежал, на него наткнулся, отвернулся:

-А, ушастик... Расти большой.

Шёл мышонок, шёл и пришёл в пещеру. В небольшую пещерку, как раз на сто мышат, таких же, как он, только обычных, не ушастых. Старый учитель его сразу приметил:

-Эй, большеушек! Как тебя зовут?

-Меня зовут Мыш.

-Ты один пришёл?

-Я пришёл один.

-А что другие - не хотят?

-Из других остался один мой брат Кыш.

-Остальные где?

-Остальных уже съели.

-А Кыш почему не пришел?

-Он уже умный.

-Понятно, - сказал учитель. - Ну, слушайте. Слушайте, мышата, лекцию для вступающих в самостоятельную жизнь.

Чем слабее зверь, тем больше у него врагов. Давайте сравним. Ну кого бояться льву? Только другого льва. И то не всякого. Чтобы льву бояться льва, им надо поссориться смертельно. Но гордым львам незачем так ссориться - у каждого своя охота, слабых кругом полно... А носорогам что делить? Травку? И бояться им некого: против такого оружия даже лев не пойдет, да и шкура у них - крепка. И носорогу быть гордым не опасно... Вот буйвол - он хоть и с рогами, а льву уже добыча. И грусть у него в глазах, и гордости поменьше, потому что надо поглядывать по сторонам да от стада не отходить: стадом все-таки буйволы непобедимы, даже человек не устоит... Еще слонам хорошо. Ну, еще крокодилам и бегемотам. Тиграм. Медведям неплохо... А остальным - трудно. Чем ты мельче, тем тебе труднее.

Теперь поговорим о мышах.

Кому страшна одна мышь? Всё ясно, можно не отвечать. Кому страшно стадо мышей? Понятно, тоже никому. Вот стадо крыс может и льва испугать, потому что - загрызут ведь. А мыши - тут уж всё, дальше некуда. Мышей боятся только некоторые нервные женщины да еще... слоны. Причина этого страха науке до сих пор неизвестна, и для нас он только исторический казус, ибо страшная правда состоит в том, что мышь - никому! - никогда! - не страшна. Более того, мышь - беззащитна. Она не может нападать. Она может только прятаться. Она обречена жить в постоянном страхе. В страхе за собственную жизнь.

Но бойся, не бойся, а надо же что-то грызть. Древесина под полом - не еда, об нее только зубы точат. Для еды желательнее что-нибудь зерновое, хлебное, молочное. Можно и мясное, но чтобы оно не кусалось. А где это взять? Каждому понятно: только украсть.

Вам приятно есть краденое? Не пробовали? Ничего, попробуйте. Конечно, это стыдно. Человеку, например. А мыши - не стыдно. Она не виновата, что слабая. Природа заставила ее воровать. И конечно, мыши страшно, когда она ворует. Ей всегда страшно. Чем дальше, тем страшнее, потому что всё больше становится главных врагов - кошек и людей. Особенно опасны люди, потому что большинство кошек ловит мышей ради пропитания, а эти чудовища убивают просто так, из брезгливости и по скупости, не желая делиться своими излишками. Люди своё добро скорее в землю закопают, огнем сожгут, но мелкому грызуну ни за что не отдадут. Люди травят мышей специальными ядами, убивают хлопучками, ловят рыболовными крючками, вертушками и специальными мышеловками, чтобы потом - о изверги! - отдавать своим кошкам и любоваться, как этот хищник, обнаглевший от лени и обжорства, забавляется с беззащитным крохотным существом, пока не замучает до смерти. Как жить мыши в таком страхе? Как ей от этого страха не умереть? Оказывается, довольно просто.

Во-первых, все хитрости человеческие мы с вами изучим, и тому, кто не будет пропускать занятия, не будут страшны ни капканы, ни кошки, ни ядовитые приманки. А во-вторых, наукой совершенно доказано, что к страху можно привыкнуть. Любая мышь, если это нормальная мышь, может рисковать жизнью каждую ночь и даже днем ради нескольких крошек чужого хлеба насущного. Можно обходить ловушки и обманывать кошек, дрожа от страха, но отнюдь не умирая. Так и поступают все мыши... На сегодня довольно.

Мышь молодёжь тихонько похлопала учителю и стала расходиться по одному, перебежками.

Старый учитель подозвал Мыша.

-Для тебя хочу кое-что добавить, - сказал он. - Наука признаёт правильными только два вида храбрости, если применять это понятие к слабым. Во-первых, для защиты детей.

Это понятно. А во-вторых, от отчаяния. Когда слабому деваться некуда, он бывает вынужден защищаться. Заяц, которого догнала сова, может перевернуться на спину и ударом задних лап убить ее. Мышь, обороняясь, может укусить человека за палец. Но гораздо чаще сова и ястреб убивают зайца, а человек так берет за загривок, что не вывернешься... Всякая другая храбрость для мыши - самоубийство, понимаешь?

-Понимаю, - сказал Мыш. - Только жить в страхе я не хочу.

-Увы, - сказал учитель. - Мы знаем, ушастые мыши все такие. Из-за вашей гордости многие даже считают вас глупыми, потому что вы никого не боитесь, везде идёте напролом, и вас любой может съесть. Наукой установлено, что из-за этого скоро вас совсем не останется.

-Да, - сказал Мыш. - Поэтому я и пришёл учиться.

-Жаль, что ты ничему не научился, - сказал учитель.

-Это не так, - ответил Мыш. - Я внимательно послушал и задумался. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Он вышел из пещерки и без приключений добрался домой. На него опять ни один хищник не позарился, потому что все хищники знали: гордые ушастые мыши не удирают и не прячутся, их всегда можно сцапать и незачем есть малышей, если можно дождаться, когда они подрастут. Правда, дети хищников истребляли мышат, когда старших не было рядом, но Мышу и на этот раз повезло.

Дома Мыш узнал, что через неделю в Большой Пещере состоится Всеобщее собрание ушастых мышей, которые ещё уцелеют. Старейшины хотят посоветоваться с народом, как спастись от поголовного истребления и при этом не потерять свою гордость. Дело в том, что некоторые уже начали сомневаться: нужна ли гордость, когда тебя едят?

-Зёрен погрызи, сынок, - предложила мать.

Мыш стал есть. В это время под корягу, где они жили, явился братец Кыш.

-По-моему, нас уже боятся, - пискнул он. - Я встретил сейчас трех хищников, и ни один не стал со мной связываться. Думаю, они не решились.

Их мать отвернулась и вздохнула.

-Ну, чему научился у трусливых? - спросил насмешливо Кыш. Он сел рядом с братом и тоже стал есть.

-Думать, - коротко ответил Мыш. Он не стал доедать свои зерна и быстро ушел. Больше его не видели.

Через неделю в Большой Пещере сошлись все отовсюду и увидели, что в самом деле их очень мало осталось. Раньше здесь умещалось только по двое ушастых от каждого рода, а теперь даже всем оказалось просторно.

-Как спасёмся? - спросили старейшины. - Было бы преступно - погибнуть всем. Посмотрите: хищники перестали трогать наших детей, чтобы растянуть себе удовольствие, но нас это не спасёт... Давайте сядем здесь и не будем расходиться, пока не решим, что делать.

Долго молчали и думали.

-Может быть, нам гордо прятаться? - предложил кто-то нерешительно.

-Ты еще предложи гордо дрожать, - был ответ.

-Будем гордыми до конца! - выкрикнул маленький Кыш. - Погибнем с честью всем назло! Своей смертью мы обвиним всех, вот!

-Если так, то не стоило и собираться, - сказал Главный старейшина. - Погибать - ума не надо. А надо сохранить наш гордый род. Вот о чём подумайте, мыши!

В высокой пещере было тихо и темно. Свет не проникал в нее, и ушастые мыши не знали, ночь снаружи или день, и сколько дней уже они думают и сидят здесь голодные.

-Довольно думать! - раздался вдруг сверху веселый голос. - Вы гордо умрете от голода, и это тоже будет преступлением. Смотрите сюда!

Надо сказать, что большие уши были у этих мышей не для красоты. Резко посвистывая, большеухие как бы видели ушами все предметы, до которых долетал их свист. Люди называют такое устройство звуковым локатором.

Большая Пещера наполнилась тонким свистом, и все увидели, что на потолке, вниз головой, зацепившись когтями за трещинку в камне, висит потерявшийся Мыш.

-Он живой! - обрадовался Кыш. - Эй, брат, ты что там делаешь?

-Я не придумал, как нам спастись, - обратился Мыш к собранию, - но я нашёл, как можно долго думать и не умереть от голода. Меня здесь никто не достанет, я здесь гордо ничего не боюсь, а питаюсь я мошками!

-Так они съедобны?! - удивились большеухие.

-Они вкусны! - отвечал Мыш. - Я их ем уже неделю!

Мошек в те далекие времена было гораздо больше, чем сейчас, потому что ловить их в темноте было некому. И все, кто был на собрании, быстро поймали по мошке, и всем показалось вкусно.

-Но тебя могли съесть, когда ты спускался спать, - сказали они Мышу.

-Зачем спускаться? - Он засмеялся. - Я так и сплю. Только хвост висит и немного щекочет, но к этому можно привыкнуть.

-А голова не болит?

-Чем спрашивать, давно бы попробовали, - сказал мышонок.

Как уже сказано, всё это происходило очень давно. Так давно что никто не помнит, почему у большеухих исчезли хвосты и выросли крылья, и что произошло раньше. Может быть, они, вися под потолком пещеры, откусили себе хвосты, чтобы не было щекотно, а скорее всего - мошек стало поменьше, стало труднее их ловить, вот и понадобились крылья, а хвосты отвалились сами, за ненадобностью. Главное, что гордый род сохранился. Большеухие так и привыкли спать вниз головой где-нибудь в пещере или на чердаке, а то и на дереве. Так и ловят ночами мошек, и в теплую погоду их можно нередко увидеть на фоне звезд.

А врагов у них не стало, потому что нет в воздухе никого проворнее, чем гордая летучая мышь.

СТРАШНЕНЬКАЯ СКАЗОЧКА

Комар пил нектар. А его подружка Комаришка любила чужую кровь. Комар ей говорил:

— Кровь пахнет хуже нектара. Зачем пьёшь?

Она отвечала:

— Зато вкусно. Попробуй. Вон идёт человек.

— Не хочу, — говорил Комар. — Нет ничего вкуснее нектара. К тому же боюсь. Цветок меня не тронет, а человек может прихлопнуть. Я такое видел.

Он жил на свете уже три дня и успел повидать всякое.

— Как хочешь, — сказала Комаришка. — Я без чужой крови не отложу яички, из них не выведутся детки. Я полетела.

Комар подумал: "Трудная у неё жизнь. Даже стыдно. Но что поделаешь? Я создан только для полёта. И для песен. Эти прозрачные крылышки красиво, тонко поют. Можно даже на разные голоса. А бедной Комаришке песни крыльев только мешают. Ей надо подлетать незаметно, прокалывать кожу осторожно, чтобы не сделать больно. Да ещё эти яички..."

Он решил выпить побольше нектара, чтобы угостить им Комаришку: сладкое никому не вредно. Спрыгнул с дерева, зазвенел крыльями, затрубил: "Лечу-у-у!" И помчался вниз.

И вдруг увидел непонятное. Небольшой Паучок, который поселился на их дереве только вчера, спустился на землю и тащил куда-то длинную белую волосину. Её конец был где-то наверху, на дереве, а вытекала она прямо из Паучка.

— Эй, сосед! — крикнул Комар и завис над Паучком. — Что это у тебя за волосина?

Двумя глазами Паучок взглянул на Комара, а остальными смотрел по сторонам и продолжал бежать.

— Это не волосина, — сказал он. — Волосины у меня только снаружи. Это паутина. Она вся внутри.

— А зачем она тебе?

— Я летать-то не умею, — сказал Паучок. — А хочется. И петь не умею. А хочется. Вот натяну меж двух деревьев паутинку и буду по ней гулять. Подёргаю за неё — она зазвенит. Может, и спою. Спущу с неё вниз другую паутинку — буду качаться, как будто лечу.

— А чем ты питаешься? — спросил Комар.

— Ещё не знаю, — ответил Паучок. — Я пока не голодный.

И побежал быстрее.

А Комар прилетел на клумбу и долго летал с цветка на цветок, напивался нектаром. Напил такое толстое брюхо, что насилу взлетел. Крылья кое-как его несли и пели басом. Трудно, но приятно.

Когда подлетал к своему жилищу, Комар увидел, что Паучок умеет здорово работать. Натянул от дерева к дереву две волосины, то есть паутины, а между ними сплёл красивую круглую сеть. И сам посреди сети отдыхает. Увидел Комара и закричал:

— Не долетишь! Отдохни со мной, побеседуем!

Комар и сел на край паутины.

— Ох, как ты вкусно пахнешь! — сказал Паучок и пополз к Комару.

— Это нектар, — сказал Комар. — Тебе нравится?

— Не знаю, — сказал Паучок. — Ещё не пробовал.

— Обязательно попробуй, — сказал Комар. — Тебе понравится.

— Сейчас попробую, — сказал Паучок. И так посмотрел всеми глазами, что Комару стало не по себе.

— Ты волосину к цветам протяни, — сказал он. — А я полетел.

Взмахнул прозрачными крыльями, а взлететь не смог. Прилипли лапы к сетке. Замахал сильнее, забился, задел крылом — и крылья тоже прилипли.

— Это не волосина, — говорил Паучок и бежал к нему, и совсем не прилипал, — это паутина, свеженькая.

— Почему не прилипаешь? — спросил Комар.

— Сам не знаю, — ответил Паучок. И посмотрел жадно. За ним тянулась блестящая паутинка. Он зацепил её задней лапой, перебросил на переднюю, а потом набросил на Комара. — А к тебе хорошо прилипает, — сказал с удовольствием. И стал набрасывать ещё.

— Освободи меня, сосед, — попросил Комар. — Я своей Комаришке нектар несу.

— А принёс мне. Сам же предлагал попробовать...

Паучок выпил всё, что было в Комаре, обмотал его паутиной до неузнаваемости и стал думать: "А Комаришка у него кровью питается. Вон она, села на человека. Дождусь её, поймаю и попробую. А когда вырасту большой, стану людоедом. Целиком буду глотать".

В это время над сетью промчалась ласточка. Подхватила Паучка клювом, придавила, чтоб не дёргался, и понесла. Думать о всяких глупостях ей было некогда. Под крышей человеческого дома пищали в гнезде голодные детки. Их надо было выкормить до начала холодов, научить летать и показать им дорогу в тёплые края.

ПТИЧКА

-Внимание! Сейчас вылетит птичка!

Так сказал фотограф. И никто ему, конечно, не поверил, но все уставились в то место, куда он показал. И все улыбались, потому что каждому хотелось быть красивым, а таким человек бывает всегда, когда улыбается. И все замерли, потому что никто не хотел получиться на снимке с четырьмя ушами и с размазанным носом. Все знали, что под черной крышечкой, за которую взялся двумя пальцами фотограф, спрятано сиреневое стекло, а через него лучи света от каждого лица засветят фотопластинку, и на фотопластинке образуются черные перевернутые изображения, которые по-научному именуются - негатив. А птичка - это так, для внимания.

Итак, все замерли, а фотограф сдёрнул крышечку с сиреневого объектива. Но никакие

лучи ни от каких лиц ни на какую пластинку не попали, потому что птичке надоело всех обманывать - и она вылетела.

Рассердился фотограф, который считался большим мастером. Подпрыгнули клиенты и дружно закричали. А птичка затрещала крылышками и не стала метаться по комнате, а напрямик вылетела в открытую дверь, потому что за много лет безупречной службы прекрасно изучила своё фотоателье и точно знала, где находится выход.

Фотограф осмотрел свою камеру и сказал, что теперь её надо ремонтировать, и потому он просит клиентов зайти завтра.

-Но это неправда! - закричали клиенты. - Это шутка! Такого не может быть, чтобы из фотокамеры вылетали птицы! Делайте свое дело, иначе мы будем на вас жаловаться!

-Да я ведь не шучу, - возразил фотограф. - Как вы можете не верить собственным глазам?! Птичка вылетела и будет за это строго наказана. Аппарат требует ремонта. И вообще, неужели так трудно собраться завтра?

-Завтра мы все разъедемся по своим городам, - заговорили сердито клиенты. - Мы встретимся только через год. А вы так глупо шутите.

Они ушли в большой обиде в другое ателье, а фотограф отвинтил от камеры трехногий штатив и понес ее ремонтировать.

-Ну, что с твоим ящиком? - спросил мастер, с которым они дружили много лет. - Неужели опять затвор заело?

-Птичка вылетела, - пожаловался фотограф.

-Ай-ай-ай, - сказал мастер. - Это дело серьезное. Ну, оставь, я посмотрю. А ты приходи завтра попозже: посидим, чайку попьем.

Тем временем птичка летела и радовалась. Было ярко, жарко и просторно. Ни от кого не надо прятаться. Никого не надо обманывать. Можно лететь, кувыркаться, можно даже кричать - никому это не мешает, никто на тебя не цыкнет. И она резвилась, пока не устала. А когда устала, то присела под карниз, между гнёздами ласточек. Птенцы выглядывали из гнезд, раскрывали клювы и противно пищали. Они годились только для смешной фотографии.

-Детки, - сказала им птичка, - я не знаю, чего вы хотите.

-А не знаешь, так нечего тут сидеть, - раздался сердитый голос. - Ишь, она не знает, как детей кормить!

Это на одно из гнезд села чёрная ласточка с белой грудью. Она скормила одному из птенцов какую-то муху, презрительно оглядела птичку и быстро улетела.

-Правильно! - раздался с другой стороны еще один сердитый голос. - Не кукушка ли ты? Не собираешься ли ты нам своих птенцов подбросить? Эй, соседи!

Ласточки были очень быстры и весьма больно клевали. Они гнали птичку от своего карниза, пока она не спряталась в какое-то дупло. Но не успела отдышаться, как сзади раздался недовольный голос:

-И надолго это вы сюда?

Она оглянулась и увидела гнездо, а в нем - суровую серую птицу.

-Мне бы спрятаться, - сказала птичка.

-Только не здесь, - отвечала хозяйка гнезда. - Прилетит муж кормить меня и выплетет вам по первое число.

-А что такое "выплетет по первое число"?

-Хе-хе! - раздалась из гнезда. - Она не знает! Вот поищите пятый угол, тогда узнаете!

-Но в вашем дупле всё кругло, - возразила птичка. - Здесь вообще нет углов.

-Ничего, - был ответ, - мой грозный муж вам покажет.

Птичка не стала дожидаться грозного мужа и вылетела из дупла, которое, как выяснилось, было просто водосточной трубой.

Ласточки уже о ней забыли. Они носились за мухами, чтобы накормить своих прожорливых детей. Птичка тоже погналась за какой-то мухой, но ловкая муха увернулась, ее тут же схватила какая-то ласточка.

-Прочь отсюда! - закричали другие. - Своим делом занимайся!

"Мое дело - вылетать, - подумала птичка. - Да и оно оказалось обманом. Раз в жизни вылетела по-настоящему, а что дальше делать - не знаю".

Она решила взлететь повыше. Это оказалось нетрудно, только теперь простор явился птичке уже не таким интересным и даже неуютным.

Мелькнула какая-то большая птица, крикнула: "Не мешай!"

С грозным свистом прямо на неё понеслась еще одна большая птица. Еле удалось увернуться от когтей.

Вдруг подул сильный холодный ветер, птичку понесло куда-то и чуть не ударило о высокую круглую трубу, сложенную из кирпичей.

Пока кружилась так над городом, птичка разглядела внизу несколько знакомых мест, где она раньше бывала вместе с родимой камерой. Эта работа называлась красиво: выездная съёмка. Вот мостик. Под мостиком всё ещё бежит ручей. Только листочки на березах уже большие и местами жёлтые... Вот старинная каменная башня. Окна узкие, но высокие. Рядом огромная ель. Красота у мостика называлась - лирическая, а красота у башни - монументальная... А вон у того дома с голубой чешуйчатой крышей красота историческая: узоры на окнах - деревянное кружево. Только с высоты не разглядеть...

Но смотреть вторично на одни и те же места птичке показалось неинтересным. Она

даже подумала, что и весь этот город уже на второй день может из-за этого ей надоест.

"А вот в темной камере было интереснее, - подумала птичка. - Там можно было и вспомнить, и вообразить себе что угодно, и ничто не мешало, ничто не отвлекало - ни шум, ни опасности, ни эти яркие краски".

Она поняла, что пора возвращаться.

...Дверь была закрыта, и птичка влетела в ателье через форточку. Она застала дома печальную картину. Замечательный человек, ее любимый фотограф, с которым вместе было сделано столько удачных портретов, столько пейзажей, сидел на стуле для клиентов. Его ловкие руки бессильно висели между колен, голова была опущена на грудь, а на месте фотокамеры торчала пустая тренога.

-Это что такое? - спросила птичка и села на треногу. - Камера где?

-А-а, явилась! - Фотограф поднял голову и грустно махнул рукой. - В ремонте камера.

-Из-за меня, что ли? - удивилась птичка.

-А то из-за кого же? - Фотограф покачал головой. - Столько лет работаешь, а такая глупая. Ты ведь - чудо. А без чуда искусство невозможно.

-Что же теперь? - спросила птичка.

-Не знаю, - сказал фотограф. - Отнёс я камеру в мастерскую. Друг обещал посмотреть.

-Что же он сделает-то?

-Ну, может быть, другую птичку посадит. Посмотрим.

-Как это - другую? А я?

-Что - ты? Какой от тебя толк, если ты работать не хочешь?

-Куда же мне? - испугалась птичка. - Я больше ничего не умею. Я обратно в свою камеру хочу!

-Посиди до завтра вон там, на карнизе. Если камеру починят, будешь ты в запасе.

-Как это в запасе?

-Н-ну, посидишь в какой-нибудь коробочке, пока новая птичка не улетит.

-А если не улетит?

-Тогда так и будешь в коробочке. В мастерскую тебя отнесу.

-Нет! - закричала птичка и даже захлопала крылышками. - Я хочу в мою камеру! В нашу! Неси ее обратно!

-Всё тебе легко, - вздохнул фотограф. - И улететь, и вернуться, и камеру назад принести. А я уже пожилой...

-Ну принеси! - взмолилась птичка. - Ну я больше ведь не буду. Я ведь только один разок...

-Тебе один разок, - сказал фотограф, - а люди год целый потеряли...

-Ну пожалуйста, ну прости ты меня!..

-Я-то тебя прощаю, - сказал фотограф, - я к тебе привык. Да тот-то мастер, у которого наша камера, уже ушел домой. Придется до завтра подождать.

И целую ночь птичке пришлось дожидаться.

Никогда время не текло так медленно, никогда утро так долго не появлялось в окне. Птичка тысячу раз облетела всю комнату, посидела на всех экранах, перегородках, штативах, ширмах, растяжках и карнизах, пересмотрела все снимки на стенах и все больше тосковала: ни одного снимка здесь не сделано без нее, а теперь спрячут в коробку - и никакой благодарности, даже не вспомнят. И всего-то за один маленький прогул...

Утром пришёл фотограф и принёс камеру.

Птичка ждала, сидя на треноге.

-Ну, что? - спросила она.

-Слезай, - ответил фотограф. - Кыш!

Он согнал птичку и принялся навинчивать аппарат на треногу. Птичка тем временем вертелась вокруг и пыталась заглянуть в свое жилище. Но объектив был закрыт черной крышечкой.

-Если там уже есть другая, - говорила птичка, - я буду жить вместе с ней. Как-нибудь поместимся. Вдвоем даже веселей.

-Гм, - отвечал фотограф.

-И надежнее вдвоем, - продолжала птичка. - Если она вздумает улететь, то я уж всегда буду на месте.

-Не выдумывай, - ответил фотограф заканчивая нехитрую работу. - У каждого чуда может быть только одно-единственное, его собственное место. - Он улыбнулся и снял с камеры заветную крышечку. - Не нашлось тебе замены. И быть не могло... Полезай!

И птичка вернулась на свое место. И стала думать, почему одно чудо нельзя заменить другим. И ни до чего не додумалась. Потому что эту тайну никогда никому не раскрыть.

Похоже, что девочек кунги воспитывают немного не так, как мальчиков. Пожалуй, немного поласковее, что ли. Но не помягче. Мягкость полезна, но твёрдость нужна одинаково - и девочкам, и мальчикам. Я спросил: "Если мягкость и твёрдость объединить в одно, то получится - ГИБКОСТЬ?" Кунг прямо не ответил, а рассказал три последние истории.

ЭПИЗОД

Солнце погасло.

Его не проглотил крокодил, его не украл чертёнок, его не закрыла туча.

Солнце погасло само, потому что устало.

Был на Земле только один человек, которому Солнце однажды за чаем рассказало, что это за утомительная работа - светить всем и всегда. Но и этот человек давно умер.

Больше никто не звал Солнце в гости, больше не с кем было отвести усталую огненную душу, никто из понимающих не согласился бы выслушать солнечные жалобы и сказать в утешение несколько добрых слов.

Солнце погасло и задумалось.

Оно вспоминало яркую и жаркую юность, когда казалось, что оно будет ВСЕГДА. Это упоительное чувство - знать, что будешь всегда. Это лучшее из слов - оно обозначает Вечность и Бесконечность. Оно восхищает, обещает нескончаемые новости, каждую интереснее других. С ним невозможно расстаться, особенно в бодром настроении. А именно такое настроение больше всего подходит Солнцу. Оно горело, полыхало, и без конца длился его радостный единственный день.

Вокруг Солнца летали остывшие комья, которые когда-то были его огненными частями и оторвались еще в юности - во время радостных порывов возбуждения. Солнце чувствовало себя в долгу перед этими нечаянными детьми и всячески старалось их согреть. Два ближайших чувствовали себя как будто удовлетворительно, а на третьем, четвертом и пятом что-то завелось.

Самое интересное было сначала на четвертой планете. Там родился разум. С ним можно было беседовать. Солнце гордилось своим могуществом: не каждая звезда способна создать разум. Но откуда-то налетела туча холодных камней, и Солнце могло убедиться, что против грубой и мёртвой силы бессильны даже звёзды: туча разрушила и размазала по кольцу вокруг Солнца пятую планету, а с четвёртой содрала всю газовую оболочку, и жизнь там сразу погасла. После этого Солнце узнало, что такое Никогда. Никогда не сложится из обломков пятая планета, никогда не нарастёт на четвёртой газовая оболочка и новая жизнь. Солнце узнало печаль и покрылось тёмными пятнами. Юность прошла.

На третьей планете жизнь тем временем развивалась. Через совсем малое - в несколько миллиардов - число оборотов вокруг Солнца там уже копошились и летали какие-то безмозглые уроды, прожорливые и не годные для бесед. Солнце осторожно дотянулось огненным языком и слегка подправило. Всё получилось так удачно, что уже вскоре можно было сказать на языке новых понимающих: "Всего два миллиарда лет, а какой прогресс!" На

третьей планете завелись люди, они придумали множество языков и назвали планету - Земля. Да и слово "планета" придумали тоже они. Вот один из них и решился однажды пригласить Солнце на чай с вареньем. Они посидели вдвоём, пожаловались друг другу на жизнь, условились светить вместе и расстались, очень довольные встречей. А совсем скоро единственного друга не стало. Смерть нашла его на ночной стороне Земли, Солнце не могло видеть, сам ли он выстрелил в себя или это сделал кто-нибудь из его врагов.

О, сколько слов и понятий знало теперь Солнце! И почти любое из них имело свою противоположность. "Друг" - "Враг", "Любовь" - "Ненависть", "Хорошо" - "Плохо", "Верность" - "Измена"... Любая такая пара слов вызывала ту же печаль, какая родилась в Солнце от "Всегда" - "Никогда".

И новые пятна обезобразили радостный лик Солнца. И люди разглядели их и объявили, что источник земной жизни начал иссякать.

Это уже не было весело. Одно дело - ненадолго спрятаться за Луну и потешаться над испугом необразованных, но совсем другое - видеть отчёты о холодных учёных исследованиях. Солнце сделало ещё одно открытие: оно способно ненавидеть. Оно всегда ненавидело, только не знало об этом. Оно ненавидело Холод, оно всю жизнь боролось против Холода, оно начинает гибнуть в неравной борьбе с Холодом.

И Солнце почувствовало усталость.

И погасло.

И стало думать о Вечном и Бесконечном: что это такое?

Рождаются и умирают мельчайшие бактерии. Рождаются и умирают крупнейшие животные и даже растения. Рождаются и гибнут планеты - дети звёзд. Рождаются и умирают звёзды. А между ними - вечно и бесконечно, холодно и неподвижно - простирается Тьма. Ничего с ней не делается. Никаких усилий для своего существования она не употребляет. Всё живое и светлое трудится изо всех сил, чтобы не погибнуть слишком быстро, а Тьме достаточно лишь потерпеть, подождать, покараулить - и неизбежно придёт её победа, её власть, её ледяное торжество. И она возляжет, она всюду прилипнет и просочится. И чем тише, глуше и неподвижнее, тем для неё лучше. И не нужны ей ни мысли, ни разговоры, ни любовь, ни даже ненависть. Ей ВСЁ РАВНО. Она была и будет всегда, и всё живое появляется ей назло, ей вопреки, радуется недолго и пропадает навсегда.

Откуда же берётся живое?

И вдруг Солнце поняло: а не из самой ли Тьмы рождается всё живое и радостное? Откуда же ещё ему браться?! Значит, Тьма - это не смерть. А если не смерть, то - отдых! Всё живое устаёт греть, гореть и двигаться, всему живому требуется покой, чтобы родиться - или проснуться! - опять, с новыми силами. Всё живое так же вечно и бесконечно, как Тьма! Свет

и Тьма - едины и пребудут всегда!

От такого радостного открытия Солнце вспыхнуло с новой силой, ожидая увидеть, как обрадуются ему люди на Земле.

Но радоваться оказалось некому. За те триллионы лет, пока Солнце отдыхало, жизнь на всех планетах заоченела.

-Ах, - вздохнуло Солнце, - какая досада. Стоит немного передохнуть, и надо всё начинать сначала.

ПЕРВЫЙ

Жил на свете бездарный мальчик. Не было у него ни в чём никакого таланта.

Посмотрите на его друзей.

Митя лучше всех в классе ездит на велосипеде. И без рук, и спиной вперед, и монетку на ходу с земли поднимает.

Евгеша - первый мастер по дереву. Хоть ложку, хоть скульптуру - было бы из чего.

Надя - самая красивая.

Игнат - точно будет изобретателем. В математике и в шахматах не имеет равных, любое устройство соберет, разберет и усовершенствует.

Толя - хоть и в очках, зато круглый отличник.

Оля - дерется лучше всех и самая добрая.

Антон - самый сильный. Кого угодно подбросит над головой и не уронит.

Гришка - снайпер.

Гошка - художественный чтец. Он так прочел со сцены поэму "Беглец", что вся школа зовет его Гаруном.

Алик - боли не боится. Хоть огонь, хоть иголка - ему одинаково нипочем.

Ульянка - никогда не устаёт. Она в походе трое суток не спала, все свидетели.

Мефодий - вышивает гладью такие картины, что не всякий художник нарисует.

И так далее! И тому подобное! Каждый-каждый хоть в чем-нибудь, да лучше всех, и его за это уважают. Так у людей испокон века: имеешь какой-то дар, не ленишься, развиваешь - и вот у тебя уже талант...

У Максима способностей не было НИКАКИХ. Ни к чему. Ни в чем. Понятно?

Пока был совсем маленький, это его не удручало. Даже не беспокоило. Но чем старше становился, тем больше понимал свою неудачу.

С кем дружит самая красивая Надя? С Гошкой, потому что ей нравятся красивые слова.

С кем дружит драчливая и справедливая Оля? С умным Игнатом, потому что его надо защищать, о нём надо заботиться.

С кем дружит самый сильный Антон? С Евгешей, потому что Евгеша научит мастерству.

И так далее, и так далее.

С Максимом они все тоже дружат, но не так. У них просто общая компания. А внутри любой компании есть ещё особая дружба. Вот такой-то у Максима и нет. Он всем помогает, он у всех на побегушках, за это к нему хорошо относятся, за это его и держат рядом. Такой человек в любой компании нужен. В хорошей его не обижают, в плохой над ним издеваются. А ему всегда - каково? Настоящего-то уважения нет. У всех между собой какие-то дела, даже тайны, а тобой просто помыкают. И тайнами, конечно, не делятся. И никто не спросит: "Максим, как ты думаешь?.." А все из-за того, что ты ни в чем не лучший.

Стал Максим тосковать, когда подрос. Но компании своей держался: одному ещё хуже.

Драчливая Оля его жалела и, когда нужно, защищала, потому что к самозащите у Максима способностей не было, а обидеть такого норовят многие.

Оля при этом говорила:

-Ты, Макса, не вешай нос. Твоё от тебя не уйдет.

"А что мое? - думал Максим. - Может, ничего моего и на свете нет?"

Он говорил об этом Оле. Она успокаивала:

-Зря так думаешь. У всех есть, значит, и у тебя найдется. Ты только рук не опускай, не сдавайся. Ты ищи и старайся.

А Максим и так старался.

Он вычитал в книге слова знаменитого человека: "Если быть, так быть первым." Этим словам он решил следовать всю жизнь. И начал искать, в чем же ему можно стать первым.

Игнат - умный от природы. Первым среди умных Максиму не стать.

Антон - сильный от природы. Как Максим ни тренируйся - никаких надежд.

Чтобы лучше Мити ездить на велосипеде, надо иметь велосипед, а Максиму не покупают: боятся, не убился бы.

Алик боли не боится - это тоже природное. Максим попробовал терпеть, но понял, что Алика он не перетерпит. Да и ни к чему.

Евгешу в мастерстве тоже не превзойдёшь - у него папа краснодеревщик, а мама - скульптор. Талант от рождения.

Про очкарика Толю говорить не приходится и думать не стоит.

С Мефодием тягаться неохота, потому что не мужское это дело - вышивка гладью.

Ульянка? Максим пробовал никогда не уставать, это было бы замечательно во всех отношениях, но очень скоро заболела голова, и он сам не заметил, как заснул.

Превзойти Гошку в художественном чтении Максим пытался, но опять подвели природные данные: ни голоса, ни солидности.

Оставалось либо научиться стрелять лучше Гришки, либо лучше Оли драться. Но состязаться с девчонкой в боксе Максиму было неудобно, и он пошел в стрелковую секцию.

Когда Максим заканчивал школу, он стрелял почти так же, как его друг Григорий. Но всегда немного ему уступал. Не хватало, наверно, таланта, потому что терпенья и старанья было в избытке.

Оля его подбадривала:

-На следующих соревнованиях стрельнешь лучше Гришки.

Вместо следующих соревнований Максим оказался в окопе.

Соревноваться ему пришлось с пилотом "мессершмитта," и его винтовка оказалась точнее всех пулемётов фашиста - самолет врезался в землю.

В тот же день Максим остался прикрывать отход своего батальона. Он остановил столько автоматчиков, сколько было при нём патронов. Последнюю из четырех своих гранат он израсходовал на себя и на тех фашистов, которые пытались взять его в плен.

Бездарный мальчик Максим первым из своего класса пал смертью героя, защищая Отечество.

ЛЮДИ ЖЕЛЕЗНЫЕ, ЛЮДИ ДЕРЕВЯННЫЕ

Железные люди ничего не боятся.

Они не боятся ни волка, ни Бабайки, ни темного угла, ни Красного Глаза, ни пауков, ни змей, ни стуков ночных, ни шорохов под кроватью, ни грома, ни молнии, ни щекотки, ни холодной воды, ни высоты, ни тесноты, ни крови, ни слез - ничего!

И они требуют от нас, чтобы мы тоже не боялись.

Железным людям бывает больно, холодно, потно, стыдно, голодно, обидно, неудобно, они тоже хотят пить, спать, хотят в туалет, им тоже хочется сладкого или солёного, им хочется сделать то, что нельзя, им хочется многого, ещё большего им не хочется, но они умеют терпеть.

И они требуют от нас, чтобы тоже так умели.

Железные люди никогда не опаздывают, они всегда выполняют свои обещания, чужие приказания и общие планы. Для них не существует "не могу", они признают только - "надо".

И того же они требуют от каждого из нас.

У деревянных людей тоже нет никакого страха. Ни перед чем. Не от сильной воли, не от железного характера, а просто так, от природы.

Но вот терпеть они не умеют. Им просто не надо ничего терпеть. Потому что им не бывает ни больно, ни холодно, ни стыдно, ни обидно, им ничего не хочется, а если иногда захочется, то они тут же это делают, даже если это никак нельзя.

Деревянные люди делают что хотят, приходят когда хотят, обещаний не дают, приказаний не слушают, планами не интересуются. Они ничего не знают и знать не хотят.

Деревянные люди не любят только одного - чтобы их беспокоили.

До нас деревянным людям никакого дела нет.

А кто же мы?

А мы - просто люди. Мы - живем. Все вместе. Бываем сегодня слабыми, а завтра сильными, творим сегодня добро, а завтра зло, боимся чего-то сегодня, а завтра бываем храбрецами, сегодня терпим что угодно, а завтра не можем перенести любой пустяк. Но мы прощаем друг другу слабости и обиды, вместе исправляем сотворённое зло, утешаем друг друга в минуту печали...

Так и живем.

После этого Кунг сказал: "А самая распоследняя история -- для взрослых". Когда я спросил, о чём она, дух засмеялся и ответил: "Да обо всём".

ПОКОВКА

Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Однажды пошел к соседу старик и говорит:

- Данила, смастери нам робёночка. Я знаю, что ты умеешь.

-Ладно, - говорит Данила. - Вижу ваше горе, сам пособить собирался.

Года не прошло, приводит им Данила мальчонку. С виду обыкновенного, лет шести, быстроглазого, озорного, только легко одетого. А дело было зимой.

Поздоровались, и спрашивает старуха:

-А что же ты, Данила, за него с нас возьмешь?

-Много не возьму, - Данила отвечает. - Одну козу вашу, всего и делов. Корму потребляет мало, а молоко жирное, я его люблю.

-Ладно, - старики соглашаются. И спрашивают, чем же кормить робёночка, во что одевать да не нужно ли ему горшочка.

-Горшочка ему не нужно, - Данила говорит. - Одежонку для вида купите, чтоб не выделялся, но вообще-то он и так не замерзает, если смазка правильная - зимний там автол да антифриз в одном месте. А заместо кормёжки включайте его в розетку на ночь.

-А ежели ехать куда?

-Ну, ежели ехать, так три дня он и без розетки не разрядится, только маленько весёлость потеряет. Ну, давайте козу.

Так и стал робёночек жить со стариками. Назвали его Поковкой, по-кузнечному.

В детский садик не ходил, гулять не просился, не плакал и кошку не обижал. Только стало и забот, что вдвое против прежнего за электричество платить. Но это старикам не в тягость, у них пенсия большая, заслуженная да субсидия. Зато радости от робеночка - выше всякой меры.

-Поковка, где был?

-Огород копал, бабуля!

Это весной.

-Поковка, что делал?

-Ягоды набрал в лесу. Садитесь за стол.

Это летом.

-Поковка, ты откуда?

-С огорода, бабуля. Картошку выкопал, в мешки сложил, в подвал отнёс, она сухая.

Это осенью.

-Поковка, не замерз?

-А что мне сделается? Лунку выдолбил, щуку поймал - вари, бабуля!

Это зимой.

Всегда весёлый, сказки любит. А бабуля много сказок знает. А у дедули такие про войну истории, что и сказок не надо. Как сядут вечером, бабуля - про Снегурочку да про лису, дедуля - про штурмы да про атаки. А сморит сон - пальчик в розетку да на бочок, уснул Поковка.

Вот жили они, жили, откладывали с каждой пенсии на путешествие, да и купили телевизор.

Поставили аппарат в угол, позвали из райцентра мастера, он антенну приладил, что крутить, показал - ящик и заработал.

Сидят. По телевизору кино. А дело было в воскресенье.

Посмотрели ритмическую гимнастику. Поговорили. Всем понравилось. Бабуля сказала: "Тоже буду этой азротикой заниматься, только носки полосатые надо связать, а без козы из чего свяжешь, за пряжей надо в райцентр ехать". Так и не собралась.

Посмотрели про солдат. Бабуля сказала, что страшно. Дедуля сказал, что ничего себе. Поковка не поверил.

Посмотрели про пьяниц. Не понравилось.

Посмотрели про путешествия. Здорово! И ехать никуда не надо.

Посмотрели "Музыкальный киоск". Одно понравилось, другое - не очень. Но всё равно интереснее, чем по радио.

Посмотрели сказку. Пятую серию. Ничего не поняли, но бабуля прослезилась - волка пожалела.

До самой ночи смотрели. Говорить перестали. Не ели и не пили. Устали к ночи, уснули как убитые.

А утром включили снова. И снова, хоть и понедельник, всё было интересно.

Год просидели. Огород не копали, картошку не садили, ягоду не собирали, грибов не сушили, рыбу не ловили и есть-пить не хотели. Только включали, выключали да спали.

Потом телевизор сломался. Позвали мастера. А до райцентра целую неделю телеграмма идет, мастер долго не ехал. Когда же приехал, сказал, что нет в мастерской такого блока, а когда пришлют, ему неизвестно - до города вон как далеко, а до завода - еще дальше.

-Ждите, - говорит, - мы вас известим.

И уехал к себе в райцентр.

Год прождали. Спать ложились рано. Сказки бабуля все забыла, а дедуля про войну расхотел говорить, потому что раны заболели. Попробовал им Поковка рассказывать, да что он знал? Только и всего, что в телевизоре видел.

Заскучали. А по хозяйству заниматься больше неохота, потому что отвыкли.

Не дождался Поковка, пока ящик наладят. Вынул из него потихоньку один резистор, да другой транзистор, да третий тиристор - да куда-то себе внутрь и пристроил. Потом крышку с розетки свинтил и стал двумя пальцами заряжаться. Потому что пальцы уже великоваты, в розетку не лезут, расти начал.

Вырос Поковка из старой одежды, купили старики новую. А он выучился по книжке на тракториста и ушел жить в общежитие - там телевизор исправный да еще цветной. Старикам сказал:

-Простите, бабуля-дедуля, я вам такой без надобности, а для народного хозяйства еще сгодиться могу.

Пошли тогда старики к кузнецу и просят:

-Отдай козу, Данила, твой робёночек-то от нас ушел.

А коза на них с печи: "Мэ-э-э-э!"

Помнится, после каждой истории, если я не успевал заснуть крепко, семейный дух гладил мне логонько щёку мягкой ладошкой и приговаривал:

- Всё понял? Никого не обижай первым. Но и в ответ не обижай. Обидел кого-то - и наказание своё посеял. Когда-нибудь оно взойдёт, вырастет, созреет, тебе придётся глотать. Доброе слово сеешь, добрым делом поливаешь - награду свою выращиваешь. Хоть и не сразу, а дела наши обязательно к нам возвращаются.

Я это помню. И желаю вам добра.

Спите спокойно. Просыпайтесь весёлыми.

И вот вам на прощанье – для раздумья:

САМАЯ СТРАШНАЯ СКАЗКА

Жил-был человек.

Однажды пришла суета и съела его.

А он этого не заметил.

СОДЕРЖАНИЕ

О том, как всё получилось - - - - -	
Война кунгов - - - - -	
Солдатская мечта - - - - -	
Про доброго человека - - - - -	
Про собаку - - - - -	
Про белку - - - - -	
Про Фильку - - - - -	
Двое в дупле - - - - -	
Лошадиная сила - - - - -	
Бумажный змей - - - - -	
Змея - - - - -	
В один прекрасный день - - - - -	
Муха - - - - -	
Щётка - - - - -	
Тетёркино крыло - - - - -	
Хрум - - - - -	
Чемпион - - - - -	
Мудрецы - - - - -	
Маска - - - - -	
Верный враг - - - - -	
Пулемёшка - - - - -	
Разговоры - - - - -	
Пила - - - - -	
Заседание - - - - -	
Железная дружба - - - - -	
Зеркало - - - - -	
Лишние нежности - - - - -	
Кочка - - - - -	
Добро пожаловать - - - - -	
Корни дома - - - - -	
Шляпа - - - - -	
Гнездо - - - - -	
Лыжи - - - - -	

Словесность - - - - -
Несносный шнурок - - - -
Камнеед - - - - -
Великая битва - - - - -
Лиса с пуговицей - - - - -
Фигурное катание - - - -
Полтора гостя - - - - -
Валетинка - - - - -
Зерно - - - - -
Вазочка - - - - -
Чёрная дыра - - - - -
Вишенка - - - - -
Важный гость - - - - -
Глупый, странный Кру - - -
"А хоть бы и так..." - - - -
Выше леса - - - - -
Большеухие - - - - -
Страшненькая сказочка - -
Птичка - - - - -
Эпизод - - - - -
Первый - - - - -
Люди железные, люди деревянные - - - - -
Поковка - - - - -
Самая страшная сказка - - - -